SALGA ATTILA

Rendhagyó bibliográfiám

Rendhagyó bibliográfiám *Rendhagyó bibliográfiám*

Debrecena Bulteno, Debrecen 1995

Salga Attila: Rendhagyó bibliográfiám

Szerkesztette: PAPP TIBOR

Megjelenik a DEBRECENA BULTENO című eszperantó nyelvű folyóirat különszámaként

HU ISSN 0865-9559

Debrecena Bulteno, Debrecen 1995/I.

© Salga Attila, Debrecen 1995

Előszó helyett...

A Rendhagyó bibliográfiám a szokásostól eltérő cím. Arra utal, hogy valóban nem hagyományos, nem megszokott összeállításról van szó.

25 év tudományos munkásságát sokféleképpen lehet(ne) reprezentálni, ehhez azonban anyagiak hiányában a lehetőségeim korlátozva vannak.

Bibliográfiám több ok miatt válogatott és rendhagyó.

a) Nem tartalmazza annak a több száz újságcikknek (fordításnak, interjúnak, riportnak, novellának, humoros írásnak stb.) az adatait, amelyek nem sorolhatók a tudomány témakörébe.

b) Csak azoknak a (tan)könyveknek, tanulmányoknak, könyvismertetéseknek és cikkeknek a felsorolását találhatjuk meg benne, amelyek témája és kifejtése valóban kapcsolódik a nyelvészethez, az irodalomhoz vagy az idegen nyelvek oktatásához.

c) Ez a rendhagyó bibliográfia hivatkozásokat is közöl. Pontos forrásként utal arra, ki, hol és mikor idézett, említett meg valamilyen tanulmányában, könyvében.

d) Több, máshol már megjelent könyvrészlet, értekezés és egy elsőként közölt tanulmány is szerepel benne.

Reménhetőleg a T. Olvasó talál a kiadványban olyan forrásokat, utalásokat, értekezéseket, amelyeket hasznosítani tud mindennapi kutató munkájában.

Debrecen, 1995. január 20.

Dr. Salga Attila
egyetemi adjunktus
KLTE Szláv Filológiai
Intézet, 4010 Debrecen

Könyvek, jegyzetek

Orosz -- magyar nyelvészeti terminológiai szótár. Tankönyvkiadó, Bp. 1974.

Лексическая и грамматическая стилистика русского языка, ч. I-II. Debrecen, KLTE 1992. (Sankó Gyulával)

Mondat- és szöveggyűjtemény az orosz fordítás és stilisztika című tárgyhoz. Debrecen, KLTE 1989. (Sankó Gyulával)

Венгерский язык в зеркале русского языка. Tankönyvkiadó, Bp. 1984.

Rövid orosz gyakorlati nyelvtan. Eger 1977.

Eszperantó nyelv. Alapismeretek. Eger 1976.

Orosz -- magyar nyelvészeti kislexikon. Debrecen, KLTE 1993

Eszperantó alapismeretek. Debrecen, KLTE 1990

Eszperantó alapozó. Debrecen, KLTE 1993

Eszperantó alapfokon. Debrecen, Debrecena Bulteno 1995

Esperanto-krestomatio por studentoj de filologiscienca fakultato. Elektis kaj redaktis: d-ro Attila Salga. Debrecen, KLTE 1991

Tesztkönyv eszperantó nyelvvizsgára. Debrecen, Debrecena Bulteno 1995 (dr. Mészáros Bélával)

Rendhagyó bibliográfiám. Debrecena Bulteno 1995

Tanulmányok, cikkek

Категория залога в русском языке. Slavica XX., Debrecen 1984. pp. 5-10.

Актив и пассив в русском языке. Studia Russica VII., Bp. 1984. pp. 9-20.

A Contribution to the Passive in Russian. Slavica XXVI. Debrecen 1993. pp. 33-42.

Некоторые вопросы аспектуальности в русском и венгерском языках. В сб. "Вопросы оптимализации включенного обучения русскому языку венгерских студентов-филологов." Владимир 1987. pp. 62-68.

Изучение категории вида глаголов в вузах. Főiskolai russzisztikai napok. Szeged 1973. p. 68.

Некоторые теоретические и практические вопросы, связанные с аспектуальностью в русском и в венгерском языках. Studia Russica VIII., Bp. 1985. pp. 151-169.

К вопросу о категории состояния. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae Dissertationes Slavicae XXX., Szeged 1988. pp. 183-193. (Székely Gáborral)

Венгерский язык в зеркале русского языка. В сб. "III Международный симпозиум по преподаванию русского языка в финно-угорских школах". Таллин 1978. p. 63.

О необходимости издания краткого курса венгерского языка в сопоставлении с русским языком для советских преподавателей. В сб. "Региональная конференция преподавателей русского языка и литературы." Nyíregyháza 1978. pp. 50-51.

Венгерский язык в зеркале русского языка. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova Series, tom XV. Eger 1979. pp. 95-100.

Трудные для венгров вопросы русского синтаксиса.
В сб. "Национальная ориентация при изучении русского языка венгерскими студентами-филологами". Владимир 1989. pp. 24-26.

Изучение категории вида в Эгерском педагогическом институте (Венгрия). Modern Nyelvoktatás, Bp. TIT, 1978. pp. 119-122; В сб. "III Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы." Варшава 1976. p. 247.

О значении сопоставления русского и родного языков при обучении. В сб. "Проблемы сопоставительного изучения русского и венгерского языков." Будапешт 1978. pp. 84-89.

О категориях русского и венгерского глаголов. В сб. "Тезисы докладов и сообщений. 5-й международный конгресс преподавателей русского языка и литературы." Прага 1982. p. 193.

Венгерский язык в зеркале русского языка. О необходимости издания краткого курса венгерского языка в сопоставлении с русским для советских преподавателей. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova Series, tom XV. Eger 1979. pp. 95-100.

Некоторые вопросы аспектуальности в русском и в венгерском языках. В сб. "Вопросы оптимизации включенного обучения русскому языку венгерских студентов-филологов. Межвузовский сборник трудов." Владимир 1987. pp. 62-68.

Родовая соотносительность в категории названий лиц. In: Rendhagyó bibliográfiám. Debrecena Bulteno 1995

Bonkáló Sándor és a szlávok. Hevesi Szemle, 1975. 1. pp. 48-51.

Bonkáló Sándor emlékezete. Hevesi Művelődés, 1974. 1. pp. 94-95.

Adalékok Bonkáló Sándor életéhez és munkásságához. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova Series, tom XII. Eger 1974. pp. 201-209.

Bonkáló Sándor és az orosz irodalom. Acta Academiae Pedagogicae Agriensis. Nova Series, tom XIII. Eger 1975. p. 271-281.

Bonkáló Sándor és a szlávok. Hevesi Szemle, 1975. 1. pp. 48-51.

A magyar -- rutén kapcsolatok történetéből. I. rész: Magyar Híd, 1991. 2. pp. 5-6.; II. rész: 1991. 3. pp. 6-7.

Noties on Sándor Bonkáló's Work of Rusyn (Ruthenian) Philology. Slavica XXV. Debrecen, 1991. pp. 51-61.

Чи Русини прастарожителє на Подкарпат'ю (по Олександровичу Бонкало). Нова Думка (Вуковар), 1989. (XVIII) 71. pp. 58-59.

Олександр Бонкало и русини. Нова Думка (Вуковар),1989. (XVIII) 73. pp. 44-45.

Ötven éves az első magyar nyelvű orosz irodalomtörténet.(Bonkáló Sándor könyvéről.) Heves megyei Népújság, 1976. aug. 12. p. 5.; Magyar Nemzet, 1976. aug. 31. p. 10.

Sándor Bonkáló kaj la orientaj slavoj. Debrecena Bulteno. Ekstra numero. Debrecen 1991. pp. 1-14.

Sándor Bonkáló kaj la orientaj slavoj. I. Debrecena Bulteno, 1989. 12. (54) pp. 8-11.; II. 1990. 3. (57), pp. 24-27; III. 1990. 6. (59) pp. 3-5.; IV. 1990. 9. (60) pp. 11-15.

Skizoj de kontrasta Esperanta -- hungara gramatiko. I. Debrecena Bulteno, 1986. 2. (28) pp. 16-20.; II. 1986. 4. (29) pp. 22-25.; III. 1986. 7. (30) pp. 19-22.

Kauzatív igék és kauzatív viszonyok az orosz nyelvben. Diakronikus és szinkronikus áttekintés. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova Series, tom X. Eger 1972. pp. 443-477.

A csuvas nyelvről. Heves megyei Népújság, 1973. febr. 18. p. 6.

Az általános és középiskolai orosz nyelvoktatás néhány tipikus nyelvi hibájáról. Hevesi Művelődés, 1972. 1-2. pp. 92-94.

Analógia vagy szótári alak? Hevesi Művelődés, 1969. 3. pp. 45-46; Idegen Nyelvek Tanítása, 1972. 1. pp. 24-26.

Sinonimoj en Esperanto. Debrecena Bulteno, 1991. (66) 4. pp. 20-21.

Néhány észrevétel a mozgást jelölő igék elméletének és tanításának gyakorlatához. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova Series, tom XII. Eger 1974. pp. 44-49.

A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében. Orosz Módszertani Lapok. Eger 1981. 4. pp. 29-38.

Idegen "idegen" nyelvek. Hevesi Szemle, 1979. aug. pp. 38-40.

Az igeszemlélet és tanítása az általános iskolában. Hevesi Művelődés, 1970. 2-3. pp. 65-71.

A nyelvészet nemcsak a szakembereké. Élet és Irodalom, 1977. okt. 10. p. 2.

Bárczi Géza és az eszperantó. Magyar Nemzet, 1978. jan. 10. p. 8.

Eszperantó és kultúra. HBN, 1983. aug. 10. p. 8.

A nyelvészeti homunculus létrejő. Kritika, 1976. 9. pp. 14-15. (Dr. Bihari Józseffel együtt)

Az orosz nyelv oktatásáról az eszperantó tükrében. Világ és Nyelv, 1981. 6. p. 19.

Sumér-e a magyar? Heves megyei Népújság, 1975. jún. 20. p. 8.

Eszperantó a tudományos életben. Egyetemi Élet, 1983. jún. 9. p. 4.

Nyelvi problémák a nemzetközi sportvilágban. Magyar Nemzet, 1976. júl. 11. p. 10.

A közös nyelv. Magyar Hírlap, 1983. júl. 16. p. 8.

Nyelvtanulásról, nyelvtudásról. Magyar Nemzet, 1976. jan. 16. p. 11.

Eszperantó nyelven a Parnasszusra. Baghy Gyula és Kalocsay Kálmán centenáriumára. Hajdú-bihari Napló (HBN), 1991. aug. 26. p. 8.

A mesterséges nyelv élővé vált. Az eszperantó nyelv segítségével a magyar irodalom mindenhová eljut. HBN, 1991. dec. 18. Termés, p. 19.

A reformer pedagógus Gönczy Pál (1817-1892). Világító Ceruza, 1994. okt. p. 8.; Szabadhajdú, 1994. aug. 19. p. 3.

Mata János emlékezete. HBN, 1994. dec. 6.

A világmindenséget akarta nyelvbe foglalni. (Kalmár Györgyről) HBN, 1994. dec. 2. p. 7.

Hírünk a világban. Hungarológia nemzetközi nyelven. Magyar Híd, 1991. jan. 17. p. 23.

Egy "holt" nyelv újraéled. HBN, 1994. júl. 14. p. 6.

Amikor érdeklődés buzdít az orosztanulásra. (Interjú dr. Kiss Kálmánnal a magyarországi orosz nyelvoktatás első száz évének történetéről.) HBN, 1993. dec. 30. p. 6.

Egyedülálló finnoktatás és humán tagozat. HBN, 1994. jan. 7. p. 6.

Példamutató tanár, irodalmár, műfordító és újságíró -- Molnár István (1879-1943). Szabadhajdú, 1994. jan. 21. p. 3.

A könyvtárak hasznos segítői a közoktatásnak. Világító Ceruza, 1994. febr. p. 3.

Száz éve halt meg Sillye Gábor, az utolsó hajdúkerületi főkapitány (1817-1894). Szabadhajdú, 1994. febr. 19. p. 3.

Aki a városban kihirdette a köztársaságot. HBN, 1994. máj. 29. p. 4.

A Freinet-szemléletű pedagógia debreceni sikereiről. Világító Ceruza, 1994. ápr. p. 1.

Magyar -- ószláv nyelvi kapcsolatokat kutat. Beszélgetés Kraszimira Georgievával, a KLTE Szláv Filológiai Intézetének bolgár lektorával. HBN, 1994. ápr. 14. p. 6.

Pri la Esperanto-vortordo en la spegulo de la hungara lingvo. Budapeŝta Informilo, 1982. 12. pp. 20-21.

Pri la uzo kaj misuzo de prepozicio JE. Debrecena Bulteno, 1985. febr. (22.sz.) p. 19-21.; Bulgara Esperantisto, 1983. 3. p. 13.; Heleco, 1987. 5. (58) pp. 5-6.

Pri la uzo kaj misuzo de prepozicioj POR kaj PRO. Debrecena Bulteno, 1985. jún. (24) p. 31-32.; Heleco, 1987. 6. (59) pp. 10-12.

Ni uzu ĝuste la vorton ANKAŬ. Debrecena Bulteno, 1985. okt. (25) p. 30-32.; Budapeŝta Informilo, 1983. 10. pp. 19-20.

Kiu vorto estas ANKAŬ? Budapeŝta Informilo, 1986. 9-10. pp. 28-29.

Könyvismertetések

Л. С. Федотова. Виды русского глагола. Idegen Nyelvek Tanítása, 1985. 6. p. 189-190.; Studia Russica VIII. Bp. 1985. pp. 403-406.

Л. С. Федотова. Виды русского глагола. Методическая разработка по грамматике для венгерских студентов. Studia Russica VIII. Bp. 1985. pp. 403-406.

Л. М. Медведева. Части речи и залог (на материале английского языка). Studia Russica VIII. Bp. 1985. pp. 407-413.

О. П. Рассудова. Употребление видов глагола в современном русском языке. Slavica XXII., Debrecen 1986. pp. 164-165.

Лингвистика, литературоведение, методика. Idegen Nyelvek Tanítása, 1987. 2. pp. 56-57.

А. З. Шакирова. Научные основы методики обучения категориям вида и времени русского глагола в тюркоязычной школе. Казань, Татарское книжное издательство, 1974. -- Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova Series, tom XIV. Eger 1978. pp. 511-518.; Slavica XVI, 1979. pp. 169-171. (Dr. Bihari Józseffel)

Ötven évvel ezelőtt jelent meg Bonkáló Sándor A rutének című könyve. Múzeumi Kurír, Debrecen 1991. pp. 61-69.

Hungarológiai oktatás régen és ma. Felsőoktatási Szemle, 1984. I. p. 63-64.

A magyar kultúra vonzásában. Hungarológiai oktatás régen és ma. HBN, 1983. szept. 6. p. 7.

Büky B. -- Egyedi A. -- Pléh Cs.: Nyelvi képességek, fogalomkincs, megértés. Pedagógiai Szemle, 1985. 6. p. 634-635.

Fábián Pál: Nyelvművelésünk évszázadai. Magyar Tudomány, 1985. 6. p. 479.; HBN, 1984. szept. 1. p. 8.

Sugárné Kádár Júlia (szerk): Beszéd és kommunikáció az óvodás- és kisiskoláskorban. Pedagógiai Szemle, 1985. 12. pp. 1274-1275.

Nyelvi divatok. HBN, 1985. jún. 1. p. 9.

Dr. Szerdahelyi István: Bábeltől a világnyelvig. Magyar Nemzet, 1977. máj. 22. p. 9.

Fülei-Szántó Endre -- Szilágyi János: A nyelvtanulásról. Heves megyei Népújság, 1975. nov. 23. p. 5.

Lengyel Zsolt: A gyermeknyelv. Magyar Nyelvőr, 1982. 4. pp. 494-497.; Hevesi Szemle, 1983. 3. p. 62-63.

Mit mondanak a nyelvtanárok? Világ és Nyelv, 1977. 1. p. 4.

Vincze László: Rousseau-tól Neillig. A gyermek felszabadításától a szabad nevelésig. Magyar Tudomány, 1983. 2. pp. 158-160.; Hevesi Szemle, 1982. 4. p. 63.

Huszár Tibor: "Nem középiskolás fokon..." Hevesi Szemle, 1983. 1. p. 63.

Vincze Flóra -- Vincze László: Regényirodalom és pedagógia. Pedagógiai Szemle, 1977. 7-8. pp. 729-730.

Milyen lesz köznevelésünk az ezredfordulón? Hevesi Szemle, 1978. 2. p. 63.

Fel kell-e építeni Bábel tornyát? Eszperantó Magazin, 1976. 4. p. 10.

Tóth-Máthé Miklós: Figuránsok. Szabadság, forradalom, szerelem. Confessio, 1994. 4. pp. 123-125.; Világító Ceruza, 1994. szept. p. 7.

Ha így megy tovább, eldugul az "ötágú síp". HNB, 1993. dec. 9. p. 5.

Árpa István: A tiszaháti nemzetiségek életéről. HBN, 1993. okt. 6. p. 6.

Tarczy Péter: Szivárványidőben. HBN, 1994. dec. 14. p. 8.

Taar Ferenc: Sorsfordulón -- Ligetaljai változások. HBN, 1994. dec. 20. p. 7.

Csatáry György: Levéltári kalászatok. HBN, 1994. jún. 21. p. 6.

Az Ungvári Hungarológiai Központ Gyűjteménye. HBN, 1994. márc. 2. p. 6.

Szöllőssy Tibor: Kárpát-medencei magyar paletta. HBN, 1994. máj. 2. p. 6.

Hivatkozások

L. Volszkaja: Salga Attila: A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében. (Recenzió) Idegen Nyelvek Tanítása, 1985. 5. pp. 156-159.; Studia Russica XIII. Bp. 1989. pp. 356-360.

Pete István: Salga Attila: A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében. (Recenzió) Magyar Nyelvőr, 1985. 4. pp. 500-504.

A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében (Tankönyvkiadó, Bp. 1984) -- Magyar Nemzeti Könyvek Bibliográfiája, 1985. jún. 15. (40. évf. 2.sz. 2/56)

Kálmán Béla: Köznyelv -- nyelvjárás. HBN, 1985. máj. 4. p. 8. (Reagálás a Mi is ennek a vonzata? című cikkre. HBN, 1984. febr. 2. p. 8.)

Orosz írók magyar szemmel III. Szerk. Dukkon Ágnes. Tankönyvkiadó, Bp. 1989. p. 666. (Bonkáló Sándorról írt két tanulmányom és a bölcsészdoktori disszertációm említése.)

Megjelent a Slavica XX. kötete. HBN, 1984. jún. 12. p. 4. (Névemlítés)

Kornélia Nagy: Teatra agado en Odorheiu Secuiesc. Budapeŝta Informilo, 1982. 6. p. 20. (Hiv. arra, hogy Székelyudvarhelyen az Eszperantó alapismeretek c. jegyzetemet használják az iskolákban.)

F. G. Blázquez: Emfazaj vortoj. Budapeŝta Informilo, 1984. 6-7. pp. 28-29. (Reagálás a "Ni ĝuste uzu la vorton ANKAŬ" című nyelvészeti cikkre.)

I. Hegedűs: Ŝtata ekzameno. Debrecena Bulteno, 1985. 10. (26) p. 6. (Névemlítés)

V. Balogh: Semajno de libro. Budapeŝta Informilo, 1985. 9-10. p. 4-5. (Névemlítés)

(CN) Nyelv és gép. Egyetemi Élet, 1988. ápr. 5. p. 2. (Számítógépes nyelvészettel foglalkozom.)

Kiu estas kiu en la scienco kaj tekniko? Berlin 1984. (Teljes oldal életrajzi adatokkal és a legfontosabb publikációkkal.)

Г. Вернке. Славянское языкознание в Венгрии за 1976 г. Studia Slavica XXIII. Bp. 1977. pp. 238-239. (Névemlítés)

Б. Леваи. Конференция венгерских русистов в Дебрецене. Studia Slavica XXIII. Bp. 1977. pp. 239-241. (Az aspektualitás kérdéseiről tartott előadásom rezüméje.)

Б. Леваи. Конференция венгерских русистов в Дебрецене. Slavica XV. Debrecen 1977. pp. 113-117. (A "Преподавание теории видов Маслова и Бондарко в Эгерском пединституте" című előadásom rezüméje.)

К вопросу о категории состояния. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae Dissertationes Slavicae XXX. 1988. pp. 183-193. (Székely Gáborral) -- Hiv. Венгерский язык в зеркале русского языка, pp. 192-193.

В. А. Федосов. Материалы для работы над ошибками в русском произношении венгерских студентов. Владимир 1988. Рецензент: А. Шалга. Hiv. Венгерский язык в зеркале русского языка, p. 37.

Ш. Яношка. Синтаксис в школьных учебниках по русскому языку. В сб. "Национальная ориентация при изучении русского языка венгерскими студентами-филологами". Владимир 1989. pp. 26-29. Hiv. Венгерский язык в зеркале русского языка, p. 29.

А. П. Окунева. III Международный симпозиум по преподаванию русского языка в финно-угорских школах. Русскйй язык в школе, 1979. 1. pp. 80-83. (A Tallinban tartott "Венгерский язык в зеркале русского языка" című előadásom, vagyis készülő tipológiai kiadványom tervezetének méltatása.)

Я. Ковалк. III Международный симпозиум "Проблемы преподавания русского азыка в финно-угорских школах". Русский язык за рубежом, 1979. 3. pp. 122-123. (A tallini előadásom rövid ismertetése.)

Р.С. Сурмонина. Вторая совместная конференция преподавателей русского языка вузов СССР и ВНР. Русский язык за рубежом, 1980. 3. pp. 123-124. (Hivatkozás az 1979. nov. 28-án minisztériumi küldöttség tagjaként Vlagyimirban tartott előadásomra.)

А. Золтан. Славянское языкознание в Венгрии за 1978. Studia Slavica XXVI. Bp. 1980. pp. 232-234. (A tallini konferencián tartott előadásomról, p. 234.)

К вопросу о категории состояния. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae XXX. Szeged 1988. pp. 183-193. (Székely Gáborral együtt; hiv. a "Венгерский язык в зеркале русского языка" című könyvemre, p. 192., 193.)

В. А. Федосов. Содержание включенного обучения русскому языку. In: Az orosz nyelv oktatása magyar anyanyelvűek számára. Főiskolák közös tanulmánygyűjteménye. Stúdium Kiadó, Nyíregyháza 1994. pp. 17-29. (Hiv. a "Венгерский язык в зеркале русского языка" c. könyvemre, p. 29.)

В. Федосов. Методическая характеристика ошибок в русском произношении венгерских студентов. Владимир 1987. (Hiv. "Венгерский язык в зеркале русского языка", p. 30.)

Йожеф Бихари. Состояние и задачи русистики в Венгрии. Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova Series, tom XIII. Eger 1975. pp. 249-254. (Annak megemlítése, hogy aspektológiával foglalkozom, p. 253.)

Иштван Феньвеши. Первые венгерские переводы "Жития" Аввакума. Русская литература, 1983. 3. pp. 170-175. (Mint Bonkáló-kutatóra hivatkozik, megemlíti néhány róla írott publikációmat, pp. 172-173.)

Иштван Пете. Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов. Танкеньвкиадо, Будапешт 1991. (Hiv. a "Венгерский язык в зеркале русского языка" című könyvemre, pp. 117, 124.)

Kovács Zoltán: Bonkáló Sándor (1880-1959) életrajza és tudományos munkássága. Filológiai Közlöny, 1980. 1. pp. 98-102. (A Bonkáló Sándor és a keleti szlávok című bölcsészdoktori disszertációm anyagát közli kivonatolva, hivatkozással.)

Alexander Bonkáló: The Rusyns. East European Monographs. Distributed by Columbia University Press, New York 1990. (A fordító, Bonkáló Ervin, a IX. oldalon megköszöni, hogy felhasználhatta a bölcsészdoktori disszertációm és a publikációim anyagát. A XVII. oldalon valamennyi Bonkáló Sándorról írott tanulmányomat felsorolja.)

Papp Ferenc: Írástanítás -- a nyelvész szemével. In: Az orosz nyelv tanítása az általános iskola 4. osztályában. Szeged, 1982. pp. 147-163. ("Őszinte köszönetemet szeretném kifejezni *Salga Attilának,* aki e cikk kéziratát elolvasta, és számos hasznos észrevételt tett rá, továbbá *Szépe György* lektoromnak." p. 163)

Kiss Kálmán: Fejezetek a katonai, polgári orosz nyelvoktatásunk történetéből. Studia Academiae Nyíregyháziensis, tomus III. Nyíregyháza 1994. (Hiv. a Bonkáló Sándorról írott doktori disszertációm adataira, p. 40.)

Mihalics Árpád: Az igei axiliaritás a franciában és az oroszban. In: Russzisztika. Acta Academiae Paedagogicae Nyíregyháziensis, tom 10/E. Nyíregyháza 1985. pp. 109-128. (Hiv. Bihari -- Salga:

Kauzatív igék és kauzatív viszonyok az orosz nyelvben. Diakronikus és szinkronikus áttekintés, pp. 124, 126.)

Gergely Mihály: Szakmám a lelkiismeret. Szépirodalmi Könyvkiadó, Bp. 1981. pp. 319-322. (Hivatkozás a dr. Bihari Józseffel írott tanulmányunkra: A nyelvi homunculus létrejő, p. 320.)

Gergely Mihály: A nyelvi zűrzavar megszüntetéséért. Kritika, 1976. 11. pp. 15-16. (Hiv. a dr. Bihari Józseffel írott tanulmányunkra: A nyelvi homunculus létrejő, p. 16.)

Répási Györgyné -- Székely Gábor -- Zaplatkina N. I.: Az orosz állítmányi szavak magyar megfelelőiről. In: Könyv Papp Ferencnek. Debrecen, KLTE 1991. (Hiv. a "К вопросу о категории состояния" c. tanulmányra, pp. 203, 216.)

Orosz nyelvszakos tanárok konferenciája. Heves megyei Népújság, 1978. márc. 23. p. 8. (Névemlítés)

Olvasóink írják. Vélemény a lengyel nyelvleckékről. Lengyelország, 1978. 8. p. 26.

D-ro Ludoviko Győry-Nagy: Sukcesa eksperimento. Budapeŝta Informilo, 1977. 2. p. 21. (Cikk az egri főiskolai eszperantó nyelvoktatásról és a nyelvvizsgával kapcsolatos tevékenységemről.)

A. Cs.: Ilustrita lernolibro. Budapeŝta Informilo, 1978. 4. p. 5. (Az első főiskolai eszperantó jegyzetem recenziója.)

T. Papp: _Valora studlibro. Budapeŝta Informilo, 1989. 7-8. pp. 14-15. (Az "Esperanto-krestomatio por studentoj de filologiscienca fakultato" c. szöveggyűjteményem recenziója.)

Jarkunsido de HEA. Budapeŝta Informilo,1978. 5. pp. 1-2. (A Magyar Nemzetben a nyelvoktatással kapcsolatos cikkeim méltatása, p. 2.)

Unua scienca sesio de la Hungara Filio de Akademio Internacia de la Sciencoj en Debrecen. Debrecena Bulteno, 1991. 3. (64), p. 1. (A Nemzetközi Tudományos Akadémia Magyar Tagozatának debreceni konferenciáján tartott előadásomról. Címe: Bonkáló Sándor és a keleti szlávok.)

Látóhatár, 1976. 11. p. 232. (A nyelvészeti homunculus létrejő.)

Megjelent a Hevesi Szemle legújabb száma. Heves megyei Népújság, 1979. aug. 26. p. 6. (Hiv. az Idegen "idegen" nyelvek című cikkre.)

Csiszár Ada: In memoriam Dr. Kalocsay Kálmán (1891-1976). Bp. 1994. (Hiv. az Eszperantó nyelven a Parnasszusra című cikkemre, p. 92.)

Nyelvművelés

Az anyanyelvi műveltségről. Népszabadság, 1984. jún. 28. p. 10.

Kopik a nyelvérzékünk? Egyetemi Élet, 1985. ápr. 24. p. 4.

A toldalékolásról. HBN, 1984. jún. 23. p. 8.

Az aktuális mondattagolásról. HBN, 1984. júl. 21. p. 9.

Mi is ennek a vonzata? HBN, 1984. febr. 2. p. 8.

Nyelv és jellem. HBN, 1985. aug. 31. p. 8.

Nyelvművelés és babona. HBN, 1985. okt. 5. p. 8.

Személynevekből köznevek. HBN, 1988. ápr. 30. p. 9.

A nyelvérzékről. HBN, 1983. febr. 5. p. 8.

Nyelvünk tisztátlansága. HBN, 1987. jan. 29. p. 4.

A melléknévi igenevek használatáról. HBN, 1983. szept. 17. p. 8.

Az alanyi és a tárgyas ragozásról. HBN, 1983. okt. 1. p. 9.

"Meleg szeretettel függj a hon nyelvén..." Gondolatok az anyanyelvi műveltségről. HBN, 1983. nov. 17. p. 8.

Terpeszkedő kifejezések. HBN, 1991. márc. 23. p. 8.

Nyelv és jellem. HBN, 1991. ápr. 2. p. 8.

Személynevekből köznevek. 1990. máj. 19. p. 8.

Beszédtöltelékek nyomában. HBN, 1991. aug. 24. p. 9.

Nem csak nyelvükben élnek a nemzetek. HBN, Hétvége, 1992. aug. 22. p. 24.

Privatizálják a magyar nyelvet. HBN, Hétvége, 1992. nov. 28. p. 17.

A rossz mondat törött ablak. HBN, 1992. márc. 11. p. 7.

Terpeszkedünk. HBN, 1993. ápr. 14. p. 7.

[redacted]

ÖTVEN ÉVVEL EZELŐTT JELENT MEG BONKÁLÓ SÁNDOR A RUTÉNEK CÍMŰ KÖNYVE

SALGA ATTILA

Bonkáló Sándor

A Magyar társadalom lexikonja. Bp., 1930. A melléklet 9. oldala

Bonkáló Sándor nevét és munkásságát Magyarországon kevesen ismerik, pedig az első magyar nyelvű orosz irodalom története az ő nevéhez fűződik (1926); a *Szlávok* c. könyvében magyarul elsőként írt összefoglaló, monografikus munkát a szláv népek nyelvéről, történelméről, kultúrájáról (1915); Tolsztoj *Háború és békéjének* egyik nívós fordítója (1928); a két világháború között szinte egyedül foglalkozott rutén nyelvi, történeti és művelődéspolitikai kérdésekkel.

1880-ban született Rahón, piarista gimnáziumba járt, majd az ungvári teológiai líceumba iratkozott be. Felszentelésére nem került sor;

1902-től a Pázmány Péter Tudományegyetem latin—német szakán tanult, *Asbóth Oszkár* irányításával a szláv filológiát is alaposan tanulmányozta. Szegeden és Gyöngyösön tanított, Lipcsében, Pétervárott és Szófiában képezte magát tovább ösztöndíjasként. Később orosz szakos magántanári diplomát szerzett (1917), majd 1919 márciusában *Jászi Oszkár* javaslatára a budapesti egyetem rutén nyelv és irodalom tanszékének megszervezésével bízták meg. Orosz nyelvet és irodalmat is tanított. Mivel a *Károlyi-kormány* idején kapta meg kinevezését, 1923-ban a tanszékét megszüntették, 43 éves korában bélistázták, nyugdíjazták. A harmincas években számos tanulmányt írt: ostorozta a sztálini rendszer önkényuralmát, a vallásellenességet, a röghözkötött irodalmi műveket, védelmébe vette a nemzeti kisebbségeket, a rádióban felolvasásokat tartott a klasszikus orosz irodalom nagyjairól.

1945 novemberében ismét visszakerült az ukrán nyelv és irodalom tanszékre — 65 évesen. Az egyik irodalom előadásán a következő mondat hangzott el (az idézet egyik önéletrajzából való): „Valószínű, hogy nagyon kevés író akad, aki remekműveket fog alkotni, ha nem választhatja meg szabadon műve tárgyát és ábrázolási módját." (Célzás a zsdanovi kultúrpolitikára.) Feljelentették, felfüggesztették. A vizsgálat ugyan bebizonyította, hogy a szovjetellenes vád alaptalan, előadásokat négy évig nem tarthatott. 1950-ben végleg nyugdíjazták. 1959-ben hunyt el Budapesten.

Bonkáló Sándornak *A rutének* (Franklin Társulat kiadása, Bp., 1940) 1989 eleljéig indexen volt, vagyis csak külön engedéllyel lehetett olvasni, és csak a kutatók férhettek hozzá. Ugyanis olyan korban és olyan tények hatására íródott, amely a posztsztálinista időkben kényes kérdésnek, tabunak számított. Ismereteim szerint a könyv megjelenését követően nem írtak róla recenziót, talán magával az eseménnyel (ti. a Felvidék visszacsatolásával) volt elfoglalva a magyar közvélemény, esetleg az 1940. aug. 30-án megszületett második bécsi döntés, majd azt követően a magyar csapatok erdélyi bevonulása kötötte le a figyelmet.

Ez a recenzió tehát ötven évet késett. Pedig kortörténetileg hiteles és egyedülálló munkáról van szó — a magyar rutének betelepítésének, történetének, eredetének, nyelvjárásainak, irodalmának, kultúrájának, vallásának, társadalmi és gazdasági helyzetének precíz összefoglalója ez a könyv. Korábbi művei — az 1920-ban írt *Magyar rutének* és az 1935-ben kiadott *A kárpátaljai rutén irodalom és művelődés* — sem összterjedelmükben, sem minőségi vonatkozásban nem érik el *A rutének* színvonalát, amely angol fordításban az USA-ban is megjelent 1990-ben. (Fordítója és az előszó szerzője, fia, *Bonkáló Ervin* Kanadában élő történész.)

Bonkáló Sándor könyvének *első fejezetében* a ruszinok betelepítésének történetét tárgyalja. A ruténlakta terület határait így körvonalazza: északon a Kárpátok gerince a Poprádtól a Fehér-Tisza forrásvidékéig, délen Máramarosban az ország határától (értsd: a trianoni határ, vagyis a jelenlegi határ is) kezdve a Tisza vonaláig. A Tisza bal oldala Husztig egy-két rutén falu kivételével román, jobb partja rutén. Husztól a Zemplén megyei Pásztorhegyig (Vajaskóc) a rutén és a magyar nyelvhatár általában egybeesik a Kárpátok gerincétől az Alföld felé lenyúló dombok és az Alföld érintkezésének határvonalával. A rutén és a szlovák nyelvhatár meglehetősen egybefonódik. Ez a ruténlakta terület nagyjából egybeesik az Árpád-házi királyok korában felállított belső országhatárral, az ún. országos gyepűvonallal. Mivel ez a lakatlan terület, a *gyepű* (árkok, sövények, fa- és kőtorlaszok stb.) csak néhány napra tartotta vissza az ellenséget, őseink a tatárjárás (1241) után hegyi várakat építettek és benépesítették ezt a területet. Erdei falvak keletkeztek a gyepűs erdők helyén. A földesurak a Kárpátok északi és északkeleti oldaláról, *Halicsból, Bukovinából* és *Podoliából* hoztak jobbágyokat, ruténeket. *IV. Béla* (1235—1270) az Északkeleti-Kárpátok gyepűn túli részeit eladományozta híveinek, hogy népesítsék be, mert így vélte leginkább megvédhetőnek országát az északról jövő támadások ellen. A ruténeket a birtokosok megbízásából vállalkozók szállították a földesuraknak. A telepeseket szállító vállalkozókat a nyugati megyékben *soltészoknak*, a keleti megyékben *kenézeknek* nevezték. (Ma is van *Soltész* és *Kenéz* családnév.) Bonkáló érdeme, hogy hiteles oklevéli adatokkal, idézetekkel, szájhagyomány útján terjedő mondákkal színesíti, pontosítja állításaikat. Így tudjuk meg, hogy szegénylegények, kétes elemek, szökött katonák, szökött jobbágyok és gonosztevők is beszivárogtak a Kárpátaljára menedéket keresve és találva. Sok bevándorolt rutén régi lakóhelye szerint különböztette meg magát a többiektől. Például: *Darivszkij* (Dariv halicsi falu után), *Lipoveckij* (Lipovec), *Tihanszkij* (Tihanja), *Perehinszkij* (Perehino), *Vorohta* (Vorohta) stb.

A török hódoltság idején (1541—1686) sok magyar menekült az Erdős-Kárpátokba, mert azt nem szállták meg a szultán csapatai. Később elruténesedtek, innen van a sok magyar nevű rutén. A XVII. sz.-ban a Kárpátalján háromszor fosztogattak a lengyel szabadcsapatok. A ruszinok kitörő örömmel fogadták II. Rákóczi Ferencet, és seregestül tódultak zászlaja alá, elsősorban a parasztok, az 1848—49-es szabadságharc idején pedig főleg az értelmiség sietett Kossuth segítségére.

A *második fejezet* címe: „A rutének a cseh megszállás korában". A szerző nyolc oldalon keresztül részletezi azokat a negatív intézkedéseket, amelyek meggátolták a ruszinokat anyanyelvük használatában, és amelyek célja az elcsehesítés volt.

A *harmadik fejezetben* azokat a nézeteket, teóriákat vázolja fel, amelyek szerint a kárpátalji rutének őslakók, és még a IX. sz. elején is önálló rutén fejedelemséget *(Ruszkaja Krajna)* alkottak (elsősorban *Petrov* és *Holodnyak* munkáira gondol). Ugyanakkor tételesen cáfolja ezeket az állításokat, pontosítja a különböző feljegyzéseket, krónikák adatait, olvasatait, ill. nyelvészeti-történeti magyarázatokkal látja el. Például, a *krajna* szó ('szélső vidék', 'határvidék') román eredetű,* s itt egy 1364. évi okirat szerint Munkácstól délre valóban 9 oláh (román) lakosú közigazgatási egysége volt *craina* néven. Később ezt a szót *districus* ('járás') és *dominium* ('uradalom') értelemben is használták. Bizonyítja, hogy Ungvár tévesen szerepel a rutének lakta vidék fővárosaként, mert maga a város magyaros, nem szláv jellegű, és a váron kívül semmi sem régebbi 150 évesnél. *Mária Terézia* Ungváron — egy magyar városban — helyezte el a rutén püspökséget *XIV. Kelemen* pápa közbejárására (1771).

Udvari István *Adalékok a bács-szerémi ruszin nyelv magyar jövevényszavai alaktani meghonosodásának kérdéséhez* (Russzisztika, Acta Academiae Paedagocae Nyiregyhaziensis, tom 9/E, 1982, p. 33—47.) c. tanulmányában közvetve bizonyítja Bonkáló igazát, vagyis azt, hogy a ruszinok a Kárpátalján nem őslakók: „A tudománynak tulajdonképpen V. Hnatyuk ukrán etnográfus fedezte fel a ruszinokat, aki az 1897-es bácskai expedíciója után több kötetre való ruszin népköltészeti anyagot tett közzé, és számos cikket publikált róluk ... Hnatyuk említett kutatóútjáig a szlavisztikában teljes zűrzavar uralkodott a ruszinok kilétét illetően. Egyesek zaporozsjei kozákok utódjainak tartották őket, mint a kubányiakat, mások Szvjatopolk kijevi nagyfejedelem testőrei leszármazottait látták bennük, akik a fejedelem lányával, Predoszlavával érkeztek Magyarországra... *Hnatyuk tisztázta, hogy a történeti Magyarország északi megyéiből származnak.*" (33—34) [Kiemelés — S. A.]

Ennek hangsúlyozása azért fontos, mert a hivatalos szovjet történetírás a mai napig nem vesz tudomást erről. A Szovjetszkij enciklopedicseszkij szlovar (M., Szovjetszkaja enciklopedija, 1983) 446. oldalán,

* Bonkáló itt téved, mert a kraj közszláv eredetű, minden szláv nyelvben megvan. Az etimológiai szótárak is így regisztrálják. Vö. pl.: cseh, szlovák: krajna, orosz: крaю, lengyel: kraj stb.

a Zakarpatszkaja Ukrajna címszó alatt az olvasható, hogy „a X—XI. sz.-ban a Kijevi Fejedelemséghez tartozott. Legősibb lakói — szlávok. A XI. sz.-ban Magyarország elfoglalta." És hiába keresnénk az enciklopédiában a *rutén, ruszin* vagy *rusznyák* szavakat...

Nyilván ezért is érdekes, hogy részletesen foglalkozik a *negyedik fejezetben* a ruténok eredetével és nevével.

Az *ötödik fejezetet* Bonkáló így indítja: „A ruténok ősei a halicsvolhiniai fejedelemség területéről — a későbbi Lengyelországból vándoroltak a Kárpátaljára. Különböző időkben, különböző helyekről jöttek és új hazájukban... nem forrtak egy nemzetté, hanem megőrizték törzsi sajátosságaikat és nyelvjárásaikat." (70) Így a ruszinokat eredetük, ruházatuk és nyelvük alapján csoportosítani lehet. Az Alföld közelében a síkvidéken és a Kárpátok alacsony nyúlványain élnek a *síklakók* v. *dolisnyánok.* Egykori hazájuk valószínűleg Poleszjében és Podoliában volt. Erre utal többek között az a tény, hogy a dolisnyánok az etimológiai hosszú *o* helyén zárt szótagban *ó, ö, u, ü*-t ejtenek, az *e* helyett pedig *ju*-t vagy *jü*-t. Más nyelvjárásokban ilyenkor *i* van. Vö. orosz: kon ('ló'), rutén, ukrán: kin, Poleszjében és a dolisnyánoknál: kon, kön, kun, kün. A dolisnyánok mindig érintkeztek a magyarsággal, életmódjuk, lakásuk, ruházatuk általában már olyan, mint a magyaroké *(Técső, Huszt, Nagyszőllős, Beregszász, Munkács).*

A *hegylakók* vagy *verhoviniaiak* egymástól élesen eltérő népcsoportokra oszlanak: a *huculokra,* a *bojkókra* és a *lemkókra.* A huculok az Erdős-Kárpátok északkeleti csücskében, a Tisza forrásvidékén élnek (*Bilin, Gyertyánliget, Kaszópolyána, Kőrösmező, Lonka, Rahó, Tiszabogdány, Tiszaborkút, Terebesfejérpatak;* ill. a romániai *Havasmezőn, Visóroszíban* és *Oroszkőn* laknak.) A Bonkáló által becsült számuk: 30 ezer. *Galíciából* és *Bukovinából* szivárogtak be, elsősorban pásztorok, de sok közönséges gonosztevő is. Közülük kerültek ki az „oprisok" (betyárok), akik tetteit a köznép mondákban és regékben örökítette meg. Legismertebb betyárok: *Piszklivij Ivan* (1703), *Pinta* (1704), *Dovbus Olexa* (1738—1744). A Rákóczi-szabadságharc leverése után német telepesek érkeztek, hogy a tutajozás, a fakitermelés számára kedvezővé, alkalmassá tegyék ezt a vidéket. Sok huculból kiváló erdőmunkás, tutajos lett. Csekély számú pravoszláv kivételével majdnem minden hucul görög katolikus vallású.

„A férfiak vastag darócból készült fekete vagy piros nadrágot viselnek. Nyáron ujjatlan, télen ujjas, gazdagon hímzett bárányből bekecs (kozsuch) van rajtuk vagy fekete darócból készült ködmön (szerdák). Télen-nyáron ugyanaz a ruha van rajtuk, csakhogy esőben, hóban vagy nagy melegben a bárányből bekecset prémével kifelé fordítva hordják.

Nagyon szeretik a ragyogókat, a különféle fényes díszeket. Táskájuk és tüszőjük rézveretekkel, érmekkel, gombokkal van díszítve. A mintegy 25—35 cm széles bőrszíj, a tüsző, a hucul férfi büszkesége. Ebben van a kése vagy a tőre.

A nők ruházata gazdagon hímzett, bokáig érő ing és elöl-hátul egy-egy vastag kéziszőttesből készült, földig érő díszes kötény. Lábbelijük bocskor. Ünnepnapon a tehetősebbek csizmát vagy bakancsot húznak. Gyöngyhímzésből készült igen szép szalagot viselnek a nyakukon.

A hucul nő sohasem pihen, még az utcán is dolgozik. Nyeles guzsalyt köt a bal oldalára, a guzsalyra gyapjút teker s fonalat fon belőle. Bal kezével a gyapjút sodorja, jobb kezéában az orsót tartja s pörgeti ujjaival. Érdekes látvány, amikor begyesen lépked az utcán, vagy férfi módra lovagol és szüntelenül pörgeti az orsót." (8)

A *bojkók* a Verhovinán élnek (*Vihorlát* és *Beszkidek*). A büszke hucult a hegylakók „arisztokratájának" szokás nevezni, a szegény bojkót pedig igazi demokratának. Mint a hucul (román: *hoc-ul, huc-ul* 'útonálló'), a bojkó is gúnynév (valószínűleg a rutén *bojkij* 'ügyes', 'élénk' vagy *boje* 'úgy van'). A huculok minden hegylakó rutént lekicsinylően bojkónak neveznek. A XIX. sz. közepéig általában házközösségben *(dvoriscse)* éltek, amely a délszláv *zadrugához* volt hasonló. A Verhovina csak állattenyésztésre alkalmas terület, ezért a bojkók nem foglalkoztak mással, viszont csak ebből nem tudtak megélni, így már a XVI. sz.-tól kezdve az Alföldre jártak aratni.

Rendkívül színesen, olvasmányosan adja elő Bonkáló a ruszinokról szerzett tényszerű, empirikus ismereteit, élményszerűen érzékelteti olvasottságát, műveltségét. Kiváló idegenvezetőként kalauzolja el az olvasót a fonóba, a népmesék, mondák világába, bemutatja a bojkók hazaszeretetét, részletesen leírja szokásaikat, lakásukat, szegényes gazdaságukat.

A *lemkók* a bojkóktól keletre, a Latorcától a Poprádig húzódó hegyvidéken, az alacsony Beszkidek lejtőjén élnek. Sajátmagukat *ruszndkoknak (rusznyákoknak)* nevezik. Gúnynevük a *lem (len)* szócskából származik, amelyet a 'csak' helyett használnak. A halicsi lemkók dalaiban és meséiben a magyar városok közül *Debrecen* fordul elő legtöbbször, mert Hajdú megyébe jártak aratni. Egyébként a keleti szlovák területen élő rutének elszlovákosodása természetes jelenség volt, elsősorban azért, mert a szlovák műveltség magasabb fokú a ruténnél. A lemkók nyelvére a lengyel is erősen hatott. Amíg a hucul és a bojkó nyelvjárásban csak elvétve találunk egy-két lengyel szót, addig a lemkók nyelve tele van lengyel szavakkal, s ezeknek az állandó, utolsó előtti szótagú hangsúlyát is átvették. Korábban lóval és szarvasmarhával, ju-

hokkal kereskedtek, disznókat hizlaltak, de a múlt század közepe táján a náluk jóval mozgékonyabb és élelmesebb zsidók kiszorították őket az állatkereskedelemből. A szepesiek között akadnak vándorkereskedők, házalók, drótostótok. Felfogásában és gondoskodásában közelebb áll a nyugathoz, mint a hucul és a bojkó. Nem visel tüszőt, helyette nyakkendőt hord. Ruházata rövid ráncos gatya és ing, rajta fekete pitykés mellény, fölötte hosszú csuha, fekete-fehér rojtos átvetővel, otthon a *szerdákot* hordja (térdig érő barna ruha). Bőrkabátot (kozsuh) nem visel. Az asszonyok fehér vagy kék kendővel kötik be a fejüket, a lányok hajadonfővel járnak. Szoknyájuk egyszínű.

A *hatodik fejezetben* a rutén irodalomról és művelődésről szólva megállapítja, hogy könyvének megírásáig nem alakult ki a ruszin irodalmi nyelv, az írók és költők alkotó munka helyett gyakran meddő nyelvi vitákra pazarolják tehetségük javát (ukránok ők, oroszok, lengyelek vagy szlovákok?).

A XIII. sz.-tól a Kárpátaljára bevándorolt ruszinok irodalma — magyar hatásra — a XVII. sz.-tól kezdett kialakulni, majd fejlődni (a reformáció és az egyházi unió Rómával [1646] igen fontos ebből a szempontból). A XVII. század második felében a rutének keleti fele protestáns befolyás alatt álló görög keleti (pravoszláv), nyugati fele a latin papság befolyása alatt álló görög katolikus (unitus) volt. Az előzőek orosz szerkesztésű egyházi szláv nyelven írott liturgikus könyveket használtak, míg az utóbbiaknak Lengyelországból kellett beszerezniük és lefordítaniuk az evangélium magyarázatait (a prédikációkat). Az átdolgozás során magyar posztillákat (szentbeszédek vagy azok gyűjteménye) is felhasználtak. E kézírásos munkák túlnyomó többsége elveszett, megsemmisült, mert a latin műveltségű görög katolikus papok nem ismerték fel elődeiknek, a *batykóknak*, korszakos irodalmi és nyelvészeti jelentőségű munkásságát. Apokrif bibliai elbeszélések, legendák, széphistóriák, népmesék, természetrajzi, néprajzi, földrajzi, gazdasági stb. ismeretek tárháza volt a *zbornyik*, és népszerűbb volt, mint az evangéliumi magyarázat. Felolvasás útján és írásos másolással terjedt. Hitvitázó írások is maradtak fenn. A XVII—XVIII. sz. költészete lényegében vallásos énekekből állt. E népies irodalom azért is becses, mert tele van hungarizmussal. Különösen a dolisnyánok nyelvére hatott erősen a magyar kultúra, a népmesék, -mondák, -dalok, a magyar lexika.

Ezt követően Bonkáló Sándor részletesen tárgyalja az egri és a nagyszombati érsekségben, majd később az ungvári papnevelő intézetben folyó oktatást. Számos pap igyekezett gyülekezetében terjeszteni a vallásos ismereteken kívül a kultúrát is. *Dobránszky Adolf*, *Rakovszky János* és *Duhnovics Alekszander* ruszofilizmusát (az ukránnak és a

ruténnek az oroszba kell beolvadnia) nem nézi jó szemmel, de a tényeknek megfelelően — helyenként aprólékosan — mutatja be munkásságukat. Nem riad vissza a bírálattól sem. Nem is teheti másként, hiszen a Szent Bazil Társulat elnökének, *Dobránszkynak* több munkája kétes értékű propagandamű, amennyiben az okleveles adatokat is meghamisítja vélt igazának bizonyítása érdekében (ti. Kárpátalja a kijevi fejedelemséghez tartozott!) *Fencik Jehven, Mitrak Alekszander, Sztavrovszkij-Popradov Julij, Szabó Eumenij* szintén a ruszofil irányzatot képviselte, munkásságuknak azonban számos pozitív vonása megfigyelhető. *Csopey László* a ruténok műveltségének emelése céljából tankönyveket szerkesztett, fordított, s ez a nyelv közel állt a nép nyelvéhez, de a nyugati szellem már kevésbé. A kárpátalji ruténok egy részének az az igyekezete, hogy oroszul írjon, még a művelt oroszok számára is érthetetlen volt. Az orosz irányzat követői elszakadtak a szülőföldjüktől és álomvilágban éltek. Csak könyvekből és az orosz emigránsoktól tanulták az orosz nyelvet.

Az ukrán irányzat írói sem akarták elismerni a kárpátaljai ruszin népnyelvet. Kiváló költői *Grendzsa-Donszkij Vaszil, Borsos-Kumjatszkij Julij, Bozsuk Stefucova. Borsos-K. J.* többnyire társadalmi problémákról ír jóhangzású verseiben. A prózaírók közül *Markus Alekszander, Demjén Lukács* a legismertebbek.

A sors kegyetlen fintora, hogy ezeket az írókat és költőket az ukrán-orosz irodalomban „nem jegyzik", mintha nem is léteztek volna, Bonkáló Sándort pedig — ha éppen megemlítik a kárpátaljai iskolák tankönyveiben —, akkor negatív, sőt elrettentő példaként teszik, mint aki rutén létére (vagyis a hivatalos verzió szerint ukrán emberként) elárulta a hazáját (vagyis *magyar* ruténekről írt).

A *hetedik fejezet* a rutén népköltészet remekeit — népdalaokat, románcokat, közmondásokat — ismerteti, érzékeltetve a magyar ás a kozák hatást. Számos idézettel színezi a tematikusan csoportosított népköltéseket.

A *nyolcadik fejezetben* a szerző a ruszin vallást és egyházat tárgyalja, külön alfejezetet szentel a görög katolikus és a görög keleti (pravoszláv) egyház történetének, szervezeti felépítésének, kulturális intézményeinek, az egyházmegyék életének, a vallásháborúknak, a cseh, lengyel és orosz uszításnak.

A *kilencedik fejezetben* a rutén közgazdasági állapotok tárgyalása következik. Okleveles adatokkal bizonyítja, hogy 1481-től több mint száz évig a ruténok gazdagabbak voltak, több kiváltságot élveztek, mint a magyar jobbágyok. Az uradalmak az új rutén telepeseknek 7—12 évi teljes adómentességet adtak. Ezt követően — hogy ismét szabadok le-

gyenek — arrébb költöztek. A lengyel szabadcsapatok a XVII. sz.-ban háromszor fosztogattak Kárpátalján, járványok tizedelték a lakosságot. 1703-ban *Montecuccoli* regimentje gyilkolta az ártatlan parasztokat, templomokat rombolt le. A *Rákóczi-szabadságharc* után császárpárti németek hatalma alá kerültek. Földjeik elkobzásán kívül óriási adókkal sújtották a ruténeket. A helyzet csak 1897-től fordult jobbra, amikor a magyar kormány újból földhöz juttatta a ruszinokat és anyagilag is támogatta az állatenyésztés fejlesztését.

Bonkáló több oldalon keresztül részletezi azokat az akciókat, amelyek hitelszövetkezetek megalakítását, mintagazdaságok szervezését, az átlagkeresetek növelését stb. tűzték ki célul, és a trianoni békeszerződés megkötéséig ezek a kezdeményezések meg is valósultak. A visszacsatolás után „a gazdasági és szociálpolitika a honvédséggel egy időben vonult be Kárpátaljára". (163) Kedvezményes vetőmagakciók, gazdatanfolyamok, mezőgazdasági munkások közvetítése, az erdőgazdaság fejlesztése, népkönyvtárak létesítése, a szarvasmarha-tenyésztés fejlesztése, a lakosság téli foglalkoztatásának biztosítása, testvérvárosi mozgalmak, ruszin gyermekek nyaraltatása magyar városokban — íme néhány pozitív intézkedés, amelyek részleteiről a szerző pontos információkat ad. Itt is megemlíti a cseh uralom sötét éveit. Borsos-Kumjatszkij 1934-ben így írt Kárpátaljáról:

„Ez az a föld, hol tanyát vert az éhség,
S égig ér a siralom,
Hol azt se tudják, mi a jó reménység,
Mert nem nő más, csak sírhalom."

1989-ben jelent meg Galántai József Trianon és a kisebbségvédelem c. könyve. Végre megismerhettük a ruszinokra vonatkozó cikkelyeket is, amelyek szerint a Csehszlovákián belüli rutén terület oly autonóm térség, „mely a csehszlovák állam egységével összeegyeztethető legszélesebb körű önkormányzattal lesz felruházva. Az autonóm egység nyelvi, közuktatási, vallási és helyi közigazgatási ügyekben törvényhozói hatalommal felruházott tartományi gyűléssel fog rendelkezni" (91). Sajnos, az elmélet és a gyakorlat nem esett egybe.

Bonkáló Sándornak ez a ruszinokról írott enciklopédiája kortörténeti értékű munka. Remélem, hogy ismertetőmmel sikerült a feledés homályából kiemelni, és egyes részeit közkinccsé tenni.

ANNALES INSTITUTI PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS
DEBRECENIENSIS DE LUDOVICO KOSSUTH NOMINATAE

Slavica XXV.51-61. 1991 Debrecen

Notes on Sándor Bonkáló's Work of Rusyn (Ruthenian) Philology

A. SALGA

01. Sándor Bonkáló's name and work is known to few Hungarians, although he was the author of the first Russian literary history in Hungarian (1926); he was the first in Hungary to write a comprehensive, monographic survey of the language, history and culture of the Slavic peoples (1915); he completed a high quality translation of Tolstoy's *War and Peace*; and he was almost the only one between the two wars to deal with problems of Ruthenian language, history and cultural politics.

02. Born in Rahó (Ukr. Raxiv, Russ. Raxov, now USSR) in 1880, Sándor Bonkáló attended a Piarist secondary school and matriculated in the theological college at *Ungvár* (Ukr. Užgorod, now USSR). He did not take orders, though: from 1902 on he studied Latin and German at the university in Budapest and acquired a profound knowledge of Slavic philology under the instructions of *Oszkár Asbóth*. After teaching in *Szeged* and *Gyöngyös*, he pursued further studies in *Leipzig* and *Petersburg*; he spent a year on the banks of the *Neva*, attending the lectures of *Baudouin de Courtenay*, *Šahmatov*, *Vengrov* and *Jastrebov*. He graduated as a professional teacher of Russian in 1917. In March 1919, on *Oszkár Jászi*'s recommendation, he was commissioned with the

organization of a department of Rusyn language and literature at *Péter Pázmány University* Budapest, where he also taught Russian language and literature. In 1923 his department was dissolved; at the age of 43 he was put on a redundancy list and had to retire. It was not until November 1945 that he could return to the Department of Ukrainian Language and Literature - at the age of 65. On one of his lectures he risked the following statement (the passage is taken from his autobiography): "It is more than likely that rather few writers will create masterpieces if restricted in their choice of subject matter and mode of representation." Although suspended from his job, he was registered on the payroll of the Faculty of Arts for four more years (as accusations of being anti-Soviet turned out to be unfounded in the course of an investigation), until he was finally discharged with a pension in 1950. He died in 1959.

03. It is not possible within the confines of this paper to give a more detailed description of the linguist and literary critic's troubled life, full of agonizing contradictions.

The life, history and dialects of the Ukrainians are consistently recurring topics of the Slavic scholar's work. He speaks of Rusyns, Ruthenians, Rusniaks and Little Russians; Bonkáló stressed the importance of using distinctive adjectives: his books and papers demonstrate the existence of a *Hungarian-Rusyn* or *Hungarian-Little Russian idiom.*

From his work devoted to the Rusyns only a few details can be highlighted here, which will shed some light on his methods of investigation and offer some interesting contributions to the knowledge of the language and culture of the Ukrainians that lived in the area of historical (*pre-Trianon*) Hungary.

04. In an article called *The Hutzul Folktale*[1] Bonkáló publishes the phonetic transcription and Hungarian translation of a Ruthenian folktale entitled *The Three Counsels* accompanied by interesting observations on the Hutzuls and on his own methods of collection.

"The region of the rivers Black Tisza and White Tisza is inhabited by the so-called Hutzul Little Russians, a rather singular and interesting ethnic group differing considerably from the rest of the Little Russians not only in their appearance and costumes but also in their language.

I lived for many years in Rahó, the Hungarian centre of the Hutzul-speaking area, and yet I spent the summers of 1909 and 1910 back there to collect some material for my treatise *Descriptive Phonetics of the Rahó dialect* ...

I put down the tale *The Three Counsels* in August 1909, from the relation of 50-60 year-old native Hutzul, Péter Semata. All through my sojourn I was deliberately talking exclusively to people born and living in Rahó, who have thereby preserved their linguistic integrity and adopted relatively few alien elements into their speech. In the Hungarian Hutzul region there is a difference between the speech of the older and younger generations. Sought after as forest workers, younger Hutzuls tend to spend most of their time far away from their homeland, in Rumania, Bosnia, Hercegovina, Slavonia etc., taken there by there employers. Therefore they are influenced not only by the Hungarian - that is, foreign - language of local jurisdiction, but also by other Slavic - that is, kindred - languages, and the effects of this impact are immediately recognizable in their speech. Thus, the Hutzuls of Máramaros have on the one hand preserved the Hutzul anthropological features to the greatest degree, and on the other their "language" differs to the greatest degree from the rest of the Hutzul dialects (those of Galicia and Bukovina) ...

I recorded the text in the following manner: first I made him tell the whole tale and made notes; in one or two days I made him repeat it sentence by sentence and translated my rough notes into phonetic transcription, checking it on every possible occasion."[2]

05. In his article *The Usage of Reflexive sę in Hutzul-Little Russian*[3] he is concerned with the parts of speech that can be preceded by reflexive pronouns in the Hutzul dialect. He comes to the conclusion that the picture of the use of reflexive *sę* in spoken Ruthenian, especially in the Hutzul dialect, is rather varied. All the same, it is, as a rule, always separated from the verb (unlike in Russian), preserving thereby the traces of Ancient Slavic.

06. Refuting the assertions of *Melich, Asbóth* and *Berneker,* in his paper called *Borkut*[4] he demonstrates that Ruthenian *borkut, burkut* water in effervescence is not of Hungarian origin. "The word derives from the Little Russian verb *burkáty, borkaty* (in the valley of the Upper Tisza: *borkáty*; cf. the common surname in Máramaros-Bilin *Borkán*).

07. His paper *Sentences of Negation in the Hungarian Little Russian Language*[5] is concerned with the cases in spoken Ruthenian when in negative constructions transitive verbs may be followed by genitive case. Bonkáló claims that such cases are few. "In Hungarian Little Russian the object of the sentence will be in the accusative even if the verb is preceded by a negative particle."[6]

08. His article *On the Issue of Russian (Great Russian) and Ruthenian (Little Russian) Standard Literary Language*[7] he demonstrates the relationship and common origin of the Ukrainian and Russian languages, denying, however, the identity of these two languages. Misled by the practice of Russia's aggressive minority policy, in and before Bonkáló's time most people failed to realise this otherwise obvious fact. Another virtue of the paper is the abundance of examples in support of his view. Replete with all the academic accoutrements of his discipline, the paper purports with clear logical argumentation to demonstrate the differences between Russian and Ruthenian standard literary languages. He finds 14 phonetic and 10 morphological differences. His observations are all the more important for contradicting *Smal-Stockyj*'s and *Gartner*'s views. He makes the following comments on the joint work of the above two authors *Grammatik der Rutenischen (Ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.* "Seeking a unified Russian language, one has to abandon the present and go back into the misty past; similarly, a unified German language can only be assumed to have existed in the dim and distant past. Stressing the high quality of the work, Bonkáló claims that it is based on an ill premise and a bad method, since the authors deny the existence of the Ancient Russian (Old Slavic) language, they derive it not from Old Slavic but from Ancient Slavic. Their gravest error is the failure to distinguish between the old and the current language, thus they juxtapose data of linguistic history from different ages and forms taken from Ancient Slavic and Old Bulgarian.[8]

09. Sándor Bonkáló submitted his ph. d. thesis to *Oszkár Asbóth* (1852-1920). The renowned Slavist - an elected member of the Petersburg academy - published his evaluation of the thesis entitled *Descriptive Phonetics of the Rahó Little Russian Dialect* in his own journal called *Nyelvtudomány.*[9]

The failures as well as the virtues of the thesis are demonstrated by Asbóth. The young and incipient Bonkáló (as

in his book of the same title; Gyöngyös, 1910)[10] offers some interesting data. The so-called Hutzul group of Ukrainians living in the Austro-Hungarian Monarchy used a rather peculiar means of communication: "From one mountain to another, from one house to another, one had to shout at the top of his voice when intending to communicate something with the other; consequently, upon greeting each other, they use the short, contracted forms of the words: hej! mámo! = hej má! 'you, my mother'"[11].

10. One of the recurrent concerns of the Slavist scholar's works on Ruthenians is the following: are the Rusyns of Sub-Carpathia native residents or are they a Slavic tribe having moved in the 13-16th centuries. According to his view, the Ruthenians came to Hungary not as a homogeneous people but were settled there as employees from the 13th century onwards. To support his assertions he comes up with the following arguments:

1. In most cases it is possible to decide on the basis of their language and folk costumes where the Ruthenians have come from.
2. Ruthenians, settled from different places and at different times, have preservéd their original dialects.
3. Sub-Carpathian Ruthenians did not (and could not) have any literature until the end of the 16th century. The oft-repeated and popular idea that old works of literature were destroyed in the course of the Tartar raids, the Turkish occupation, the war between Hungarians and Austrians in 1703-11 (the "kuruc-labanc" war) and other wars is mistaken, since there had been nothing to be destroyed.
4. "Hungarian loan-words have been introduced into Ruthenian only since the 15th century. In Old Hungarian, as a rule, (A) *o* corresponds to present-day *a;* (B) *u* corresponds to current *o*; for example, homok --- *humuk*, hat --- *hot*, asztal --- *stol* 'sand'; 'six'; 'table'. The fact that Middle Hungarian was still in many respects different from today's language is well illustrated by the example of some words borrowed from Slavic and introduced into Ruthenian: *barát* 'friend', Middle Hungarian: *brát*, Slavic: *brat*, Hungarian Ruthenian: *bárat*; similarly: *berkenye* 'sorb' - *brokina* - *brokina* - *berkenya; dunyha* 'quilt, eiderdown' - *duhna* - *duchna* - *dunyha; esztergályos* 'turner' - *ezturgar* - *strugar* -

esztergalos; mészáros 'butcher' - *menzaros - mensar - mejszaros.*

These words, then are all more recent loan-words. To sum it up, Ruthenian loan-words of Hungarian origin (and I have given a careful scrutiny to the whole material) suggest the more recent Hungarian form, from which in turn a more recent adoption may be inferred."[12]

11. Bonkáló was no historian - nor did he boast of being one. And yet, in 1922 he came up with a book, irregular both in subject matter and tone. This work - *The History of the Ukrainian Movement 1917-1922*[13] - abounds in acute insights and interesting facts; besides, it overtly takes its stand for an independent Ukraine. Of Ukrainian descent, from the start of the century Bonkáló was able to observe the Russifying attempts from very near. Even as a child he realised the absurdity of the situation: "Before long, Russian diplomacy made the world believe that the Russian and the Ukrainian peoples are one and the same nation, and that consequently the Ukrainian nation and the Ukrainian problem does not exist."[14] The Soviet constitution subsequently granted the right of autonomy for the minorities. It is interesting to note that the latter fact is also acknowledged by Bonkáló in one of his 1925 articles: "... The most desperate enemies of tsarism which crushed their national rights, the Ukrainians were glad to ally themselves with a democratic country which would not endanger their national development."[15]

Although Bonkáló writes in his History of the Ukrainian Movement that by granting minority rights the Soviet government wants to win the Ukrainians over, he does not use the word in its pejorative sense.

Contemporary Hungarian public opinion claimed that with the Russian "occupation" of the Ukraine at the end of 1919 the Ukrainians were facing a dark future. Bonkáló, however, states quite realistically that the Ukrainian people had risen against Denikin and that they felt an inexorable hatred against the reign of Russian officers and the army consisiting of landowners. The Red Army realised that the time had come for them to intervene... On 16th December Kiev was taken by the Red Army. As good as their given word, the Bolsheviks immediately opened every Ukrainian institution: the academy, the university, the offices; every political prisoner was released; in cultural matters they granted the Ukrainians the greatest concessions to win them over.

Denikin's brief reign had been terrible - more terrible even than the reign of Attila or Dschingis Khan. He had come to notoriety through the pogroms: in Kiev and Jekaterinoslav the majority of the Jews were slaughtered. They endeavoured to systematically exterminate the Jewish population. The Ukrainians and the Cossacks were relentlessly persecuted and massacred. The pro-tsarist excuse that there was no way to stop this, since it was the result of an elemental outburst of the people's rage is an egregious lie which can be exposed by several documents.[16]

12. The works of Bonkáló yield a number of literary observations. Four of his extant papers are devoted exclusively to the Russian, Ukrainian and Hungarian literature and linguistic records of Sub-Carpathia.[17] Bonkáló once again demonstrates his view that the Ruthenians had no literature or literary life whatsoever until the 17th century, and that they were engendered only by the church union, the Turkish occupation (since a part of the population of the Great Hungarian Plain were driven into Carpathia by the Turks), the Reformation and the Hungarian war of independence led by Rákóczi, 1703-11. Those were the times when the Ruthenians established contacts with Western and Hungarian cultures. "The Ruthenians of Sub-Carpathia are to a certain extent a separate ethnic group. In some respects their culture, language and worldview are different from those of their closest relatives, the Ukrainians. Their relationship with the Russians is just as distant as with Serbians or Bulgarians. Nonetheless, both the Ukrainians and the nationalistic Russians claim the literature of the Sub-Carpathian Ruthenians for themselves and maintain that it is an offshoot of Ukrainian or Russian literature respectively."[18]

13. In the chapter called *The Age of Linguistic Monuments* the author emphasizes the fact that although at the time of their influx the Ruthenians had already been "formally Pravoslav Christians, actually they were followers of the Eastern pagan religion."[19] Right after this allegation he claims that the "villeins of the Polish and Lithuanian pans became the villeins of Hungarian aristocrats."[20]

14. *The age of national literature* is considered by Bonkáló especially significant because that was the age when Ruthenian culture was influenced by Hungarian and Western culture (17-18th centuries). He classifies the prose works

of this age into the following genres: 1. vangelical explanations (postilles), 2. zborniks (anthologies), 3. documents of religious polemics, 4. fictional tales, 5. other prose works.[21] Concerning poetry, he asserts that apart from folk literature the Ruthenians had nothing but religious songs composed according to Russian patterns and in the Church Slavic idiom, including as well a couple of poems concerned with topics less overtly religious. He makes generic distinction between epic, lyrical religious songs, dirges and funeral songs.

15. In the chapter *The Age of Decline* he points out the factors impeding cultural development. He begins with the problem of multi-lingualism (Ruhenian, Latin, Russian, Ukrainian, Church Slavic) and goes on to emphasize the lack of public education. "Around 1900 about 86 per cent of the Ruthenians were completely illiterate."[22] One is inevitably led to ask the question whether the Ruthenians felt any kind of allegiance to a Hungary that kept them in ignorance and made efforts to stifle their national feelings in the course of the Magyarization process. The issue is left unexplored by Bonkáló: "One of the main causes of the cultural backwardness of the Sub-Carpathian Ruthenians was their failure to understand the beckoning words of their priests since they were unable to cope with the difficulties either of Church Slavic or Russian."[23] Bonkáló goes on to explain that the "absurd situation" must be remedied. The remedy came from the Royal Hungarian Ministry of Religion and Education in the form of editing and compiling textbooks, calendars and dictionaries. The above endeavour was plausible enough, but as some of the testbooks were in Hungarian, the Ruthenians - although they would have been able to come to terms with the alleged difficulties in Russian or Ukrainian - were denied the opportunity to learn their mother tongue. It is precisely this that accounts for the fact that papers for the intellectuals were in Hungarian.

16. The period in Ruthenian literature between the Trianon treaty and 1935 is referred to by Bonkáló as *the age of quest*. After the world war a strong desire after education came over the Sub-Carpathian Ruthenians. They wanted to make up for the negligence of decades in a few years. They wanted to create a scholarship and a literature that would be worthy of a civilised nation, but since their own resources were instufficient for the fulfilment of this

task, and to wait was out of the question, they solicited the assistance of the great relative nations: as a consequence, three tendencies were beginning to take shape: Russian, Ukrainian, and Carpathian Rusyn. Today, accordingly, they write in three languages: in Russian, Ukrainian and Carpathian Ruthenian.[24] One is inevitably inclined to conclude that the Austro-Hungarian Monarchy was unable to grant the Ruthenian nation its right to education.

17. Only a few aspects of Sándor Bonkáló's Ukrainistical work could be referred to here. Our aim was to call attention to a forgotten Slavist scholar, known and acknowledged by very few, and, besides, to shed some light on the life, language, and culture of the Ruthenians living in the area of pre-Trianon Hungary. Finally, a few facts might not be amiss here. In 1980 the centenary of the Slavist scholar's birth was commemorated by the Rusyn Research Institute in the US; a similar commemoration was held in Uppsala, Sweden. At the Ukrainian Department of the University of Toronto his photograph is among those of the greatest Slavic scholars; the wall of the Slavic Institute of Harvard University bears the following inscription below Bonkáló's portrait: "The only professor of Rusyn language and literature."

[1]Huczul népmese (The Hutzul Folktale). *Nyelvtudomány*, 1910. 3. 197-201.
[2]op. cit. 200.
[3]A *sę* reflexivum a huczul-kisoroszban (The reflexive *sę* in Hutzul-Little Russian). *Nyelvtudomány*, 1912-13. 4. 40-43.)
[4]Borkut. *Magyar Nyelvőr*, 1912. 3. 424.
[5]Tagadómondat a magyar-kisorosz nyelvben (Sentences of Negation in Hungarian-Little Russian). *Nyelvtudomány*, 1913. 3. 219-221.
[6]op. cit. 220.
[7]Az orosz (nagyorosz) és rutén (kisorosz v. ukrajnai) irodalmi nyelv kérdéséhez (On the Issue of Russian [Great Russian] and Ruthenian [Little Russian or Ukrainian] Standard Literary Language). *Nyelvtudomány*, 1914-15. 5. 81-110.
[8]op. cit. 107-108.
[9]A rahói kisorosz nyelvjárás leíró hangtana (Descriptive Phonetics of the Rahó Little Russian Dialect - Oszkár Asbóth's evaluation). *Nyelvtudomány*, 1910-11. 3. 226-246.
[10]A rahói kisorosz nyelvjárás leíró hangtana (Descriptive

Phonetics of the Rahó Little Russian Dialect). Gyöngyös, 1910.

[11] op. cit. 238.

[12] A magyar rutének (The Hungarian Ruthenians). Budapest, 1920. 28-29.

[13] Az ukrán mozgalom története 1917-1922 (The History of the Ukrainian Movement 1917-1922.). Külügyi Könyvtár, Budapest, 1922.

[14] op. cit. 6.

[15] A szláv kérdés (The Slavic Question). *Magyar Külpolitika*, 1925, 12. 7.

[16] op. cit. 177-178.

[17] A magyar rutének (The Hungarian Ruthenians). Budapest, 1920, 40-43. Magyar elemek a rutén irodalomban. Emlékkönyv Balassa Józsefnek... (Hungarian Elements in Ruthenian Literature. Essays presented to József Balassa). Budapest, 1934, 42-45. Ukrán irodalom (Ukrainian Literature). Irodalmi Lexikon. (Ed. Benedek Marcell). Budapest 1927, 168-70. Kárpátaljai rutén irodalom és művelődés (Sub-Carpathian Ruthenian Literature and Culture). Pécs, 1935, 10-77.

[18] Kárpátaljai rutén irodalom és művelődés (Sub-Carpathian Ruthenian Literature and Culture), 10.

[19] op. cit. 12.

[20] op. cit. 13.

[21] op. cit. 24-36.

[22] op. cit. 58.

[23] op. cit. 58-59.

[24] op. cit 61-62.

Bonkáló's major works

1. A rahói kisorosz nyelvjárás leíró hangtana (Descriptive Phonetics of the Little Russian Dialect of Rahó). Gyöngyös, 1910.
2. A szlávok (The Slavs). Atheneum, Budapest, 1915.
3. Az orosz irodalom története (The History of Russian Literature) I-II. Atheneum, Budapest, 1926.
4. A kárpátaljai rutén irodalom és művelődés (Sub-Carpathian Ruthenian Literature and Culture). Pécs, 1935.
5. Gutenberg Nagy Lexikona (The Great Gutenberg Dictionary) Budapest, 1931.

(Bonkáló is the author of articles concerning the literature and language of Slavic peoples.)
6. Hungária Irodalmi Lexikon (The Hungária Dictionary of Literature). Budapest, 1947. (articles)
7. Irodalmi Lexikon (Encyclopaedia of Literature). Budapest, 1927. (articles)
8. A rutének (The Ruthenians). Budapest, 1940.
9. Az ukrán mozgalom története 1917-1922 (The History of the Ukrainian Movement 1917-1922). Budapest, 1922.
10. A magyar rutének (The Hungarian Ruthenians). Budapest, 1920.

ОЛЕКСАНДР БОНКАЛО И РУСИНИ

Др Атила ШАЛҐА
Будапешт, НР Мадярска

Мало их познаю мено и дїялносц Олександра Бонкала. Медзитим, перша история рускей литературы на мадярским язику вязана за його мено (1926); у книжки СЛАВЯНЄ по мадярски перши написал комплексну моноґрафийну роботу о язику славянских народох, историї и култури (1915); еден е з барз добрих прекладачох Толстойового роману „Война и мир"; медзи двома войнами, так повесц, сам ше занїмал зоз питанями руского язика, историї и политики образованя. Його науково роботи, книжки пионирского значеня „забули", нароком заобиходзели бо, так повесц, роботи Олександра Бонкала „ноша на себе означеня Ґортийового часу".

У терашнїм приказу не маме можлївосци же бизме приказали живот и дїялносц критичара, язикознавца и историчара литературы, полни зоз процивсловносцами, нукашнїма борбами. Медзитим, можеме зоз сиґурносцу твердзиц, же ґу стваряню того еднобочного, цо вецей неґативного його оценьованя водзело його щире висловйоване; 1925. року утаргли його українску язикову катедру, бо викладал и росийску литературу, а ґу тому з вельким довирийом патрел на розвиваюцу ше советску литературу. По длугих рокох у пензиї, 1946. року заш достал катедру, але подзвигнул слово процив Ждановых неправилних литературно-политичних попатрункох- становискох, прецо го суспендовали з роботи, а 1950. року пензионовали. Умар 1959. року у Будапешту у 79-тим року живота.

Живот Українцох, їх история, диялекти були у його славистичним животним дїлу мотиви ґу котрим ше непреривно врацал. Вон бешедуе о Русинох, Рутенох, Руснакох, Малорусох, цо вецей трима як важне хасноване атрибута розликованя: так у своїх книжкох и наукових роботох доказуе исноване мадярско-малоруского або мадярско-руского язика.

Зоз його животного дїла вязаного за Русинох з тей нагоди можеме визначиц лем даскельо таки деталї, котри ошвица його науково вигледовацки методи и медзи интересантнима прилогами тоти, цо у вязи зоз язиком и културу Українцох, котри жили у историйней Мадярскей.

Бонкало у статї „Ґуцулска народна приповедка" (Nyelvtudomány, 1910. 3. 197—201.) дава фонетични препис и мадярски преклад рускей народней приповедки „Три совити". Источасно виноши цикави податки о Ґуцулох и о своїх методох зазберованя. Так волани ґуцулски Малоруси населюю край Чарней и Билей Тиси. У велїх поглядох цикаве, орiґиналне народне стебло, котре не лем по вонкашньосци и облечиву, але и у язику ше барз розликуе од других Малорусох.

Вецей роки сом жил у Рахове, у центру домашней ґуцулскей язиковей териториї, заш лем на яр 1909. и 1910. року сом був там и зазберовал материял за наукову розправу „Описна фонетика Раховского малоруского диялекта..."

„Народну приповедку ‚Три совити' сом записал зоз устох едного 50—60 рочного домашнього Ґуцула (Шамота Петра) у авґусту 1909. року. Цали час сом нароком лем зоз такима бешедовал, котри ше народзели и жили у Рахове, котри значи зачували свойо язиково особеносци и зрозмирно мало вжали до своей бешеди цудзи елементи. Отже, на подручу домашнього ґуцулского диялекта находзиме розлику медзи бешеду старшей и новшей ґенерациї. Младши подросток досц вельку часц рока препровадзуе далеко од родного места (у Румуниї, Босней, Герцеґовини, Славониї итд.), понеже су гледани лесово роботнїки, далеко их одноша давателе роботи. Вони стоя под вплївом не лем школского и явней управи мадярского — отже, цудзого — язика, але и других славянских — отже, блїзких — язикох и дїйстоване того вплїву такой ше видзи и у їх бешеди. Отже, покля з еднего боку марамарошски Ґуцули у антропологийним поглядзе найвирнейше зачували ґуцулски тип дотля, з другого боку, їх язик найбаржей одступа од язикох других (галицийских, буковинских) Ґуцулох.

Записоване сом такой окончовал, же ми перше випривоедал цалу приповедку и я ю з векшого записал, а вец други або треци дзень ми ище раз випривоедал од виреченя по виречене и зоз фонетичнима знаками сом преписал скорейше записоване и тото сом у каждей датей нагоди контроловал."

У студиї Рефлексия sę у ґуцулским-малоруским (Nyelvtudomány, 1912—13. 4. 40—43) преучуе тото питане же у ґуцулским диялекту пред котру часцу виреченя може стац повратни заменовнїк. Приходзи до того заключеня же хасноване рефлексиї sę (ше) у руским язику, окреме у ґуцулским диялекту, указуе барз рижнофарбову — пестру слику. Але заш зоз дїесловом закономирно нїґда го не пишеме ведно, як у росийским язику, так ґуцулски ище охранюе и вплїв праславянского. Як слависта у краткей студиї под назву БОРКУТ (Magyar Nyelvőr, 1912. окт. 15. 424.) процивно твердзеньом Мелиха, Ашбота и Бернекера твердзи, же руске боркут, буркут (вода котра ше пенї, вре у рики) не походзи з мадярского. „Слово можеме пояшнїц зоз малоруского дїеслова буркать, боркать, май на уваги часте презвиско Боркан у Марамарошу-Билину." У студиї „Одрекаюце виречене у мадярским — малоруским язику" (Nyelvtudomány, 1913. 3. 219—221) розправя тото питане же у руским народним язику кеди може стац при одреканю по предметним дїеслову ґенитив. Спрам Бонкала барз ридко. „Мадярски Малорус кладзе до акузативу предмет виреченя аж и теди, кед одрекаюце словко стої пред дїесловом."

У статї под назву „Ґу питаню росийского (велькоруского) и руского (малоруского або українского) литературного язика" (Nyelvtudomány, 1914—15. 5. 81—110) доказал вязу українского и росийского язика, заеднїцке походзене, источасно одрека же тоти два язики еден и тот исти. Тот иншак природни факт, пре практиковане аґресивней националней политики царскей Росиї, и од ней приведзени до помилькы, у часох Бонкала або скорей лем барз мале число констатовало. Друга особеносц студиї, же дава позарядово богати материял прикладох за доказоване свойого твердзеня. Зоз чисту логику, хаснуюци науково средства, доказал же яки збоченя (одступаня) мож замерковац медзи росийским и руским литературним язиком. Фонетични особеносци нашировал у 14 точкох, а морфологийни у 10 точкох. Його заключеня важни и прето, бо ше спроцивели замеркованьом Смал-Стоцкия и Ґартнера. Горнї замеркованя дал у вязи зоз книжку тих

двох авторох „Ґраматика руского (українского) язика" (Бейч, 1913) Grammatik der rutenischen (ukrainischen) Sprache (Wien, 1913). Медзи иншим пише так: „Кед дахто вигледує єдинствени росийски язик, вец го не у терашньосци, але у молговитей прешлосци ма гледац, так исто, як цо и єдинствени ґермански язик можеме гледац лем у цмоти давно прешлих часох." Бонкало наглашує же авторе написали добре дїло, але рушели од погришних предпоставкох и методолоґиї, бо одрекаю исноване праросийского (отже старославянского) язика, та так руски виводза не зоз старославянского, але безпостредно зоз праславянского. Найвекша им ґришка то, же не правя розлику медзи нешкайшим и скорейшим язиком, та так прето же шицко вжали ведно без ґоч якого пребераня, податки з историї язика, котри ше розвили у рижних периодох, поровную зоз праславянскима и старобогларскима формами.

Олександр Бонкало свою дохторску дисертацию писал при Оскарови Ашботови (1852—1920). Познати слависта, котрого и Петроградска наукова академия вибрала за свойого члена, свою оцинку його науковей роботи под назву „Описна фонетика раховского малоруского диялекта" обявел у своїм часопису Nyelvtudomány (1910—11. 3. 226—246). Поєднак гришки и вредносци дохторскей дисертациї, млади кандидат Бонкало у книжки истого наслову (Gyöngyös, 1910) обявює цикави податки. Так волана ґуцулска ґрупа Українцох, котра жие на териториї австрийско-мадярскей Монархиї, хасновала ориґинални способ сообщеня информациї: „... з едней гори на другу, од едней хижи по другу треба барз скричац, кед сцу еден другому дацо сообщиц, так при ословйованю, пре обрацане уваги, хасную збиту кратку форму словох: гей! мамо! = гей ма!"

У його славистичних вигледованьох о Русинох ше зявює питане, котрому ше вше врацал: чи Подкарпатски Русини пражителе або Славяне, котри ше приселели у XIII—XVI столїтию. По нїм Русини не приселели у едним чаше як єдинствени народ, але прейґ насельованя — гледаня роботи починаюци од XIII вику пришли до Мадярскей. Горне становиско обгрунтовює на рижни способи:

1. По язику и народним облечиве подкарпатских Русинох у найвецей случайох не можеме повесц же одкадз пришли.

2. Зоз рижних местох и у розличних часох населени Русини зачували свой ориґинални диялект.

3. Подкарпатски Русини по конец XVI вику не мали и анї не могли мац литературу. Не на месце тото часто и дзечне наглашоване поносоване, же пре татарску навалу, турецке освойоване и пре куруц — лабанц-ски войни препадли стари литературни твори, бо не мало цо препаднуц.

4. У руским язику ест слова пожичени зоз мадярского язика лем од XV-го сторочя. "У старим мадярским язику: а) нешкайшому мадярскому **a** зошицким правилно одвитуе **o**, б) нешкайшому мадярскому **o** заш одвитуе **y** : наприклад homok-humuk, hat-hot- asztal-sztol.

Же стредне мадярски язик бул у велїх поглядох иншаки як нешкайши, найлепше ше видзи, кед вежнеме як приклад даскельо слова пожичени зоз славянского язика, а вец котри прешли до руского: нешкайше мадярске barát стредневиковне мадярске: brát славянске: брат, домашне руске, барат; тиж так: berkenye — brokina, брокина — беркеня; dunyha — duhna, духна — дунька; esztergályos — ezturgar, струґар — естерґалош; mászáros — menzaros, менсар — мейсарош.

Тоти руски пожички значи шицки новшого часу. З едним словом мадярски слова, котри прешли до руского (преконтроловал сом цали материял) указую новшу мадярску гласовну форму, цо значи же су новши пожички" (A magyar rutének, 1920. 28—29).

Бонкало не бул историк, анї ше сам не раховал за такого. Заш лем ше 1922. року зявел зоз книжку незвичайней теми и становиска. „История українского руху" 1917—1922. (Külügyi Könyvtár Bp. 1922) ма велї цикави, реални замеркованя, факти, источасно забера становиско за ствараня едней самостойней України. Як українского походзеня, до початку дзевецстотих рокох зоз безпостредного сушедства провадзел русификаторски намаганя, котри ше одбували у росийскей Україні. Уж зоз дзецинску главу замерковал неотримовносц тамтейших обставинох: „Росийска дипломатия швидко прешвечела швет, же Українец зоз Росияном твори єден народ и так не існуе український народ, анї український питане.' (6. бок). У дальшим цеку советска конституция обезпечела своїм народносцом право самоопредзельованя. Цикаве же тото остатне правдоподобно признава и Бонкало, кед у едней своей статї, котра ше зявела 1925. року, так пише: „... Українци були едни зоз найогорченших процив-нїкох царизма, бо вон зоз чижму ґажел їх права, але ше з радосцу здружели з едну таку демократичну державу, котра не загрожуе їх национални розвиток." („Славянске питане" — A szláv kérdés, Magyar Külpolitika 1. 12. 1925. 7.). У историї українского руху тиж так слависта пише, же зоз осиґураньом национални правох советска влада сце ґу себе насладзиц сушедни народи, але тото слово не хаснуе у подлим розуменю.

По тедишнїм общим мадярским вереню, росийске „заберане" України, котре шлїдзело концом 1919. року, принесло ей цму будучносц. Медзитим, Бонкало реалистично сообщуе, же „народ України повстал процив Деникина и зоз непомирююцу мержню ше одноши ґу пановану войска, котре формоване од росийских официрох и жемского панства. Червена армия видзела же пришол час же би ше умишала ... 16. децембра Червена армия завжала Київ. Вирно свойому обецунку большевики такох отворели шицки українски институциї, академию, универзитет, канцелариї, випущели шицких українских политичних гарештанцох, а у културним поглядзе дали найдалекосяжнейши концесиї (уступеня), лем же би зоз тим освоели Українцох... Барз страшне було кратке пановане Деникина, страшнейше було як Атилово або Джинґисканово. На зли глас вишло пре погроми Жидох. У Київе и Єкатеринославе порезали векшу часц Жидох. Українцох и козакох немилосердно преганяли и масовно забивали. Оправдовйоване прихильнїкох царизму же пре тото не можу одвитовац, бо то було стихийне вибухнуце народного гнїву, звичайне циґанство, цо можеме зоз документами доказац." (177—178).

У його велїх славистичних українских вигледованьох можеме ше стретнуц зоз його замеркованями котри ше одноша на литературу. Познати його таки штири роботи, котри пошвецуе у подполносци або з велькей часци Подкарпатскей литератури на росийским, українским и мадярским язику, його язиковим здогадованьом: „Подкарпатска руска литература и образованосц", Печ, 1935. 10—77. — „Мадярски Русини", Будапешт, 1920. 40—43. — „Мадярски елементи у рускей литератури", Памятна книжка Йожефови Балаша... Будапешт 1934. 42—45. — „Українска литература, Литературни лексикон", редаґовал Марцел Бенедек, Будапешт 1927. 1168—1170. Бонкало и ту доказуе тото твердзене же Русини по XVII вик не мали нїяку литературу, литературни живот и же вона почина лем зоз церковну унию, зоз турецким освойованьом (една часц жительства з Алфелду (Долней жеми) ше спред Туркох наисце склонела до Карпатох), зоз реформацию и зоз ошлеободительну борбу Ракоция.

ЧИ РУСИНИ ПРАСТАРОЖИТЕЛЄ НА ПОДКАРПАТ'Ю
(по Олександрови Бонкало)

Др Атила ШАЛҐА

Будапешт, НР Мадярска

Олександер Бонкало, народзени у Рахове 1880. року, ходзел до ґимназиї пиаристох, а потим ше записал до ужгородского теолоґийного лицею. До його пошвеценя не пришло; од 1902. року учел на латинско-немецким оддїлу будимпештанского наукового универзитету, под управяньом Оскара Ашбота; темельно преучовал и славянску филологию. Викладал у Сеґедину и Дендешу. Далей ше усовершовал як мадярски стипендист у Лайпциґу и Петроґраду. За єден, рок, кельо ше находзел у городу на рики Нева, слуха медзи иншим преподаваня Боден, де Куртенау-а, Шахматова, Венґерова, Ястребова. Познейше здобул диплому приватного професора росийского фаховца (1917), же би у марцу 1919. на препоруку Оскара Яси пришол на Наукови факултет Петера Пазменя, дзе му зверели же би орґанизовал катедру руского язика и литератури. Викладал и росийски язик и литературу. Року 1925. утаргли катедру, у 43 року живота го положели на б-лїстину, пензионовали. Аж 1945. року у новембре є врацени на катедру украïнского язика и литератури — як 65 рочни. На єдним преподаваню зоз литератури вигварел таке виречене: „Вироятно, же ше барз ридко найдзе таки писатель, котри будзе твориц ремек-дїло (майсторски твори), кед не може шлебодно вибрац предмет (змист) и метод описованя (способ твореня, напрям у литератури)." Оддалели го зоз служби, филозофска катедра го ище штири роки тримала на евиденциї гоч вишлїдзоване доказало,же процивсоветска обвина без основи та го, 1950. року конечно пензионовали. Умар 1959. року у Будапешту.

Його значнейши роботи:

1. Описна фонетика раховского малоруского диялекта. Дендеш (Gyöngyös), 1910.
2. Славяне. Атенеум, Бп. 1915.
3. История росийскей литератури (у двох томох). Атенеум. Бп. 1926.
4. Подкарпатска русинска литература и образоване. Печ, 1935.
5. Ґутемберґов Вельки Лексикон. Бп. 1931. (Виробел словни статї у вязи зоз язиком и литературу славянских народох).
6. Хунґариа Литературни Лексикон. Бп 1947. (словни статї).
7. Литературни лексикон. Бп. 1927. (словни статї).
8. Русини. Бп. 1940.
9. История украïнского руху 1917—1922. Бп. 1922.
10. Мадярски Русини. Бп. 1920.

Живот Украïнцох, їх история и диялекти то були мотиви животного дїла слависти на котри ше вше врацал. Бешедуе о Русинох, Рутенох, Рушнякох, Малорусох, цо вецей, трима як важне хасноване атрибута розликованя: так у своїх студийох и книжкох доказуе исновање мадярского-малоруского або мадярского-руского язика. Як пошлїдок вецейстолїтийового взаїмного уплїву, отже мадяризациї, витворела ше така вариянта (диялект), чийо исновање, период його наставаня, Бонкало правилно констатовал.

Слависта ше у своїх студийох о Русинох вше врацал на питане: Чи Подкарпатски Русини прастарожителе або Славяне котри ше приселели у XIII до XIV вику.

Скорей шицкого як надпомнуце о тим, же яку територию розумиме як Карпатску Украïну, на Подкарпатю (на териториї поза Карпатами). Тота територия ше пресцера у Украïнскей ССР, на мадярскей, чехословацкей и румунскей граници на поверхносци 12.900 км².

Славяне (1915), бок 76.

„Нашо Рутени ше на нешкайши места биваня (Марамарош, Береґ, Уґоча, Унґ, Земплин, Шариш, Спиш) почали пребивац, як то зоз документованима податками виказали Бидерман, Годинка, Петров и други, лем у XIII вику, и то праве по препаси системи живого плота (живей граници, засадзеней зоз живим — желеним плотом), але их у векшим числу населели мадярски богаче (веьки пошеднїки) лем аж у XV—XVI вику."

Тот исти твор, бок 77.

„Населююци ше Рутени не пришли ту, як єдинствена нация або народ, але як крипаки (йобаде) увежени з боку кенезох* у рижних часох."

Подкарпатска рутенска литература и образоване. Печ. 1935. боки 6. и 12.

„(Рутени) кед ше насельовали, формално уж були православни християне, а насправди ище припадніки восточней прапаґанскей вири."

„Населени Рутени значи не пришли до Мадярскей як нация або народ, але з початком од XIII вику у рижних часох и зоз рижних местох у меншух-векших ґрупох их насельовали поднїмаче (кенези, тоти котри ше подняли же дакого приведу, населя). Розуми ше, велї ше уселели без поволанки, добродзечне."

Мадярски Рутени. Бп. 1920., бок 8.

„Насправди мушиме припознац, же Рутени не лем же не прастарожителе на южним и юговосточним боку Карпатох, анї же там не пришли як освойовацки герое (юнаки), але их як крипакох (йобадьох) насельовали на нешкайши места биваня (з початком од XIII вику) у рижних часох и зоз рижних крайох." Вредзи зазначиц, же Иштван Книежа припознавал идентичне патрене зоз Бонкалом (Тиж там.: Славяне, Magyar Szemele Társaság, Бп. 1932. бок 43.): „Домашнї Рутени... сцекали од своїх польских панох и ставали до служби мадярских панох, котри зоз нїма населели свойо ненаселени маетки котри ше находзели на сиверовосточним Горнїм краю (Фелвидек)."

Тото становиско Бонкало подупера зоз арґументами:

1. „Зоз язика и народного облечива подкарпатских Рутенох у найвецей случайох зме годни повесц, же одкадз пришли." [Подкарпатска рутенска литература и образоване. Наукове дружтво Горнього краю (Фелвидеку). Печ. 1935. бок 6.]

---

*У стреднїм вику (ердельски) предводнїк, биров, насельованого валалу. Безпостредно по тим твердзи, же „од крипака польского и литовского пана постал крипак мадярского пана."

2. „З рижних местох и у рижних часох ту приселени Рутени аж по нешкайши дзень зачували свой ориґинални диялект.“ (Исто там, бок 7.).

3. Подкарпатски Рутени по конец XVI вику не мали, и анї не могли мац, литературу... Не стої тото часто и дзечне наглашоване поносоване, же пре татарску навалу, турецки освойованя, пре куруцко-лабанску войну стари литературни твори препадли, бо не було цо препаднуц. Тото констатовал уж и Франко, а Франка, котри бул одлични українски науковец и поета, не мож обвиньовац за пристрасносц.“ (Мадярски рутени. Бп. 1920. б. 15—16.).

4. Свойо твердзеня подупера зоз язиковим фактовим материялом. По нїм, у руским язику не найдземе таки стари мадярски слова як у язикох других Славянох, наприклад сербско-горваски, словацки, словенацки, котри ше давнейше дорушовали зоз Мадярами. Твердзи же у руским ест мадярски слова котри превжати лем од XV вику надалей. Пише — же у старим мадярским язику — а.) нешкайшому мадярскому а зошицким правилно одвитуе o, б.) а нешкайшому o заш одвитуе y: наприклад, гомок-гумук, гат-гот, астал-стол; homok-humuk, hat-hot, asztal-sztol.

„Же стредньовикови мадярски язик ище у велїм поглядзе бул иншаки, як нешкайши, найлепше мож обачиц, кед винешеме як приклад даскельо слова пожичени зоз славянского язика, котри потим прешли зоз мадярского до руского язика.

Стредньовиковни мадярски	Нешкайши мадярски	Руски	Славянски
brát	barát	барат	брат
brokina	berkenye	беркеня	брокина
duhna	dunyha	дунька	духна
ezturgar	esztergályos	естерґалош	струґар
menzaros	mészáros	мейсарош	менсар

Тоти слова шицки превжати у новших часох до руского язика. З єдним словом мадярски слова котри прешли до руского (преверел сом цали материял) указую новшу мадярску гласову форму, цо потвердзуе же то новше преберане“. (там исто, бок 28—29.).

П. М. Лизанец праве процивно Бонкаловей тези доказуе, кед пише слїдующе (опатри: Мадярско-українски язикови вязи. На основи материялу о Закарпатских українских диялектох. Ужгород, 1970, Универзитетска записка, бок 230.). „Не правда же не стари мадярски слова котри прешли до закарпатских диялектох. Наприклад: хосен, битюх, хутарь, ур'ук и даскельо други нїяк не мож звесц зоз словох нешкайшого мадярского язика, haszon, beteg, határ, őrök, але заш лем зоз старомадярских часох, кед ше ище старомадярске веларне x не розвило до ларинґового x и кед ше ище не претворело до o.“ Як познате тот процес почал у XII—XIII вику. То, розумлїве, значи тото, же Русини на Подкарпатю прастарожителе — та як то и советска историоґрафия учи — Мадяре концом XI вику завжали тоту територию, же би з початком идуцого вику наганяли селянох до шорох крипакох (йобадьох), (опатри, наприклад: Советское Закарпатье. Издательство „Карпати“. Ужгород, 1971, бок 27.).

По моїм думаню, медзи велїма українскима роботами Бонкала визначне место забера його критика котру писал на студию: R. Stocki, Beiträge zur ukrainischen Nortforschung (Archiv für slavische Philológie. Band XXXV, Berlin, 1914. p. 349—355), (исти наслов, там исто XXXVI, Berlin, 1916. p. 4, 64—475).

Стоцки ше занїма зоз походзеньом українского словного скарбу. Начишлює шицкого 95 слова котри походза зоз румунского, французького, турецкого, италиянского и зоз других язикох. Медзи нїма 23 слова котри превжати прейґ мадярского язика. Бонкало у своєй рецензиї ше детально занїма зоз тима словами; виказуе, же у хторих українских диялектох ше зявюю, и тоти слова на дзепоєдних територийох як часто пребераю на себе язикову улогу. Сообщуе фонетични вариянти спомнутих хунґаризмох и илуструе их зоз прикладами. Бонкало подцагуе, же ше гришки Стоцкия можу приписац його слабому познаваню мадярского и українского язика, а попри того же недостаточно виучовал дїла Мелих-а и Ашбот-а. По Бонкало-у у українских диялектох ест приблїжно 2000 слова котри превжати зоз мадярского язика. Число на перши попатрунок випатра преувелїчане, медзитим автор рецензиї тото твердзи поволующи ше на свойо вигледованя. Сообщуе хунґаризми по азбучним шоре и дава мадярски одвитующи слова як и їх немецке значене. Сообщуе и тоти жридла, зоз котрих зложел свой мали словнїк (Чопей, Верхатский, Гнатюк, Гринченко, Петров итд. їх роботи). По Лизанецу, не патраци на то, же ше Бонкало непотребно трудзи доказац свою фалшиву тезу, назберал богати материял (Мадярско-українски язикови вязи, бок 56—57.). А потим так предлужуе: „Слова не анализуе науково, лем упутуе на их исноване у диялектох и поволованя на други жридла. У статї ест 354 мадяризми, 223 слова вжал зоз Чопейовей роботи, а 131 зоз других жридлох. Не анализуе их науково, не обраца увагу на їх розширеносц, паралелизми, и им одвитующи слова, на историю словох итд. Циль його статї у першим шоре доказац же: Восточно-славянске (познейше руске, українске) жительство Закарпатя не кореніште (автохтоне) и же ше лем по приходу Мадярох населело на тей териториї.“ (Спомнути твор, бок 58.).

Цикаве, же и сам Бонкало приходзи до процивсловносци у своєй студиї „Мадярски елементи у рускей литератури“ (котру пошвецел Йожефови Балаша... Бп. 1934. бок 42—45.). Слависта и ту сце доказац тоту свою скорейшу тезу, же Русини по XVII вик не мали нїяки литературни живот и же вон почина лем зоз церковну унию, турецким освойованьом [понеже една часц жительства Алфелду (Долней жеми) сцекла пред Турками до Карпатох], зоз реформацию и зоз Ракоцийову ошлебодительну борбу. Отже теди пришли Русини до вязи зоз западну и зоз мадярску културу. Процивсловносц заш значи то, же ше поволуе на дїло росийского вигледовача А. Петрова: „Древнейшая церковно-славянская грамота 1404 г.“, котра ше зявела 1925. року. То з 1404. року найстарша руска язикова памятка, у котрей ше зявюю слїдующи мадярски спорадични елементи: urik (=őrök) 'őrökség', vicispan (=vicispán), mester (=mester), nemis (=nemes).

Отже то значи тото, же и пред XVII виком були таки руски (українски) отже староцерковно-славянски писани памятнїки (руска литература), у котрей як пошлїдок мадярского вплїву уж мож замерковац и хунґаризми. То заш процивслови тому твердзеню ,же у руским язику мадярски пожички шицки новшого датума.

Уж скорей спомнути професор Лизанец значи — спрам Бонкала — представя тоту урядову советску историоґрафию, по котрей: „Закарпатская Украина — в 10—11 вв. в составе Киевской Руси. Древнейшее население — славяне. В 11 в. захвачена Венгрией...“ (Советский Энциклопедический словарь, М. 1983. с. 446.). Иншак, и у 1962. року виданим Новим мадярским Лексикону у 4. тому на 54. боку можеме читац подобне: „Перши познати жителе Карпатскей Украіни були восточни Славяне. У 10—11. вику була часц киевского велького князовства, а кед ше воно розпадло на часци Мадяре вжали под свою власц.“

З мадярского преложел:
Симеон САКАЧ

ŝÄNDOR BONKÁLÓ KAJ LA ORIENTAJ SLAVOJ

D-ro Attila Salga

ENKONDUKO

La nomo kaj verkaro de Sándor Bonkáló (ŝandor BONka'lo'; 1880-1959) estas malmulte konata eĉ en la rondo de hungaraj slavistoj - rusistoj,malgraŭ tio,ke li faris pioniran laboron en kelkaj branĉoj de la slavistiko.Mi mencias nur kelkajn el tiuj laboraĵoj de Bonkáló,kies valoroj estas respektindaj ankaŭ en la nuna tempo.

Li verkis la unuan (duvoluman) hungarlingvan libron pri la rusa literaturo,de ĝiaj komencoj ĝis 1924 (Az orosz irodalom története;"La historio de la rusa literaturo";Athenaeum,Bp.1926).Ĝi estis plilarĝigita kaj iĝis detala kulturhistorio.Li skribis la unuan hungarlingvan monografion pri la historio,lingvoj,kulturo,vivmaniero de slavaj popoloj (A szlávok;"La slavoj";Athenaeum,Bp.1915). Li estas eĉ nuntempe unu el la plej bonaj tradukistoj de la romano "Milito kaj Paco" de Lev Tolstoj (Gutenberg,1928-1929).Laŭ lia verkaro, ŝajnas al mi,li preferis skribi pri rutenoj (1).Ne hazarde,ĉar lia koro batadis "rutene". En siaj kvar libroj (2) kaj multnombraj artikoloj,studoj li priskribis la tutan vivon kaj kulturon,historion kaj vivmanieron de la rutena ĉefgento komence de ties translokiĝo en Subkarpation ĝis 1940.

Post tiu antaŭaĵo estas trafa la demando: se li estis eminentulo en la slavistiko,kial do oni ne konas lin,kial oni ne popularigas lian verkaron? Verŝajne,la leganto mem bone scias la historion de tiel nomataj "socialismaj" landoj (inter ili de Hungario),kies pasintaj 40 jaroj - stalinismaj kaj poststalinismaj - apartenas al la malbrilaj paĝoj de la pasinteco.Post 1945 estis ne nur malĝentile, sed ankaŭ malpermesite kaj danĝere mencii,ke la stalina reĝimo egalas al senhumana,nejusta,kripliga,sufoka,burokrata,kontraŭreligia rego-formo,en kiu ĉiun potencon havis sole la komunista estraro por ekspluati sian (rusan) kaj alinaciecajn popolojn.Neniu povis skribi pri tio,ke en Ukrainio ekzistas rutenoj,apartenintaj iam al Hungario.Sed antaŭ 1945 tion sincere konfesis kaj manifestis Sándor Bonkáló.La konkludon ni ĉiuj povas tiri: dum la poststalinisma/j/ reĝimo/j/ tiu homo estis-restis "persona non grata" (persono ne dezirata).

---

* Pri Sándor Bonkáló (ŝandor BONka'lo') similа resuma studaĵo ĝis nun ne aperis en Hungario,nek alilande.La aŭtoro,d-ro Attila Salga,en la jaro 1975 defendis sian doktorecan disertaĵon universitatan.Nuntempe li verkas sian kandidatecan disertaĵon samteman. ("La spegulĝo de la rusa kaj rutena lingvoj kaj kulturoj en laboraĵoj de Sándor Bonkáló.")

Danke al novaj ventoj fluantaj kaj el Okcidento kaj el Oriento, la nunaj hungaraj sociaj cirkonstancoj ebligas eldiri la veron pri nia pasinteco,ni povas retaksi (valorrevizii) la okazintaĵon de niaj historio kaj kulturo.

SÁNDOR BONKÁLÓ

Pri la vivo de Sándor Bonkáló

Li naskiĝis la 22-an de januaro 1880 en la urbo Rahó (RAho';nuntempe: Rahov en Ukrainio),kaj li lernis en grek-katolika gimnazio,poste en teologia liceo en Ungvár (Ujgorod).Oni ne konsekris lin,ĉar li,fininte la liceon,komencis studi en la fakoj latina kaj germana de Universitato Péter Pázmány (PAZmanj') en Budapeŝto (1902).

Kiel mezlerneja profesoro li laboris en la urboj Gyöngyös (djendjeŝ),Szeged (seged),Zalaegerszeg (ZAlaegerseg),Budapeŝto. Dume li perfektigis siajn studojn eksterlande (Leipzig /Lepsiko/,Petrogrado, Sofio).En la urbo,situanta sur la bordoj de la belega rivero Neva, li aŭskultis inter aliaj prelegojn de la famaj profesoroj Baudouin de Courtenay (bodŭen de kurt/e/ne'),(3),Ŝaĥmatov (4),Vengerov (5), Lavrov (6); kelkfoje li renkontiĝis kun la juna,tiam komencanta futurista poeto Majakovskij.En 1917 li ricevis diplomon pri la rusa lingvo.En marto 1919,laŭ invito de Oszkár Jászi (7),li komencis organizi en la budapeŝta universitato la katedron de la rutenaj lingvo kaj literaturo.Li prelegis ankaŭ ruse.En 1924 laŭ politikaj kaŭzoj (8) oni forigis,pensiis lin en lia 44-a jaro.Dum la 30-aj jaroj li ofte prelegis en la Hungara Radio pri diversaj eminentuloj, datrevenoj de la rusa literaturo.

En novembro 1945 li denove iĝis katedrestro de la ukraina lingvo kaj literaturo en Universitato Péter Pázmány.Iam li kritikis la kulturpolitikon de Ĵdanov (9),kaj li diris: "Verŝajne,en Sovetunio troviĝos malmultaj verkistoj,kies verkoj iĝos klasikaj,unikaj,se ili mem ne povas libere elekti la objekton kaj la metodon de siaj literaturaj verkoj." (La citadon Bonkáló mem mencias en sia aŭtobiografio,skribata en 1956,post la 20-a kongreso de la Komunista Partio de Sovetunio,kiam li petis rehabilitadon,sed ne ricevis. (Kaŝdenuncantoj akuzis lin pri kontraŭ-sovetismo ĉe Hungarlanda Federacia Kontrola Komitato.Oni interrompis lian karieron; la universitataj funkciuloj malpermesis al li prelegi,kaj la 21-an de aprilo 1950 li estis pensiata.Li mortis la 4-an de novembro 1959 pro apendicito.

La literatur-historiisto

Lia ĉefa verko Historio de la rusa literaturo (Az orosz irodalom története) aperis en 1926. Inter 1918 kaj 1924 li prelegis pri la tuta historio de la rusa literaturo en sia universitato, kaj li kompilis du-voluman libron el la plej interesaj kaj utilaj partoj de tiu. La verko estas sistemigita,sumigita,monografia,pionira laboraĵo,ĝi ĉie inde renkontis grandan interesiĝon de la kulturscivolema legantaro.Tiujn pensojn skribis Gyula Laziczius (djula LAzicius),(10),aldonante,ke Bonkáló disvolvis la rilatojn inter la nova kaj malnova literaturoj kun granda intenco kaj kompetenteco. Gyula Moravcsik (djula MOravčik),(11),substrekis,ke en tiu ĉi libro la historio de la literaturo organike adaptiĝas al la tuta kulturhistorio de la rusa popolo.Sen priskribo de diversaj sociaj eventoj,religio,pensad- kaj emocio-manieroj de la rusoj oni ne povus kompreni eĉ la enhavon de literaturaĵoj,ĉar Rusio kun siaj unikaj aferoj por la eŭropanoj estas stranga,nekutima,neĉiutaga.

Preskaŭ samtempe estis eldonata alia verkaĵo pri la rusa literaturo (12).La aŭtoro István Szémán (13),(ISTvan' SEman'), rigardas al la rusaj verkistoj tra la vitro de eklezia cenzuro,sed Bonkâlò, la demokrato,konceptas,formuladas la tekston pli libere,reale.Szémán uzis germanajn fontojn,kiuj estis ĝenerale kontraŭ-rusaj, kontraŭ-sovetiaj.En ambaŭ libroj ekzistas mankoj,miskomprenoj,malĝustaĵoj,tamen la laboraĵo de Bonkâlò estas relative plena kaj preciza,eble pro tio,ke li uzis hungar- kaj ruslingvajn fontojn,plejparte fidindajn.

En la 20-aj jaroj neniu hungara burĝa kritikisto atingis tiun pozitivan kaj realan taksadon pri la klasika kaj nova rusaj literaturoj.Li unue klarigas al la hungaraj legantoj,ke la rusa literaturo komenciĝis ne ĉe A.S.Puŝkin,sed ĝi havas ĉ.mil jarojn.Ideoj de L.Tolstoj kaj F.Dostojevskij – la humanismo,verosento – en la rusa literaturo ne estas novaj,ĉar ili montriĝis jam en la mezepokaj verkoj."La kulpinto pentas pro sia peko" ekzistas kaj en la legendoj pri la vivo de sanktuloj,kaj en la popolaj fabeloj,kaj en diversaj literaturaĵoj (ekz.:"Kulpo kaj Puniĝo" de F.Dostojevskij, "Potenco de la malluno" de L.Tolstoj,ktp.).En la malnova kaj nova literaturoj estas alia komuna karaktero – priskribo,figurigo de trompiĝintaj homoj (mezepokaj legendoj,18-ajarcentaj sentimentalaj rakontoj,Onjegin de A.Puŝkin,Peĉorin de Lermontov,Litvinov de Turgenjev,Ivanov de Ĉeĥov,Sergirius de L.Tolstoj,ktp.).

Post la bizanca alpreno,la pravoslava religio evoluis memstare,alprenante kelkajn paganajn elementojn,kiuj estis ĉefe spektroj, supernaturaj fortuloj.Ili estis multfoje priskribataj en literaturaj verkoj; ekz.: vodjanoj – satanaj demonoj de akvoj (Turgenjev: "Herbokampo Beĵin",L.Tolstoj:"La muĵiko (= 'rusa kamparano' – A.S.) kaj la vodjanoj"; rusalka – spirito de tiuj virinoj (fraŭlinoj),kiuj mortis perfortitaj (Gogol: "Nokto en Majo", Puŝkin: "Rusalka", Turgenjev: "Herbokampo Beĵin", Peĉerskij: "La mondo arbara", Maksimov: "Arbara angulo", ktp.).

Bonkâlò ĝuste konstatas,ke komence la religio,scienco kaj poezio de ĉiu popolo formis unuecan,kompleksan tuton,kiel,ekzemple, eposoj de la helena Homeros.Krom tio,la rusa popolpoezio manifestas ĉiam veron.Kiam li priskribas la kutimojn,festojn,sociajn popolajn ludojn,li detale ilustras ilin per siaj tradukoj.Poste sekvas magiaj,ĉarlatanaj tekstoj,versoj,eposoj (ruse: bilina),historiaj, religiaj,rabistaj kantoj,fabeloj;proverboj.La nova tipo de la popolkanto siatempe estis "Ĉastuŝka". Tiuj kantoj kaj ĝiaj tekstoj estis verkataj komence dum la revolucio en 1917 kaj poste seninterrompe. Por havi almenaŭ imagon,ni konatiĝu kun unu el tiuj urbaj-vilaĝaj kantoj:

"Antaŭe mi estis kuiristo,
Kaj mi fritis rijetojn,
Nun mi estas komisaro,
Kaj mi skribas dekretojn."

(Multaj el ni kantis similajn kantojn,verkitajn en la 50-aj jaroj laŭ "ĉastuŝka modo",tiel ni mem povas malalte taksi ilian "valoron"!)

La malnovan literaturon li disigis je kvar etapoj.

1. Li rimarkas ĝuste,ke la kijeva etapo estis ankoraŭ tiel nomata orientslava (988–1240).

2. Post la tatara ekstermo sekvis la feŭdala dispartiĝo, sed la aŭtoro ne mencias la literaturon florintan en diversaj princaj teritorioj (Moskva,Tver,Smolensk,Pskov,Haliĉ,Ĉernigov,k.a.),li priskribas nur la literaturan vivon en Suzdal.

3. Epoko de unuiĝintaj princaj teritorioj (ekde la mezo de la 15-a jarcento ĝis la fino de la 16-a jarcento).
4. La epoko de la unueca literaturo (17-a jarcento).

La analizo de la nova literaturo komenciĝas de la 18-a jarcento.Bonkâlò respektas,ke Petro la Unua estis kreanto de la nova Rusio,tamen li akuzis la caron pro liaj tro rapidaj,perfortaj reformoj,malestimo al naciaj tradicioj kaj beletristiko.En alia studo de Bonkâlò oni povas legi,ke Petro la Unua "vekis sian stagnantan nacion,kiu estis jam ĉe la pereiĝo,neniiĝo,kaj li faris ĝin granda, potenca,survojigis ĝin al la kleriĝo".(14)

Katarina la Dua ne havis tiel grandan rolon en la plivastigo de la franca klerismo,kiel diris ŝiaj samtempuloj,ĉar ŝi ĝenis ĉiujn,kaj ili ne povis malkovri,ĉu orientiĝi al Parizo,ĉu al la malnova Moskvo. N.I.Novikov (1744-1818) - lau la postuloj de la rusa klerismo - reale kritikis la societon,sed ŝi liberigis lin. Viktimiĝis A.N.Radiŝĉev (1749-1802),kiu precize malkaŝis la malĝojan staton de Rusio,kredante al Katarina la Dua,ke ŝi estas vera kleriganta carino.

Bonkâlò laŭdas la polihistoron M.V.Lomonosov (1711-1765), kiu estis la plej signifa homo post Petro la Granda en la 18-a jarcento.Estas interese mencii,ke nek antaŭ la eldono de la rusa literaturo,nek poste ĝis 1946 la nomo kaj komedioj de D.I.Fonvizin (1744-1792) nenie estis legeblaj en la hungara lingvo.Cetere sur la sekvontaj paĝoj de du volumoj Bonkâlò unue skribis pri aro de rusaj verkistoj.

En tiu ĉi mallonga studo mi povas prezenti ankaŭ aliajn partojn de la libro nur koncize,lakone,elektante el la riĉa materialo laŭ mia interesiĝo kun espero,ke tiu sfero da konoj elvokos la interesiĝon de la legantaro.

Mi jam menciis en la Enkonduko,ke Bonkâlò kontraŭstaris al la ĵdanova literaturkoncepto,do al ĉiuspeca direktado de la kultura vivo de iu ajn nacio.Inter aliaj pro tio li volis malŝatigi la despotismon de Stalin. Laŭ tiu opinio ne estas hazarde,ke li akuzas G.R.Derĵavin (1743-1816) kaj A.S.Puŝkin (1799-1837); Derĵavin ofte laŭdis en siaj verkoj (odoj) rusajn aristokratojn,Puŝkin - unu el la plej eminentaj poetoj de la mondliteraturo - emis verki laŭdajn versojn pri caro Nikolao la Unua post tiu decidofara evento, kiam li "protektis" la poeton. Malgraŭ tio,laŭ Bonkâlò,Puŝkin havis pli grandan rolon en la evoluo de la rusa lingvo ol Goethe (Goeto) en la germana kaj Shakespeare (Ŝekspiro) en la angla literaturo.(Rimarkinde estas,ke Bonkâlò ankaŭ en la verkaro de M.Gorkij konstatis negative,ke li iĝis propagandisto de la bolŝevismo.)

N.V.Gogol (1809-1852) envenis la rusan literaturon kiel patro de la moderna realismo,kritikisto de tiamaj cirkonstancoj en Rusio; mem Dostojevskij kaj L.Tolstoj,eĉ aliaj verkistoj lernis el liaj verkoj esprimi artnivele la animon,karakteron,vivcirkonstancojn de la rusa popolo kune kun iliaj avantaĝoj kaj malavantaĝoj.Laŭ opinio de Bonkâlò la rusa realismo estas specifa,ĉar ĝi ilustras la realecon detale kaj samtempe entute,ne tiel do,kiel ekzemple Zola, Flaubert (flober) aŭ Thackeray (sekere') - majstroj de la okcidenta realismo (senilluziiĝo,degeneriĝo ktp.).

Bonkâlò kapklinas al la kritikista genio de V.G.Belinskij (1811-1848),kiu havis gravegan rolon en la evoluo de la literatura gusto de la rusa publiko,en la popularigo de Puŝkin,Lermontov,Gribojedov,Gogol.

La vivo kaj verkaro de M.J.Lermontov (1814-1841) kaj Puŝkin estis "animo parencaj" - ili ambaŭ kontraŭstaris al la tiama socio, kiu naskis grandajn konfliktojn,ili mem serĉis la danĝeron,la morton,kiel ĝenerale romantikuloj (romantikistoj).Ekzilo,duelo...,tamen Puŝkin iĝis favorato de la sorto kaj Lermontov - la viktimo de ekzilo kaj la sorto.Bonkâlô alte taksas diversajn poemojn de Lermontov kaj liajn belegajn versojn.

N.A.Nekrasov (1821-1877) kaj la rusa popolo estis tute interplektiĝantaj.Li estas en la nuna tempo kune kun Puŝkin la plej popularaj poetoj en Rusio - skribas Bonkâlô. Nekrasov malfermis la veran animon de la rusa "muĵiko" ('kamparano') al la klerigitaj kulturhomoj.Interese estas,ke preskaŭ ĉiuj rusaj fontoj ĝis 1917 atakis la poeton "oficiale",ĉar li,onidire,estis kontraŭulo (rivalo) de Puŝkin,fondis sian memstaran poetan vojon sentradician; li estis sendanka al ĉio ajn en la historio ktp. Sed Bonkâlô ne akceptas tiun falsan opinion,kaj konstatas - laŭ Puŝkin,Černiŝevskij kaj Dobroljubov -,ke la verkaro de la poeto devenis el intencoj revoluciaj-demokrataj de la 19-ajarcenta revolucia pensado.(16) "Ĉiuj sklavigatoj kaj humiligatoj entuziasmas por li,li estis idolo de la jumularo,ŝatata de la publiko." (17)

I.S.Turgenjev (1818-1883) estiş la plej eŭropa verkisto en Rusio,"Puŝkin" de la rusa prozo,mallaŭta,silentema,trankvila kiel angla lordo,samtempe gustohava,sprita kiel la plej eminentaj francoj. Sed "la enhavo de liaj verkoj estas tute rusa...Li surmontris diversajn revoluciajn ideo-tendencojn de ekbolanta patrolando, kiuj ankaŭ en lia tempo komencis danĝerigi la integrecon de la imperio." (18) Turgenjev havis specialan talenton por senti kaj kapti tiujn interŝanĝojn,kiuj okazis en la rusa socio,precipe inter inteligentuloj.

I.A.Gonĉarov (1812-1891) en sia plej fama romano "Oblomov" estas korekta,preciza,objektiva; ĝi estas senpasia priskribo de la konservativa rusa filistra vivo. Ĝi estas leginda ankaŭ nuntempe, ĉar ĉie en la mondo ekzistas tiaj tipoj kiel Oblomov. Laŭ kritiko de Dobroljubov,tiu tipo iĝis negativa modelo,simbolo de malsana senago,senpovo por la laboro kaj la ĝuoj de la ĝojoj en la vivo. Ruslando povas esti savata nur pere de laborado,scio,scienco kaj kapitalekhavo!Sed la rusa homo per tiu maniero ne povos savi sian patrolandon,tial ĉiuj pozitivaj karakteroj estas koncentriĝintaj en ruso-germano Stolz (ŝtolc).(19)

Bonkâlô unue en Hungario prezentas la verkaron de A.N.Ostrovskij (1823-1886),kiun li nomas "patro de la rusa teatro","vera realista verkisto". Samtempe li tre bedaŭras,ke dramoj de Ostrovskij ne konvenas por la hungaraj teatroj,ĉar ili estas speciale rusaj, kiuj ne konsideras scenejan teknikon.Vere,la unua dramo de Ostrovskij estis prezentata en Hungario nur la 26-an de aprilo 1941 kun la titolo "Ŝtormo". Tiu diraĵo de Bonkâlô demonstras lian veron.La vivo de komercistoj,bankistoj,psikologia motivado de rolantoj,simboloj de liaj teatraĵoj,ilia popollingvaĵo (proverboj,popolkantoj ktp.) estis fremdaj por la hungaraj tradukistoj kaj la publiko.(20)

Bonkâlô trovis en la genio de F.M.Dostojevskij (1821-1881) la moraliston,veran humaniston,kontraŭulon de revolucio kaj materialismo,fanatike religieman homon,patronon de humiligitoj kaj tristigitoj,verkiston pri animaj malsanoj,kiu devis ŝati suferon kaj doloron,ĉar li nenion alian havis por ekŝati en la vivo.Li majstre povis priskribi demonajn kaj anĝelajn karakterojn,ĉar tiujn kvalitojn li portis en sia animo.Dum siaj ekzilaj jaroj Dostojevskij encerbigis ĉiujn detalojn de la malfacilegaj jaroj,kaj "reskribis" i-

lin en trankvila stilo,sen subjektiv-reakcia tendenco.La kritikisto detale analizas ĉiun signifan romanon de la verkisto,karakterizas la heroojn,kaj laŭdas neimiteblan specialan realismon de Dostojevskij.

L.N.Tolstoj (1828-1910),la pentema nobelo,kiu batalis por la interesoj de kamparanoj ("muĵikoj").Bonkâlô per eksterordinare bona kapablo priskribas la karakterizajn ecojn de ideologio tolstojanismo.En ĝi estas menciinde,ke Tolstoj propagandis pri sia kampara komunismo,kaj multaj hungaraj sciencistoj pensis,ke li mem fondis la "veran komunismon" laŭ la lenina metodo.(21) Estas stranga afero,ke Bonkâlô pri la "Milito kaj Paco" skribas: "Kaŝe en ĝi Tolstoj atakas la eŭropan civilizacion,substrekas la komunismon,ofte eĉ ne rimarkeble.Li estas fatalisto,ĉar li laŭdas nur la senkonsciajn agojn."(22)

A.P.Ĉeĥov (1860-1904) estis la lasta klasikulo laŭtempa en la 19-a jarcento.En liaj rakontoj ĉeestas "larmoj malantaŭ la rido", tragedio de etaj homoj kaŝiĝas en la bagatelemo,dezerteco de la vivo.Ankaŭ liaj dramoj estas karakterizataj de tiuj ecoj.Ĉiuj liaj rakontoj estas klasikaĵoj,sed liaj dramoj estas dramigitaj rakontoj – li skribas –,do la rakontoj devas esti pli gravaj ol la dramoj. Kompreneble ni ne devas akcepti tiun opinion,sed en tiu diraĵo estas iom da vero,ĉar Ĉeĥov povas nerimarkeble trapaŝi la limojn de la dramo kaj novelo danke al sia granda talento,rusa vivsento kaj speguligo de la realo.

La fama literaturhistoriisto György Bakcsi (djerdj bakĉi)skribas en la enkonduko de sia libro "La rusa centjarŝanĝo":"La hungaraj legantoj ege interesiĝis pri la 19-ajarcenta literaturo rusa.Ilia informiĝo povis esti pli-mapli bona,sed tio ne koncernas literaturhistoriojn de Bonkâlô kaj Szémán,kies indikoj por tiu tempo estis nefidindaj,eraraj." (23)

Laŭ mia opinio tiu konstataĵo de Bakcsi devenas el sia nezorgema trarigardo de la koncerna ĉapitro de libro de Bonkâlô. Trastudinte la ĉapitron "Dekadencistoj kaj Simbolistoj" mi povas konstati kontraŭan opinion.Ĉar la literaturhistorio de Bonkâlô estis verkata inter 1918 kaj 1924,kompreneble,li rigardis tiun epokon preskaŭ per okuloj de samtempulo. (Bakcsi – 50 jarojn poste!) Bonkâlô ne povis mencii,ke inter simbolistoj estas du generacioj (juna kaj maljuna), ĉar tiuj generacioj egalis,samtempis,do ili ne estis rimarkeblaj. Bonkâlô la unua en Hungario pritraktas la vivsenton,historion,motivojn de simbolistaj kaj dekadencistaj poetoj.Li ne povis sumigi la tutan verkaron de V.J.Brjusov (1873-1924), K.D.Balmont (1867-/1943x/), N.M.Minskij (1885-/1937x/), Z.N.Gippius (1870-/1945x/) kaj aliaj, ĉar la tempo limigis lian trarigardon.Tiel do Bonkâlô opiniis pri tiuj verkistoj foje-foje kiel pri neaj homoj,kiuj kontraŭstaras la veran realismon.

"Ili neis formojn kaj enhavon de ĝisnuna poezio,interrompis la interrilatojn kun la tradicio,kaj ili serĉis novajn idealojn,diojn." (24) Bonkâlô simple konstatas,kiel siatempe preskaŭ ĉiuj rusaj kaj germanaj kritikistoj,ke tiuj poetoj iĝis formomajstroj – kelkaj el ili (Brjusov, Blok) konsentis opinion de bolŝevistoj.

Bonkâlô en la ĉapitro Aliaj verkistoj de la dudeka jarcento (II.187-193) alte taksas la literaturaĵojn de I.A.Bunin (1870 - /1953x/). En ĉiaj rakontoj li malfermas reale la korpajn kaj animajn malbonaĵojn de kamparanoj; liaj poemoj estas pentritaj de belegaj bildoj pri la naturo,de elegia humoro pro la pereiĝintaj vilaĝoj. Kiel novrealisto,li iras ĉiam sur la vera,ĝusta vojo,ne hazarde,ĉar li estas daŭriganto de la klasika rusa literaturo.La literaturhistoriisto detaligas ankaŭ la verkaron de A.I.Kuprin (1870-

/1938x/), M.M.Priŝvin (1873-/1954x/), S.N.Sergejev-Censkij (1875 - /1958x/) k.a.

Pri la historio de la revolucia literaturo li skribas:"En la socio de bolŝevismo oni volis estigi kolektivan arton,beletron.Oni fanatike detruas la malnovan rusan literaturon.Ĉar la laboristaro estas organizita laŭ la principo de kolektivismo kaj sindikato, la bolŝevistoj pensis,ke ili devas "konstrui" surbaze de tiuj ideoj. Sed tio estas utopio; ĉu oni povas mortigi en la homo la homan "mem",lian personecon,la eternan sopiron por la beleco,ĉu oni povas direkti el iu centro la laboron de verkistoj kiel funkciadon de iu fabriko? Tamen en la literaturo malaperas "mi" kaj envenas "ni". Tiel nomataj oficialaj verkistoj laŭvice "faris" laborajojn de kolektiva literaturo — vane,ĉar tiuj rakontoj ofendas la guston de la plej simplaj kamparanoj kaj laboristoj."(25) "La soveta reĝimo kaj la bolŝevisma partio ŝatas kaj apogas t.n. proletan literaturon.La verkisto proletara estas apostolo de bolŝevismo.Li blinde agadas laŭ la instrukcioj de sia partio,kaj li atakas verkistan liberecon kun senindulga malamikemo. Tiuj proletaj verkistoj ĝenerale estas gefiloj de proletaj gepatroj. Tamen ilia "fameco" estas certigita ne pro tio,sed pro la proleta kulto,animo de iliaj verkoj. Ilia kredo estas agitado,propagando kaj la organizo al popolamasoj." (26)

"La verkistoj estas sklavaj birdoj,kiuj kantas en kaĝoj. Tiuj verkistoj propagandas mision mondhistorian de sia nacio,kio signifas,ke bolŝevistoj volas fari en la tuta mondo revolucion,do subjugi la tutan mondon; kio egalus al la morto de la okcidenta civilizacio kaj la homa libereco."(27)

En la lumo de "perestrojka" oni jam ne povas admiri tiujn vortojn de Bonkálò,ĉar en diversaj presajoj estis publikigataj similaj opinioj,spegulantaj la tiaman situacion.Tamen oni povas admiri, ĉar Bonkálò ĉi-kaze anticipis nin.Estas konsekvenca la daŭrigo de Bonkálò-opiniaro; "La rusa verkisto estas nek verkisto,nek genio, sed li estas simpla metiisto. Liajn laborajojn kontrolas cenzoroj. Se ili ne konvenas al la principoj de la partio,ili ne eldonas ilin,krome,la prokuroraro akuzas la verkiston pro la kontraŭsoveta propagando."(28)

Kontraŭ la stalinismo

Estas interese citi el laborajo de Bonkálò,en kiuj li akre kritikas la sovetan reĝimon ne nur rilate ĝian literaturan koncepteron,sed rilate al nacieca politiko,kontraŭreligia propagando,homaj rajtoj.

"Stalin mem kun sia brutala teroro kaj malvalidigo de la plej sanktaj homaj rajtoj diskreditas la komunismon.Anstataŭ la promesita bonstato kaj feliĉo li certigas al la laboristoj la plej grandan malriĉecon,puŝas ilin en mizeron,sklavecon."(29)

Pri la naciecaj problemoj li skribas: "En la manifesto, subskribita de Stalin kaj Lenin la 15-an de novembro 1917,estas deklarita:

1. Ĉiu nacieco en Rusio egalas kaj estas suverena.
2. Popoloj de Rusio libere disponas pri sia sorto; ili povas eĉ departiĝi kaj fondi memstaran ŝtaton.
3. Ĉesas iu ajn kaj ĉiuspeca malhelpo de naciaj kaj religiaj privilegioj.
4. Oni certigas la liberan evoluon por ĉiu nacieco vivanta sur la teritorio de Rusio.

Tiu ĉi deklaro do estus devinta malfermi novan epokon por la popoloj vivantaj en Rusio...Tamen okazis nur tio,ke ŝanĝiĝis la metodoj de la carisma nacieca politiko,sed la enhavo mem restis senĉesa.La respublikoj havas nek unu suverenan rajton,ĉar laŭ la konstitucio de la jaro 1936,ĉiu rajto pri suvereneco apartenas al la komuna registaro de Sovetunio (vidu la 14-an punkton de la konstitucio!).Al la rajtoj de la moskva reĝimo apartenas: subskribo de ĉiuj internaciaj kontraktoj kaj interkonsentoj,afero pri la paco aŭ milito, fondo kaj aniĝo de novaj respublikoj,plenumo de la sovetia konstitucio,precizigo de limoj inter respublikoj,fondiĝo de novaj distriktoj,departementoj,aŭtonomaj respublikoj sur la teritorio de Sovetunio,komandado de la tuta sovetia armilaro,tutlanda kaj ekstera komercoj,preparo kaj plenumo de ekonomiaj projektoj, imperia budĝeto kaj budĝetoj de respublikoj,ĉiu branĉo de financaj aferoj; bankoj,entreprenoj,fabrikoj,uzinoj,institucioj,transporto,poŝto,fervojo,telefono,radio ktp. Ni devas ankoraŭ aldoni,ke laŭ la unua artikolo kaj ĝia sesa punkto apartenas al la sovetia reĝimo eĉ mineraloj,akvoj,arbaroj,maŝinoj,traktoroj ktp.Nun vi ne demandu, kion havas diversaj respublikoj. La respondo povas esti nur:ili havas nenion,tamen la soveta reĝimo konstante deklaras memstarajn naciecajn rajtojn de siaj respublikoj. Estas prave,ke iu respubliko havas nur tiom da memstareco,kiom havas niaj departementoj."(30)

Bonkálò konkludas,ke la ruĝa caro Stalin volis fari el naciecoj ian konglomeraton,kiun li nomas "sovetaj homoj".

Li skribas,ke la diktaturo de Stalin venenas la tutan vivon de sovetiaj homoj,eĉ de komunistoj. Dogmismo,burokratismo,teroro, sklavigo,diktaturo,koruptado,alkoholismo,seniluziiĝo – jen estas "rezultoj" de falsaj stalinismaj ideoj.

Bonkálò protestas,ke bolŝevistoj subigas ĉefe kredulojn, ĉar la ruĝuloj estas kontraŭ la religio.Ili arestas pastrojn,kredulojn, fermas preĝejojn aŭ transformas la sanktejojn je naĝejoj,kulturdomo,ĉevalejo,dancejo,grengardejo,kinejo,klubejo.Tamen la registaro ne konfesas sian kontraŭan agadon.Ĝi misinformas eksterlandanojn dirante,ke la popolo mem fermas siajn preĝejojn."Ne kredu al ili, al la bolŝevistoj! Ĉu vi povas imagi,ke la popolo mem postulas la fermon de la preĝejoj en tiu imperio,kie el cent milionoj da plenkreskuloj komunistoj nombras nur unu milionon,sed inter ili estas nur sescent miloj da ateistoj? Ĉu estas vere,ke mem la laboristoj proponas iom da procentoj de siaj salajroj por la evoluo de industrio,ili petas "senviandajn tagojn",labori eĉ sabate kaj dimanĉe?... La metodo estas tute originale pripensita.La anoj de la registaro povas ĉiam apelacii al la peto de kamparanoj kaj laboristoj /al la neekzistantaj petoj!/,kaj ili devas ĉiam plenumi tiujn petojn, ĉar la registaro mem estas kamparana-laborista." (31)

La rutena (ukraina) temo en lia verkaro

En 1940 oni skribis pri Bonkálò: "Li estas unu el la malmultoj,kiu parolas la rutenan lingvon,eĉ science studas ĝin.Lia eminente bazigita ukraina kaj rusa lingvoscio estis utiligita de hungaraj oficialaj organoj postmilite,sed precipe nuntempe, post la religieciĝo de Subkarpatio. Lia scienca preparĝo estas grandega valoro por nia lando; li laboras por profundigi la interkonsenton de rutenoj kaj hungaroj.Li verkis tutan aron da laboraĵoj, kiuj traktas rutenajn problemojn..." (32)

Lia libro La rutenoj (Franklin-Tàrsulat,Bp.1940) ekde 1945 ĝis la komenco de 1989 estis tiel nomata "fermita verko",oni do povis legi ĝin nur laŭ speciala permeso. Anstataŭ detale priskribi lian rutenan (ukrain-lingvan) sciencan agadon,mi prezentos tiun libron,kiu ĝenerale kaj verŝajne donos al vi konvenan imagon pri lia tiutema verkaro. (Rimarkinde estas,ke lia filo,Ervin Bonkáló, tradukis tiun libron en la anglan lingvon,kaj ĝi aperos en Kanado supozeble en 1990.)

En la unua ĉapitro de la libro Bonkáló pruvas,ke la rutenoj en Subkarpatio ne estas praloĝantoj; ili translokiĝis (estis invitataj de sur la norda kaj nord-orienta deklivoj de Karpatoj (Haliĉ, Podolina,Bukovina,Galicia) por labori en la 13-a ĝis 15-a jarcentoj. Tion konstatis ne nur li en la ukrainistiko,sed ankaŭ sovetiaj fontoj konstatis,ke Subkarpatio apartenis al la Kieva Princlando dum la 10-a kaj 11-a jarcentoj,do ĝiaj loĝantoj estis slavoj, kaj en la 11-a jarcento la hungaroj okupis tiun teritorion.Bonkáló refutas,detale kaj science,ke slavoj ne povis esti praloĝantoj en Subkarpatio.

Rutenoj dividiĝas je ebenaĵ-loĝantoj (hungare: siklakók) kaj mont-loĝantoj (hungare: hegylakók). La ebenaĵ-loĝantoj similas al hungaroj laŭ siaj loĝejo,vesto,vivteno,vivmaniero (Técsö-/ukraine kaj ruse/-Tjaĉiv-Tjaĉev; Huszt-Hust-Hust; Nagyszölös-Vinogradiv-Vinogradov; Beregszász-Beregove-Beregovo; Munkács-Mukaĉeve-Mukaĉevo. La mont-loĝantojn oni povas dispartigi je huculo (hungare:hucul), bojko (hungare:bojkó) kaj lemko (hungare:lemkó). Huculoj loĝas ĉe la fonto de la rivero Tisa (Körösmezö-Jasinja-Jasinja; Rahó-Rahiv-Rahov; Kaszony-Kosini-Kosini ktp.). Huculoj ĝenerale iĝis eminentaj flosigistoj,arbar-laboristoj. Laŭ fontoj de slavisto ilia nombro en 1939 estis 30 miloj. Inter ili estis iam famaj "betjaroj" (rabistoj),ekz. Ivan Prislivij (1703), Pinta (1704), Oleksa Dovbus -(1738-44).

Iliaj popolvestaĵoj estas tre interesaj. Viroj portas saktolajn (stuptolajn) nigrajn aŭ ruĝajn pantalonojn.Somere ili surhavas senmanikajn,riĉe ornamitajn bekeŝojn el ŝafida pelto (koĵuh) aŭ stuptolajn nigrajn,ĝisgenuajn surtutojn el ŝafida (ŝafa) ledo (ködmön,serďak). Ili tre ŝatas brilantajn ornamaĵojn. Iliaj specialaj saketoj kaj zonoj havas kuprajn ornamaĵojn,monerojn,butonojn. La zono de huculo (tüszö) estas lia fieraĵo. Ĝi estas 25-30 cm longa,farita el ledo,en ĝi li portas siajn trančilon kaj ponardon.

La vestoj de virinoj estas ĝismaleola ĉemizo kun antaŭ- kaj malantaŭ-tuko el dika brodaĵo. Ili portas rimenŝuojn. Festotagojn la riĉulinoj portas botojn,ĉirkaŭ ilia kolo estas belaj rubandoj kun perlomodela brodaĵo.

Bojkoj loĝas en Verhovina (Vihorlat,Beskid).Ĝenerale huculojn oni nomas "fieraj aristokratoj" kaj la malriĉajn bojkojn oni devas nomi "veraj demokratoj". Hucul estas moknomo (rumane: hoc-ul, huc--ul, 'rabisto'), tiel same bojko (rutene: bojkij, 'lerta','vigla' aŭ boje, 'tiel estas'). Bojkoj komence bredadis,sed iliaj vivkondiĉoj malriĉiĝis; ekde la 16-a jarcento ili iradis rikolti al la Granda Ebenaĵo.

Bonkáló eksterordinare kolore priskribas tiujn partojn. Oni povas tuj senti liajn riĉegajn spertajn sciojn,kulturitecon,klerecon pri tiu temo. Li gvidas la legantojn al la ĉehejmaj ŝpinejoj, mondo de la popolfabeloj kaj -legendoj; li prezentas patruj-amon de la bojkoj,detaligas iliajn tradiciojn,loĝejojn,malriĉajn bienetojn.

Lemkoj loĝas okcidente de bojkoj,sur la montaro situanta inter la rivero Latorca kaj la urbo Poprad (nuntempe ĝi apartenas al Slovakio). Ilia moknomo devenas el la vorteto lem (len),kiun ili uzas anstataŭ liŝ ('nur'). En la popolkentoj kaj -fabeloj de la haliĉaj lemkoj estas nomataj hungaraj urboj,inter aliaj plej ofte oni mencias la nomon de Debrecen,ĉar lemkoj iradis rikolti ĉefe al la departemento Hajdů. La rutenan dialekton de la lemkoj influis polaj vortoj. Komence ili vendis-aĉetadis ĉevalojn,bovojn,ŝafojn,porkojn,sed en la mezo de la pasinta jarcento ili estis "elpuŝitaj" de bonhavaj judoj.

Ilia opiniaro kaj pensado estas pli proksimaj al Okcidento ol tiuj de huculoj kaj bojkoj. La viroj ne portas zonon (tüszö), sed surhavas kravaton. Ilia vesto konsistas el kurta,faldita "kalsonego","gatjo" (gatya) kaj ĉemizo kun nigra veŝto,super ili - longa sutano kun nigra-blanka franĝo-hava ŝalego; hejme ili portas ködmön (serdak - ĝisgenua bruna vestaĵo). La virinoj surkape havas nigrajn aŭ bluajn tukojn,la fraŭlinoj iras kun nuda kapo.Iliaj jupoj estas unukoloraj.

Poste Bonkáló detale priskribas la historion de la rutenaj literaturo kaj kulturo. Li tre bedaŭras,ke ankoraŭ ne elformiĝis la rutena literatura lingvo (surbaze de la rutena popola lingvo, ĝiaj dialektoj - rim. de A.S.). La verkistoj,intelektuloj anstataŭ tiu ĉi kreado disipas siajn talentojn,ĉar ili disputas nur pri tio: ĉu rutenoj estas ukrainanoj,ĉu rusoj,poloj,slovakoj? (Laŭ opinio de la slavisto ili estas "hungaroj" en tiu senco,ke ili loĝis multajn jarcentojn en Hungario,en iliaj dialektoj amase troviĝas hungardevenaj vortoj,laŭ sia patruj-amo kaj historio ili apartenas al la granda historia Hungarlando - rim. de A.S.).

Bonkáló skribas,ke la rutena literaturo elformiĝis de la 17-a jarcento.El tiu vidpunkto havis grandan rolon la eklezio,religio. La influo hungara estas rimarkebla en diversaj poemoj,verkaĵoj polemikaj pri religio,kantoj,fabeloj,legendoj. La pastroj mem estis ne nur servistoj de la Dio,sed ili instruis sian popolon.La slavisto kontraŭstaras la t.n. rusan kaj ukrainan agitadon, li,do,opinias,ke "niaj" rutenoj ne bezonas influon ruslingvan kaj ukrain-lingvan.Ĉiu ĉapitro,en kiu li analizas la tiutempan situacion de la grekokatolika eklezio en Subkarpatio (kaj aliloke) estas unikaĵo el historia vidpunkto. Fine li detaligas tiujn agojn,pere de kiuj la tiama hungara registaro helpis al la popoloj en Subkarpatio (apartenanta al Hungario ekde la 2-a de novembro 1938 ĝis 1944 - rim. de A.S.).

Ĉiuj aliaj laboraĵoj de Bonkáló - lingvistikaj,historiaj - havas grandan valoron kaj traktas specialajn temojn.(33)

Pri la tradukarto de Bonkáló

Cni konas kelkajn difinojn de la verto "traduko".Ĉefe estas malfacile esprimi kaj konkretigi la esencon de literatura traduko. Inter tiuj difinoj ekzistas eĉ tiel ekstremaj,unikaj kaj samtempe humuraj kiel vortoj de Ernö Csváth (ERne' OŜvat'),(34),iĝintaj aforismo: "La literatura traduko ne havas sian teorion - nur historion."

Laŭ mia opinio,literatura traduko estas transdono,transpozicio de fremdlingvaj versoj,romanoj,noveloj,dramoj,eseoj ktp. laŭenhave,laŭforme precize,arte kaj egalvalore al alia lingvo.La postuloj de bona traduko estas: a/ kompreno de la fremdlingva teksto, b/ ĝia preciza interpreto, c/ altkvalita scio de la fremda kaj gepatra lingvoj, d/ artnivela akomodiĝo al la pensaro de la verkisto

kaj al la atmosfero de la literaturaĵo mem. Brila scio de paronimoj,antonimoj,sinonimoj,humoro de diversaj vortoj kaj stiloj, konstruado de frazoj,alineoj,kapablo-havo pri ĝusta vortordo kaj esprimriĉa,emfaza vortuzado – jen kelkaj akcesoraĵoj kaj sekretoj de bona tradukaĵo.

Kiel Bonkáló opiniis pri tiu temo? Ĉu la literatura traduko egalas al iaspeca reverkado? La tradukisto jesas al tiu demando. "Bedaŭrinde – li skribas –,la ĉarmon kaj freŝecon de Jevgenij Onegin (romano en versoj de A.S.Puŝkin – rim.de A.S.) oni ĝis nun ne povis traduki,ĉar ne estas tradukeblaj dialektismoj,la atmosfero speciala de la verkaĵo; iun literaturan verkon oni devas refari,redoni ĝin al la leganto en tiuj formo kaj stilo por ke ili ne pensu pri iu "fremda" aŭtoro,sed ili pensu,ke ĝi estas skribita nacilingve."(35)

Li tradukis multe.(36) Lia plej granda laboro estas L.Tolsztoj: Háború és Béke (Milito kaj Paco) en la eldono de Gutenberg (1928-29) en 11 volumoj. Ĉu vi povas imagi la grandecon kaj malfacilecon de tiu ĉi tradukado?

Por havi ekzemplon pri la stilo tradukarta de Bonkáló,mi komparos lian tradukaĵon kun laboraĵoj de Dezső Ambrozovics (DEĵe' AMbrozoviĉ),(1907),(37) kaj Imre Makai (MAkai),(1954),(38).Mi konstatas,ke ne ekzistas diferencoj laŭ la enhavo (fideleco al la originalo estas la plej grava postulo!). Laŭstile en ĉiu tradukaĵo oni povas senti,malkaŝi tiujn proprajojn,kiuj apartenas nur al la persona stilo de la tradukisto (sinonimoj,antonimoj,vortordo,kunmeto de frazoj aŭ dispartigo de longaj pluroble kunmetitaj frazoj je pli simplaj, refondiĝo de atmosfero de la romano ktp.).La plej malnova laboraĵo apartenas al Ambrozovics,tio signifas,ke li uzas,rilate al nia nuntempa literatura lingvo,iom strangajn,malnovtempajn frazojn,vortordojn kaj vortformojn. Li ĝenerale "fiksas" la originalajn ruslingvajn frazstrukturojn,tiel lia stilo ne estas sufiĉe hungarlingva. Bonkáló estas multe pli kuraĝa: li ne persistas ĉe strukturoj,kiuj ne estas karakterizaj por nia nacia lingvo,li hungarigas ilin,kunmetas kaj dispartigas la frazojn libere – sen la ŝanĝo de la enhavo. Estas surprizo por la leganto lia kapablo elekti la plej konvenajn sinonimojn,vortordon. Lia tradukaĵo,do, post 60 jaroj estas valora kaj moderna. Makai kompreneble verkis en nia nuntempa literatura lingvo. Ankaŭ li ne tradukas laŭfraze,ankaŭ li estas kuraĝa,sed ofte troe ŝanĝas teksterojn. Tiel li interrompas la internan ritmon de originalaj frazoj.

Mi tute ne diras,ke inter tiuj tradukaĵoj povas esti unua-, dua- kaj tria-grada. Ĉiuj ili estas grandegaj reverkaĵoj – faritaj kun egaj forto kaj scio,eminenta talento.

XXX XXX XXX

En mia studo mi intencis doni al la legantoj kelkajn informojn pri la vivo kaj malinde forgesita verkaro de Sándor Bonkáló.Verŝajne mi povis enrigardigi vin al kelkaj paĝoj kulturaj kaj historiaj de Hungario antaŭ 45-80 jaroj.

Fine jen kelkaj faktoj,kiuj reprezentas kaj pruvas la valoron de lia verkaro. En Usono en "Rusyn Research Institute" oni rememoris festene la centjaran datrevenon de lia naskiĝo (1980). En Uppsala (Svedio) oni aranĝis similan rememoran solenaĵon. En Universitato Toronto (Kanado) en la katedro de la ukrainaj lingvo kaj literaturo sur la muro pendas lia foto inter la plej grandaj slavistoj. En la ukraina katedro de Universitato Harward (Usono) sub lia portreto estas legebla: "The only professor of Rusyn language and li-

terature." (La sola profesoro de la rusinaj/komprenu: rutenaj- rim. de A.S./ lingvo kaj literaturo.)

La signo / x/ montras,ke la koncerna jar-indiko estas menciita ne de Bonkâlô,sed de la aŭtoro de tiu ĉi studo.

REFERENCOJ

1 Ruteno - ano de ĉefgento en la sud-okcidenta teritorio de Karpatoj,en la tiel nomata historia (granda) Hungario.Ekde la pac-kontrakto en Trianon (Versailles/Versajlo),la 4-a de junio 1920 tiu estinta parto de Hungarlando apartenas al Ukrainio. Rutenoj parolis (-as) sian dialekton de la ukraina lingvo.

2 A rahói kisorosz nyelvjárás leíró hangtana.(La deskripta fonetiko de la malgrand-rusa /komprenu: rutena - A.S./ dialekto en la urbo Rahô.),Gyöngyös,1910. - A magyar rutének.(La hungaraj rutenoj.),Bp.,1920. - A kárpátaljai rutén irodalom és müvelödés.(La rutenaj literaturo kaj klerigo en Subkarpatio.),Pécs, 1935. - A rutének.(La rutenoj.),Bp.,1940.

3 A.S. Baudouin de Courtenay (1845-1929),rusa-pola lingvisto, ano de Peterburga Scienca Akademio. Li okupiĝis ĉefe pri fonetiko-fonologio.

4 A.A.Ŝahmatov (1864-1920),filologo,akademiano.Li havis multbranĉan verkaron.Pioniro en la tekstologio kiel scienco.

5 S.A.Vengerov (1855-1920) literatur-historiisto,verkis monografiojn kaj bibliografiaron de rusaj verkistoj.

6 P.A.Lavrov (1856-1929),filologo-slavisto,akademiano.Li okupiĝis ĉefe pri la historio de la slava literaturo kaj la slavaj lingvoj.

7 Oszkár Jászi (OSkar' jasi;1875-1957),dum la reĝimo de Mihály Károlyi (MIhaj' KAroji; 1875-1955) li estis submINistro respondeca pri la naciecaj aferoj.

8 Bonkâlô komencis labori en la universitato tiam,kiam M.Kârolyi (KAroji) estis la prezidanto en Hungario.Lia nomumo kiel katedr-estro estis nuligata,ĉar oni akuzis lin pri bolŝevisma propagando. - Vidu: Attila Salga (a'tilla ŝalga):"Adalékok Bonkâlô Sândor életéhez és munkásságához." (Indikoj al la vivo kaj verkaro de Sândor Bonkâlô). Acta Academiae Pedagogiae Agriensis - Nova Series,tom XII, Eger,1974, 203.

9 A.A.Ĵdanov (1896-1948),sovetia politikisto,havinta ĉefan rolon en la kultura vivo de SSR,disvastiganta sektajn-dogmajn teoriojn kaj postulojn en la sovetia kulturo.

10 Gyula Laziczius (djula LAziciue; 1896-1957),lingvisto,universitata profesoro.Vidu: Bonkâlô Sândor könyve az orosz irodalomról (Libro de Sândor Bonkâlô pri la rusa literaturo). Nyugat, 1926.,II.153. Vidu ankoraŭ: Attila Salga (a'tilla ŝalga):Nemcsak kuriózum,forrásmü is. (Ne nur kuriozaĵo,sed ankaŭ fonto). Hajdú-Bihari Napló,1983.08.11.

11 Gyula Moravcsik (djula MOravĉik;1892-1972),akademiano,historiisto. Vidu: Orosz irodalom (Rusa literaturo),Napkelet,1926.578.

12 Az újabb orosz irodalom a régi irodalom történetének vázlatával. (La pli nova rusa literaturo kun la skizo pri la historio de la malnova literaturo.),Bp.1926.

13 István Szémán (IŜTvan' SEman';1880-1961),papa prelato,akademiano de Akademio "Sankta Stefano".

14 S.Bonkáló: Nagy Péter cár kora az orosz szépirodalomban.(La caro Petro la Granda kaj lia epoko en la rusa beletristiko) Budapesti Szemle,1924.268-284.

15 Attila Salga: Bonkáló Sándor és az orosz irodalom. (Sándor Bonkáló kaj la rusa literaturo.) Acta Academiae Paedagogicae Agriensis. Nova series, tom XIII. Eger, 1975. 271.

16 Attila Salga: Ötvenéves az első magyar nyelvű orosz irodalomtörténet. (La unua hungarlingva historio de la rusa literaturo havas 50 jarojn.) Heves Megyei Népújság,1976.08.12.; Magyar Nemzet, 1976.08.31.

17 S.Bonkáló: Az orosz irodalom története. (Historio de la rusa literaturo.) Athenaeum, Bp. 1926. I, 59.

18 S.Bonkáló: Turgenyev. Halálának 50. évfordulójára. (Turgenjev. Al la datreveno 50-a de lia morto.) Katolikus Szemle, 1933. 287.

19 Attila Salga: Bonkáló Sándor és a szlávok. (Sándor Bonkáló kaj la slavoj.) Hevesi Szemle, 1975, I. 50.

20 Samloke, 50.

21 Vidu ekzemple: Gyula Juhász: Az európai kultúra válsága. (La krizo de la europa kulturo.) Délmagyarország, 1919. 01. 23. 3. (..."kio koncernas la moralan kaj kulturan bazon de la bolŝevismo,ĝi estas vera instruo de Tolstoj.") – S.Bonkáló: Az orosz messziánizmus. (La rusa misio.) Nyugat,1925.373.

22 B.S.Bonkáló: Az orosz irodalom története. II, 129.

23 György Bakcsi: Az orosz századforduló. (La rusa centjarŝanĝo.) Gondolat, Bp. 1967. 15.

24 S.Bonkáló: Az orosz irodalom története (Historio de la Rusa Literaturo),II.173

25 Samloke,194-195

26 S.Bonkáló: Képek a szovjetorosz irodalmi életből. (Bildoj el la sovetrusa literatura vivo) Katolikus Szemle,1931.679.

27 S.Bonkáló: A cári Oroszország útja a bolsevizmus felé /La vojo de la cara Rusio al la bolŝevismo/,Katolikus Szemle,1932.350.

28 S.Bonkáló: Gogoly realizmusa és a mai szovjetorosz realizmus. /Realismo de Gogol kaj la nuna sovetrusa realismo/,Katolikus Szemle,1935.559.

29 S.Bonkáló: Szovjet-Oroszország./Soveta Rusio/ Recenzo pri la libro de Panait Istrati "Vers l'autre flamme" I-III.Paris,1929, Budapesti Szemle,1930,317.

30 S.Bonkáló: Nemzetiségi kérdés a Szovjetunióban /Naciecaj Demandoj en Sovetunio/,Katolikus Szemle,1940,28-29.

31 S.Bonkáló: A vallás és az egyház Szovjet-Oroszországban /La religio kaj eklezio en Soveta Rusio/,Katolikus Szemle,1930.424.

32 Keresztény Magyar Közéleti Almanach. (Kristana Hungara Publika Almanako.) I.Pátria,Bp.1940.127.

33 Vidu ekz.: Borkut. (Etimologio de la vorto "borkut"). Magyar Nyelvőr,1912.424. – Tagadómondat a magyar-kisorosz nyelvben. (Nea frazo en la hungara-malgrandrusa lingvo.) Nyelvtudomány, 1913,219-221. – Az orosz (nagyorosz) és a rutén (kisorosz v. ukrajnai irodalmi nyelv kérdéséhez. (Al la problemo de la rusa kaj ukraina literaturaj lingvoj.) Nyelvtudomány, 1914-15. 81-110. – A szláv kérdés. (La problemo pri la slavoj.) Magyar Külpolitika,1925.12.7. – Az ukrán mozgalom története I-II. 1917-1922.(La historio de la ukraina movado 1917-1922.) Külügyi Könyvtár, Bp. 1922.

34 Ernő Osváth (1877-1929) kritikisto,redaktoro de la hungara revuo Nyugat (Okcidento) ekde 1908 ĝismorte.

35 S.B.: Az orosz irodalom története, II. 17-18.

36 Vidu ekz.: A fehér cár mesekertje. (Fabelĝardeno de la blanka caro.) Franklin, Bp.1927. – Dosztojevszkaja: Dosztojevszkij özvegyének emlékiratai. (Memuaro de la vidvino de Dostojevskij.) Révai,Bp.1928. – Tolsztaja Alexandra: Tolsztoj futása és halála. (Fuĝo kaj morto de Tolstoj.) Révai,Bp.1929. – B.Pilnyak: A bjelokorszki uradalom. (La bienego en Belokorsk.) Budapesti Szemle,1927. 115-123. – Tolsztoj: Szevasztopol 1854 december. (Sevastopol en decembro 1854.),Franklin,Bp.1930. 3-19. – Tolsztoj: Szevasztopol 1855 augusztus. (Sevastopol en aŭgusto 1855.) Franklin,Bp.1930. 62-126. – Tolsztoj: A kozákok. (La kozakoj.) Révai,Bp.1948.

37 Dezső Ambrozovics (1864-1919) ĵurnalisto,kritikisto,konata tradukisto de rusaj klasikaj romanoj.

38 Imre Makai (1920) tradukisto de multaj rusaj-sovetiaj romanoj.

Alexander Bonkáló
THE RUSYNS

Translated by
Ervin Bonkalo

EAST EUROPEAN MONOGRAPHS
Distributed by Columbia University Press, New York
1990

Translator's Remarks

Alexander Bonkáló wrote *The Rusyns* for Hungarian readers versed in the history of Hungary. Therefore, the translator felt it necessary to add some explanatory remarks to passages that might be obscure for North American readers. These were prepared for the most part by the editors and are indicated by letters, in contrast to Arabic numbers used by Bonkáló for footnotes in the original work. This edition also includes two maps, a biographical sketch of Alexander Bonkáló, and a bibliography of his writings on Rusyns. The reigning dates of monarchs, church hierarchs, and Rusyn activists have also been added in this edition.

I wish to express my appreciation to Professor Paul R. Magocsi of the University of Toronto for making the publication of this translation possible through the Carpatho-Rusyn Research Center, for his editorial notes, and for preparing the maps. The translator has followed the practice of the Carpatho-Rusyn Research Center on place names, although the Hungarian form is added in parentheses the first time the name appears. My special thanks to a life-long friend, Kálmán Kindlovits LLD, of Budapest, who uncovered material for the preparation of Alexander Bonkáló's biography, and to Attila Salga of the Lajos Kossuth University of Debrecen, whose doctoral thesis and publications were an invaluable source in the preparation of Alexander Bonkáló's biography and bibliography.

Finally, I should like to dedicate this translation to Neske, a Hutsul beauty from an earlier time in my life.

preserve the Rusyn culture and language into which he was born. His only political conviction was a firm belief that the survival of the Rusyn people was possible only within the borders of Hungary, a non-Slavic country.

During his first and second "retirements," Alexander Bonkáló consistently showed his interest and love of Rusyn culture. In 1935, he published an illustrated book, *Subcarpathian Literature and Culture*, which was later expanded into the 1940 book, *The Rusyns*, published here for the first time in an English translation.

Bonkáló continued to do scholarly work in Slavic studies and translations of Soviet Russian literature until his last days. He died in Budapest on November 3, 1959, and was survived by three sons. Alexander Bonkalo Jr. (1912-1988) immigrated to Toronto in 1949, where he practised psychiatry and neurology, teaching those subjects for nearly two decades as professor at the University of Toronto. Ervin Bonkalo (b. 1916), the translator of this volume, is a historian and retired university professor living in Canada since 1950, now in Sudbury, Ontario. Tamás Bonkáló (b. 1922) holds the rare degree of "Doctor of Mechanical Sciences" and has remained in Hungary, living in Budapest.

While it is true that during his lifetime Alexander Bonkáló was well known for his translations of Tolstoy, he was generally given little recognition for his scholarly work on Rusyn subjects. He has, however, been remembered after his death. Attila Salga published several studies and completed a Ph.D. thesis at the University of Debrecen (1976) on Bonkáló's life and scholarly career.[5] Moreover, reference works in Slavic and Hungarian studies also refer to Alexander Bonkáló,[6] and in his book on the development of a national identity among the Rusyns (1980), Paul R. Magocsi quotes Bonkáló several times and provides a brief biography of him.[7] Finally, a portrait of Alexander Bonkáló has since the mid-1970s been permanently exhibited in the gallery of scholars at the Ukrainian Research Institute of Harvard University. The present translation of *The Rusyns* will hopefully serve as a lasting testament to Bonkáló's contributions to the history and culture of the Rusyn people.

Ervin Bonkalo

Notes to Biographical Introduction

1. Because in Greek Catholic churches an organ is not used, the cantor occupies the important role of leading the singing "a capella" during the liturgy. The cantor's role in traditional Rusyn society was further enhanced by the fact that he also often served as the village elementary school teacher.

2. The Calasanctius Fathers, a Roman Catholic teaching order founded in Italy during the seventeenth century, maintained before World War II high schools in 33 countries. In all their schools, the emphasis has been on the classics, science, and religion, and as in the Calasanctius Preparatory School still functioning in Buffalo, New York, the student body is usually comprised of the most intellectually gifted.

3. Some efforts were actually made in this regard. With the encouragement of Oszkár Jászi, a specialist on nationality affairs, the government of Károlyi passed a law (December 21, 1918) authorizing the creation of an autonomous Rusyn Land (Ruszka Krajna), which had its own governor and administration that functioned for a few weeks in Mukachevo in early 1919. The Communist regime of Béla Kun allowed a Soviet Rusyn Land with its pro-Soviet governor and administration to continue functioning (actually for 40 days in March and April 1919) until driven out by Czechoslovak troops from the west and the Romanians from the east.

4. Since World War I, the "Ukrainian question" was of importance to Hungary's rulers. As an enemy of the Russian Empire, the Hungarians saw the potential of the Ukrainian movement as a means to weaken tsarist power, and they even published a Hungarian-language journal, *Ukránia* (Budapest, 1916), edited by the Subcarpathian Rusyn Hiiador Stryps'kyi, devoted exclusively to Ukrainian developments in the Russian Empire. After the war, the Ukraine became an important link between Soviet Russia and Béla Kun's Soviet Hungary, and recognizing this fact, the anti-Soviet Horthy regime was interested in knowing about and supporting all anti-Soviet or nationalist Ukrainian endeavors. Hence, the informational services of Alexander Bonkáló were of importance.

5. Among Salga's published studies are: "Adalékok Bonkáló Sándor életéhez és munkásságához," *Acta Academiae Pedagogicae Agriensis,* N.S., XII (Eger, 1974), pp. 201-209; "Bonkáló Sándor és az orosz irodalom," *Acta Academiae Pedagogicae Agriensis,* N.S., XIII (Eger, 1975), pp. 271-281;

"Bonkáló Sándor és a szlávok," *Hevesi szemle,* No. 1 (Eger, 1975), pp. 48-51; and "Oleksandr Bonkalo i rusini," *Nova dumka,* XVIII [73] (Vukovar, Yugoslavia, 1988), pp. 44-46. See also his "Bonkáló Sándor és a keleti szlávok," unpublished Ph.D. thesis, Lajos Kossuth University of Debrecen, 1976, esp. pp. 239-270, which discusses Bonkáló as a Slavic linguist and specialist on the Rusyns.

6. Entries on Sándor Bonkáló are found in the interwar Czech encyclopedia: *Ottův slovník naučný nové doby,* Vol. I (Prague, 1930), p. 678; in the encyclopedia currently in preparation among Ukrainianists in the West: *Encyclopedia of Ukraine,* Vol. I, ed. Volodymyr Kubijovyč (Toronto, 1984), p. 266; and among Carpatho-Rusyn specialists in Czechoslovakia: Olena Rudlovchak's extensive biography of Bonkáló in *Duklia, XXXVII,* 5 (Prešov, 1989), pp. 74-78. Entries on Bonkáló also appeared in two Hungarian literary encyclopedias: *Magyar írók élete és munkai,* Vol. III, ed. Pál Gulyás (Budapest, 1941), pp. 871-873; and *Magyar életrajzi lexikon,* Vol. I, ed. Ágnes Kenyeres (Budapest, 1967), p. 244. The post-World War II Hungarian encyclopedia, *Új magyar lexikon,* 6 vols. (Budapest, 1959-62), has no entry on Bonkáló, while the interwar Hungarian encyclopedia has an entry of a mere one line in the supplement: *Révai nagy lexikon,* Vol. XXI: *kiegészités* (Budapest, 1935), p. 168.

7. Paul Robert Magocsi, *The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus', 1848-1948* (Cambridge, Mass., 1978), p. 291 (biography) and pp. 70, 111-113, and 119-163 *passim* (discussion of his views and writings).

ANNALES INSTITUTI PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS
DEBRECENIENSIS DE LUDOVICO KOSSUTH NOMINATAE

Slavica XXVI. 33-42. 1993 Debrecen

A Contribution to the Passive in Russian

A. SALGA

1. It can hardly be the task of this short study to give an overall review of the wide range of aspects from which the different ways of expressing active and passive constructions have already been examined either as part of a typological survey or in different languages.

Specialist literature on the category of voice (*залог*) in Russian is also very rich and is one of the chief points of interest of contemporary linguistics as well. The essence of the contradictory views is formulated by V. V. Vinogradov as follows: "... в понятие залога вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание."[1]

In this connection several questions can be raised:

a) What are the criteria for defining voice?
b) Is it a morphological or syntactic category?
c) What means of expression does it have?
d) Does the category of voice cover the whole verbal lexicon? etc.

The problem the investigator has to face is rather complicated as the Russian verb has no endings which would be characteristic of voice forms only. The situation is different, e.g., in German: *ich lobe* ('я хвалю'), *ich lobte, ich habe gelobt; ich werde gelobt* ('я хвалим), *ich wurde*

gelobt, ich bin gelobt worden, etc.

2. The polysemy of *-ся* has also given rise to contradictory views in linguistics. In 1880 V. Dal' wrote that it was unnecessary and also impossible to separate the different voices of Russian as they were simply "безграничения путаница... Распределение глаголов на залоги школярство, одно из тех пут, которые служат для притупления памяти и понятий учеников."[2] This approach follows from the spirit of the age or, to be more exact, from the Grammar of M. V. Lomonosov,[3] who distinguished six voices on the basis of syntactic and semantic features: *действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний, общий*. On the whole, F. I. Buslajev follows Lomonosov in his classification: *действительный, страдательный, средний, взвратный (собственно-возвр.), взаимный, общий,*[4] i. e. he does not separate voice from the transitive - intransitive character of the verb.[5] The interpretation given by F. F. Fortunatov is entirely different. In his view the category of voice indicates the relation of the action process to the subject and is expressed by the postfix *-ся*. Verbs with *-ся* and those without it fall into two voices: a) non-reflexive *(невозвратный)* and b) reflexive *(возвратный)*. Only those verbs have non-reflexive forms which can derive their reflexives by adding the postfix *-ся*. On the other hand, verbs derived from transitives should be considered reflexive. The following statement also deserves attention: the verbs which have only a) forms with *-ся*, b) forms without *-ся*, c) forms with *-ся*, but are derived from intransitive verbs, are not characterized by the category of voice. Thus, in Fortunatov's theory voice and the (in)transitivity of verbs become separated, but their close interaction can also be observed.

3. According to the traditional approach the notion of voice reflects two systems of relations in reality. For one of them the term 'object' is dominant (V-O), the other has the 'subject' (*деятель, агент*) in the centre (V-S or S-V). This is the reason why some authors, e.g. V. A. Bogorodckij[6] and A. V. Šapiro[7], acknowledge that voice expresses a relation to the complement, i. e. the object. Here the classification of voice is founded on the transitivity of intransitivity of verbs. According to this two voices may be postulated: active (transitive) and medial (intransitive): *Мальчик моет лицо. - Мальчик моется.* In this case voice is expressed syntactically in the relation of the verbal

predicate and the direct object. The transitivity of intransitivity of the verb is indeed related to voice but does not coincide with it!

Other researchers - followers of D. N. Ovsjanniko-Kulikovskij[8] - take into account the quality of difference and realiton between the action and the subject. In A. V. Isačenko's[9] view the relation between the verb and the direct object should not be defined as a voice relation proper, so the (in)transitivity of verbs should be excluded from the morphological categories of the Russian language. The active (*действительный*) and passive (*страдательный*) voices are treated by him in a two-pole privative opposition where it is always the passive that is strong and marked. In the passive construction (*Дом строится; Дом построен*) the action denoted by the verb is directed at the subject of the sentence (*дом*). In fact, this direction of the action contains the general semantic feature that is characteristic of the passive. The same concept is reflected in the Academic Russian Grammar of 1970: "Собственно залог - это лексико-грамматическая или классификационная категория глагола, выражающая отношение действия к субъекту в определенной системе оппозиций."[10]

The acceptance of the dichotomic principle - in which the relation of only two elements is taken into account (S-V or V-O) - has been rejected by many linguists. In the classification of Russian voices the trichotomy has become widespread, according to which this category conveys the most general relations between the subject, the process and the object (S-V-O).

Below a section of the Academic Grammar of 1952 will be quoted, as it is this definition - or its modified versions - that is repeated by various sources: "Категория залога обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глагола."[11]

In the first volume of the 1980 Grammar a similar formulation can be read: "Залог - это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом."[12]

This definition is not considered acceptable by many linguists either. According to one trend the definition of voice should be focused on the parts of the sentence on the

one hand, and on the semantic categories fo subject and object, on the other. It is in this sense that V. Z. Panfilov defines voice: "Категория залога характеризует то или иное соотношение подлежащего (грамматического субъекта) и дополнения (грамматического объекта) с субъектом и объектом действия, определяемое глаголом и приуроченное к его определенной форме."[13]

A. A. Xolodovič and his followers have played an important role in universal-typological research. In their studies they examine the relations of two objects. One of them is of a semantic character (e. g., *партиципанты ситуации*), whereas the other is syntactic (*предикат с его переменными: а) актантами-подлежащими и дополнением и б) сирконстантами, т. е. обстоятельствами*).

V. S. Pakrovskij defines diathesis as follows: "Условием называть *диатезой* соответствие членов предложения партиципантам ситуации, фиксируемое в исходной конструкции, можно назвать *исходной диатезой*. При переходе от исходной конструкции к производной происходит изменение исходной диатезы. Суть изменения заключается в том, что партиципанты обозначаются не теми членами предложения, что в исходной конструкции, или на лексическом уровне не обозначаются вовсе. Диатезу, фиксируемую в производной конструкции, будем называть *производной диатезой*. Деривационные отношения, связывающие исходную и производную конструкцию, условимся называть *залоговыми*."[14]

Such a wide interpretation, however, can hardly be accepted. In his review[15] L. Dezső emphasizes the expediency of using this term in its traditional sense for denoting those diatheses in which the basic form of the predicate undergoes a change.

According to Xrakovskij's theory the information conveyed by the sentence is equal to the information to be found in the lexicographic interpretation of the verb marking the peak of the whole sentence. He considers the verb to be a predicative word denominating the situation which is further concretized by participants (semantic components, objective variables). The participants which take part in the interpretation of the situation are connected by hierarchic relations. This working hypothesis of Xrakovskij's is supported by his stating that it is always the subject and the object to be named first, the instrument following these. Consequently, in his hierarchy the subject can be found on the first level, the object on

the second, the instrument and the rest of the participants on the third. The existence of the first level is the precondition for the second but is not its compulsory determinant. Similarly: the existence of the subject and the object (the first two levels) is a precondition for the participant of the third level but does not make it compulsory.

This is, however, only a very short survey of Xrakovskij's concept. The theory has been unambiguously and suggestively criticized by M. Füredi.[17] He proves that Xrakovskij has not given an exact definition of the terms paticipant, subject and hierarchy. What is more, in fact he tries - although the attempt is indirect - to project the basic word order of Russian affirmative sentences onto the linguistic material.

In a certain sense, A. V. Bondarko's[18] so-called *системно-полевой подход* theory contradicts the universal-typological trend. According to Bondarko, the grammatical category of voice forms the kernel of the 'functional semantic Field' which emerges as a result of the interaction of different linguistic (morphological, syntactic, derivational and lexical) means to express the linguo-semantic relation of the action to its logical subject and logical object. In his theory, which is applied to the Slavic languages as well, he rejects the traditional term *подлежащее* and introduces the new concept of *носитель глагольного признака*. This embraces not only the subjects of sentences of the *Отец написал статью* or *Статья написана отцом* type but also other words of functional-structural value, e. g. the full-form active and passive constructions (*отцу, написавшему статью...; в написанной им статье...*).

He writes later on: "Залог передает значение центробежной (при активе) или центростремительной (при пассиве) направленности глагольного признака по отношению к его носителю. Данная грамматическая категория находит свое синтаксическое выражение в оппозиции конструкций, основное различие между которыми заключается в соответствии носителя глагольного признака либо логическому субъекту (актив), либо логическому объекту (пассив), а морфологическое выражение - в глаголе (в славянских языках - в рядах форм невозвратных глаголов, составляющих морфологическое ядро актива, форм страдательных причастий, являющихся морфологическим ядром пассива, и форм возвратных глаголов, распределяющихся между активом и пассивом)."[19]

The direction mentioned above may also be expressed by linguistic means other than voice proper: the derivationally functioning *-ся* postfix or the so-called 'lexical passive' *(он терпит обиды; они испытывают давление со стороны; разговаривать друг с другом и т. д.)*. These forms, however, belong to the periphery of voice.

4. After this brief survey of the specialist literature the present author makes an attempt to give a comprehensive characterization of the category of voice, which is based on the theories reviewed above and on his own research.

Voice is a grammatical category which denotes the relation of the action to the subject and the object in a definite opposition. In defining voice one should take into account the relation of the verbal action both to the subject and the objec (S-V., V-O). Its two varieties differ in the action being directed either at the subject (the performer of the action) or at the object. It the action has its origin or is concentrated in the subject an active construction comes into being and the verbs of the active voice are used. In this case the attention is focused on the subject performing the action or getting into a certain state. In passive constructions, the object at which a certain action is directed receives special emphasis. The action itself is expressed by verbs of the passive voice, the denotation of the subject is optional.

Consequently, the use of active and passive constructions (*Учитель проверил тетради учеников; Тетради учеников проверены учителем*) is closely connected with the topic-comment structure of the sentence, in other words, lexically identical sentences may differ in their voices. According to V. Z. Panfilov: "Сущность грамматической категории залога состоит не только в том, что она фиксирует различные отношения актантов к действию, но она состоит также в различии хода познания и языковых способов выражения этих отношений."[20]

In active constructions with a direct word order the subject performing the action is the topic of the sentence, whereas the part following it is the comment: *"Вновь нахлынувшая толпа бегущих захватила его с собой и повлекла назад."* (Л. Толстой). In passive constructions, on the contrary, the object is the topic and the subject is the comment: *"Волнистая равнина вся исхлестана серыми дорогами."* (М. Горький).

An active construction is used when the object of the action is given and known, with an inversion: *"ЧИстым воздухом подышим в тесном царстве ивняка, песню иволги услышим, а в осоке - кулика."* (С. Васильев).

The functional distribution of active and passive in Russian is not equal. Active is much more frequently used in all styles. Passive is limited and used in the written (most of all legal) language.

How is the passive formed? What formal features does it have? The passive can be expressed by A) morphological, B) syntactic means. Its morphological features are a) special formationa (passive participles - *разыскиваемый, пойманный, пойман*), b) the *-ся* postfix used for the derivation of forms (*Ошибки устраняются учениками*). The most 'reliable' means to express the passive is the passive participle: (1) *"Нами ты была любима и для милого хранима"* (А. Пушкин); (2) *"Гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра."* (Л. Толстой); (3) *"Как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханием весны."* (И. Тургенев); (4) *"Врага отбросила Москва, и спасена Россия."* (А. Твардовский)

In sentences (1), (2), (3) there are syntactically complete passives, as besides the verbal word the indirect object is also present (*творительный действующего предмета: любима нами, прерываемый выстрелами, охваченный дыханием весны*). If the sentence has a passive participle which is not adjectivized, a passive construction emerges even if the subject expressed by the instrumental case is missing (see sentence (4)). Thus, the morphological kernel of the passive is made up of the passive participle forms. It can be defined and included in the category of voice in a purely morphological way. The situation becomes more complicated if the sentence contains reflexive verbs, caused by the polysemic, multifunctional postfix *-ся*. If a verb is formed, the action is concentrated in the subject itself and the postfix *-ся* produces a verb with a different lexical meaning, i. e. it serves as a means of word derivation (e. g. *подниматься, лечиться, купаться, одеваться,* etc.) and denotes active voice. On the other hand, if the reflexive verb denotes an action directed at the objct, the postfix *-ся* is used for the derivation of forms and can be considered to be the marker of the passive voice (*Мир познается человеком в процессе трудовой деятельности*). Consequently, the postfix *-ся* can equally be used to form

both the active and the passive voice: one and the same reflexive verb, independently of its meaning, can even be found in active and passive constructions alike, e. g. (1) *Дома строятся плотниками.* (2) *Хозяева строятся летом.* (3) *Грибы собираются на опушке леса.* (4) *Пионеры собираются в поход.*

Sentences (1) and (3) are passive, whereas (2) and (4) have the active voice.[21]

Examining active and passive constructions one should take the transitivity and intransitivity of verbs into account as well, as it is only transitive verbs that are capable of showing the change in the relation of the subject and the object: *решить-решенный, решен; решать-решаться (актив - Задачи решили правильно; пассив - Задача решена правильно; Задачу, решенную правильно, оценили на "отлично"; Эту задачу мы решали давно; Эта задача решалась нами давно).*

Reflexive verbs can be classified as follows:

a) verbs formed from transitives: *нарядиться, купаться, обниматься, гнуться и т. д.;*

b) verbs formed from intransitives: *белеться, чернеться, хвастаться, грозиться и т. д.;*

c) verbs formed through prefixation-postfixation: *выспаться, засидеться, разахаться, настрадаться и т. д.;*

d) verbs not used without *-ся*: *очнуться, бояться, надеяться, гордиться, смеяться и т. д.*

Reflexive verbs have some groups which denote the action being concentrated in the subject itself. According to Russian grammatical tradition these verbs form the so-called *средне-возвратный залог: а) собственно-возвратный (обуваться, одеваться); б) взаимно-возвратный (ругаться, целоваться); в) общевозвратный (возвращаться, беспокоиться); г) косвенно-возвратный (построиться, уложиться); д) активно-безобъектный (бодаться, кусаться) и др.*

Reflexive verbs formed with *-ся* from transitive verbs denote an action of the subject which is not directed at a direct object but returns to its initiatier, so these verbs belong to the active voice. As a passive is formally identifiable for the instrumental case of the agent (among others), it is vitally necessary to find out if an agentative complement (*дополнение*) can be used with the verbs in *-ся*.[22]

Let us consider the following examples: (1) *"Сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках."* (А. Чехов) The verbs - *опускаются (кем-то), развозятся (кем-то)* represent the passive voice. (2) *"Вот солнце коснулось тихой воды у берега, кажется, что вся река подалась туда, где окинулось солнце."* (М. Горький). The verbs in italics are active and reflexive (*действительные, возвратные*).

[1] **Виноградов, В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. 1972. 447.

[2] **Даль, В. В.** Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. Спб.-М. 1880, XXVIII.

[3] **Ломоносов, М. В.** Российская грамматика. Полное собр. соч., т. 7. М.-Л. 1952, 481-2.

[4] **Буслаев, Ф. И.** Историческая грамматика. М., 1959, 343-4.

[5] **Фортунатов, Ф. Ф.** О залогах русского глагола. *Известия ОРЯС,* т. 6, кн. 4. Спб. 1899,

[6] **Богородицкий, В. А.** Общий курс русской грамматики. М.-Л. 1935, 47-9.

[7] **Шапиро, А. Б.** О залогах в современном русском языке. *Ученые записки Москвоского гор. пед. института,* т. V, вып. 1, 1941, 22-61.

[8] **Овсянико-Куликовский, Д. Н.** Синтаксис русского языка. Спб. 1912, 127.

[9] **Исаченко, А. В.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология т. 11, Братислава 1960, 354.

[10] **Грамматика современного русского литературного языка.** М. 1970, 351.

[11] **Грамматика русского языка,** т. 1. М. 1952, 412.

[12] **Русская грамматика**, т. 1. М. 1980, 613.

[13] **Панфилов, В. З.** Языковые универсалии и типология предложения. *Вопросы языкознания*, 1974, 5:10-1.

[14] **Храковский, В. С.** Пассивные конструкции. В. кн.: "Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги" Л. 1974, 13.

[15] **Дэхе, Л.** Рецензия на книгу "Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги." *Вопросы языкознания*, 1977. 3. 136.

[16] **Храковский, В. С.** ук. соч., 5-45.

[17] **Füredi, M.** Alanykutatás és passzivum-tipológia (Subject Investigation and the Typology of the Passive). *Általános Nyelvészeti Tanulmányok XII*, Budapest 1978. 107-120.

[18] **Бондарко, А. В.** К теории поля в грамматике - залог и залоговость. *Вопросы языкознания*, 1972, 3.20-35. **Его же.** Теория морфологических категорий. Л. 1976.

[19] **Его же.** Теория морфологических категорий, 223.

[20] **Панфилов, В. З.**, ук. соч., 10.

[21] **Шалга, А.** Категория залога в русском языке. *Slavica XX*, Debrecen 1984, 8.

[22] **Шалга, А.** Актив и пассив в русском языке. *Studia Russica VII*, Budapest 1984, 18.

ANNALES INSTITUTI PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS DE LUDOVICO KOSSUTH NOMINITAE

Slavica XX. 5—10 1984 Debrecen

Категория залога в русском языке

А. ШАЛГА

1. Несмотря на богатую традицию в изучении грамматической категории залога, проблеметика, связанная с залогами русского глагола, по-прежнему вызывает живой интерес у лингвистов. В.В. Виноградов пишет, что «в понятие залога вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание»[1].

1.1. Главная причина необычной противоречивости залоговых концепций заключается в сложности самого языкового материала, относящегося к данной категории. Во-первых, русские глаголы лишены системы залоговых флексий, во-вторых, в русском языке залоговые значения выражаются своеобразно. В частности постфикс *-ся,* служащий одним из средств обозначения залоговых форм, характеризуется полифункциональностью и трудно отграничить случаи, когда эта морфема выполняет формообразовательную роль, когда — словообразовательную.

1.2. В традиции русской грамматики было принято называть залогами то, что в действительности представляло две разные системы отношений: одна из них оперирует понятием «*объект*» (V — O), а центром другой системы является «*субъект*» («деятель», «агент»; V — S или S — V). Поэтому одни лингвисты признают, что залог выражает отношение глагола к дополнению, т. е. отношение действия к объекту. В основе классификации залогов здесь лежит переходность/непереходность глаголов. В соответствии с этим различаются два залога: *действительный* (переходный) и *средний* (непереходный). Ср. Мама моет руку. — Мама моется. Залог в данном случае выражается синтаксически — сочетанием глагола-сказуемого с прямым дополнением.

Несомненно, что переходность/непереходность глагола связана с категорией залога, однако не совпадает с нею.

Применение принципа в разграничении залоговых форм, когда во внимание берутся отношения лишь двух элементов (S — V или V — O), вызывает возражение у многих лингвистов.

[1] В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., «Высшая школа», 1972, стр. 447.

1.3. В классификации залогов русского глагола широкое распространение получил принцип, согласно которому данная грамматическая категория выражает самые общие различия в отношениях между деятелем, процессом и предметом (S — V—O). Приведем определение залога, данное в академической «Грамматике русского языка» 1952 года: «Категория залога обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глагола»[2].

2.1. При разработке универсально-типологической теории залога А. А. Холодович[3] и его последователи рассматривают соотношение двух «объектов»: один из них семантического характера (например, партиципанты ситуации), а другой синтаксического (предикат с его переменными — актантами — подлежащим и дополнением, а также сирконстантами, т. е. обстоятельствами). В книге «Типология пассивных конструкций» В. С. Храковский так определяет проблематику диатезы: «Условимся называть диатезой соответствие членов предложения партиципантам ситуации. Тогда соответствие членов предложения партиципантам ситуации, фиксируемое в исходной конструкции, можно назвать исходной диатезой. При переходе от исходной конструкции к производной происходит изменение исходной диатезы. Суть изменения заключается в том, что партиципанты обозначаются не теми членами предложения, что в исходной конструкции, или на лексическом уровне не обозначаются вовсе. Диатезу, фиксируемую в производной конструкции, будем называть производной диатезой. Деривационные отношения, связывающие исходную и производную конструкцию, условимся называть залоговыми»[4].

Такое расширительное толкование термина «*залог*», какое дается в данной книге, вряд ли оправдано. В своей рецензии на нее Л. Дэже указывает на целесообразность сохранения этого термина в традиционном понимании для обозначения тех диатез, в которых происходит изменение исходной формы предиката[5].

2.2. Универсально-типологической теории залога противостоит системно-полевой подход к залоговым явлениям, разработанный А. В. Бондарко[6], который полагает, что эти концепции находятся в отношении дополнительности, поскольку разные точки зрения связаны с направленностью исследования разных сторон изучаемого объекта, с различием сферы, приемов и целей анализа[7]. По мнению А. В. Бондарко, залог передает значение центробеж-

[2] Грамматика русского языка, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 412.

[3] См. Категория залога. (Материалы конференции.) Л., 1970; Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., «Наука», 1974.

[4] В. С. Храковский. Пассивные конструкции. — В кн. «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги». Л., «Наука», 1974, стр. 13.

[5] См. Л. Дэже. Рецензия на книгу «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги». — *Вопросы языкознания*, 1977, № 3, стр. 136.

[6] См. А. В. Бондарко. К теории поля в грамматике — залог и залоговость (на материале русского языка). — *Вопросы языкознания*, 1972, № 3, стр. 20—35.; Теория морфологических категорий. Л., «Наука», 1976.

[7] А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий, стр. 244.

ной (при активе), или центростремительной (при пассиве) направленности глагольного признака по отношению к его носителю. Данная грамматическая категория находит синтаксическое выражение в оппозиции конструкций, основное различие между которыми заключается в соответствии носителя глагольного признака либо логическому субъекту (актив), либо логическому объекту (пассив), а морфологическое выражение — в глаголе[8].

3.1. В дальнейшем мы переходим к более подробной характеристике данной грамматической категории в том ее понимании, которое сложилось у нас под влиянием изученных нами теорий.

Залог — это грамматическая категория, выражающая отношение действия к субъекту и объекту в определенной системе оппозиций.

В основу выделения залогов в русском языке кладется принцип, в соответствии с которым учитывается отношение глагольного действия как к субъекту (S — V), так и к объекту (V — O).

Существуют два залога: *действительный и страдательный.* Они различаются в зависимости от направленности действия по отношению к субъекту (производителю действия), или к объекту. Если действие представлено как исходящее от субъекта (носителя признака, обозначенного глагольным словом) или как сосредоточенное в самом субъекте, то мы имеем дело с активными конструкциями, в которых употребляются глаголы действительного залога. При этом в центре внимания находится субъект, производящий или испытывающий какое-либо состояние. В пассивных конструкциях на первый план выдвигается объект, подвергающийся определенному действию, которое передается глаголом страдательного залога, а субъект может быть назван или не назван.

3.2. Употребление активных и пассивных конструкций (типа Учитель проверил тетради учеников и Тетради учеников проверены учителем) связано с различием в отражении внеязыковой действительности в актуальном членении предложения (высказывания). Это значит, что составляющие компоненты описываемой речевой ситуации могут передаваться различными предложениями при одном и том же их лексическом составе, но отличающимися по своей залоговой характеристике. «Сущность грамматической категории залога, — пишет В. З. Панфилов — состоит не только в том, что она фиксирует различные отношения актантов к действию, но она состоит также в различии хода познания и языковых способов выражения этих отношений»[9].

При выражении субъектно-объектных отношений в русском языке употребляются чаще всего активные конструкции, в центре внимания которых при прямом порядке слов находится субъект, производящий действие (тема высказывания), а последующая часть предложения является рематичной: Вновь нахлынувшая толпа бегущих захватила его с собой и повлекла назад (Л. Толс-

[8] Там же, стр. 233.

[9] В. З. Панфилов. Языковые универсалии и типология предложения. — *Вопросы языкознания,* 1974, № 5, стр. 10.

той). В пассивных конструкциях — наоборот: тему высказывания составляет объект действия, а рему — субъект: Волнистая равнина вся исхлестана серыми дорогами (М. Горький).

Однако активная конструкция может употребляться и в том случае, если объект действия выступает в качестве данного. При этом используется обратный порядок слов (инверсия): Чистым воздухом подышим в тесном царстве ивняка, песню иволги услышим, а в осоке — кулика (С. Васильев).

3.3. Функциональная нагрузка между активом и пассивом в русском языке распределена не одинаково. Действительные конструкции в нем представлены весьма богато, и они широко используются во всех стилях речи. Сфера употребления страдательных оборотов ограничена: они распространены, главным образом, в книжной речи (особенно деловой); их удельный вес незначителен. Такое неравномерное распределение залоговых конструкций в русском языке предопределяет и способ изучения актива и пассива с точки зрения их грамматического выражения. Поскольку актив представлен чрезвычайно богато, но границы его весьма расплывчаты, диффузны, а пассив, наоборот, представлен бедно, но границы его более четки и определенны, то вполне правомерно рассмотреть сначала средства выражения пассива (т. е. страдательного залога), а актив (действительный залог) можно выявить на основе отрицательного противопоставления. Иначе говоря, если мы сумеем установить границы пассива и определить формальные показатели страдательного залога, то нам будет легче выделить активные конструкции вообще, глаголы действительного залога в частности: то, что не является пассивом, составляет актив; то, что не относится к страдательному залогу, принадлежит к действительному.

3.4. Как оформляется в русском языке пассив? Какие формальные средства выражения страдательного залога существуют?

Страдательный залог (пассив) выражается *А)* морфологически и *Б)* синтаксически. Морфологическими показателями страдательного залога являются *а)* особые образования — страдательные причастия (разыскиваемый, пойманный, пойман); *б)* формообразующий постфикс *-ся* (ошибки исправляются самими учениками). Форма страдательного причастия является самым надежным и достаточным средством выражения пассива. Ср.: Нами ты была любима и для милого хранима (А. Пушкин); Гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра (Л. Толстой); Как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханием весны (И. Тургенев); Врага отбросила Москва, и спасена Россия (А. Твардовский).

В первых трех из этих предложений страдательный залог выражен избыточно: синтаксическая характеристика залога (наличие при глагольном слове косвенного дополнения, выраженным «творительным действующего предмета»: любима нами, передаваемый выстрелами, охваченный дыханием весны) накладывается на «готовую» морфологическую характеристику. Наличие в предложении какого-либо страдательного причастия, не подвергающегося адъективации, свидетельствует о том, что в этом предложении имеется пассив, который может выражаться данным причастием и при отсутствии творительного субъекта (ср. последний пример).

Таким образом, морфологическим ядром пассива являются формы стра-

дательных причастий. Принадлежность этих образований к данному залогу определяется чисто морфологически, в отвлечении от конкретного лексического наполнения, от синтаксической конструкции.

Иная картина наблюдается, когда в предложении имеются *возвратные глаголы.* Постфикс *-ся* служит и активу и пассиву. Более того, один и тот же возвратный глагол в зависимости от своего значения в одном случае может выступать как показатель пассива, в другом — актива. Ср.: Дома строятся плотниками — Хозяева строятся летом; Грибы собираются на опушке леса — Пионеры собираются в поход. В первых из примеров возвратные глаголы образуют пассивные конструкции, во вторых — активные. При определении залоговой принадлежности возвратных глаголов необходимо иметь в виду прежде всего то, образованы ли они от переходных глаголов или нет.

Все возвратные глаголы, образованные от транзитивных глаголов постфиксом *-ся,* выражают действие субъекта, не переходящее на прямой объект, а как бы возвращающееся к самому производителю и относятся к действительному залогу.

Отношения между субъектом к объектом действия в русских глаголах проявляются как в значениях самих глаголов, так и в их синтаксических связях. Глаголы страдательного залога, в отличие от действительного, способны сочетаться с косвенным (агентивным) дополнением, выраженным существительным в творительном падеже. Ср.: Чины людьми даются, а люди могут обмануться (А. Грибоедов).

Поскольку важнейшим грамматическим показателем страдательного залога является творительный падеж существительного со значением деятеля, реального субъекта действия, то при определении залоговой формы возвратного глагола необходимо выяснить, имеется ли в предложении при этом глаголе агентивное дополнение или его можно подразумевать. Иными словами, глагол страдательного залога характеризуется наличием при нем творительного субъекта (Вовек не забудется народом Евфросиньюшка, посадская вдова — Н. Некрасов), причем синтаксическое место творительного падежа может оставаться незамещенным (Как?... Разве у вас приказы сперва сочиняются? — И. Тургенев) Естественно, значение страдательного залога более очевидно в тех случаях, когда в предложении присутствует агентативное дополнение. Когда же его нет, то в распознавании залоговых образований помогает прием подстановки: если возвратный глагол допускает при себе творительный действующего предмета, то можно сказать, что постфикс *-ся* в данном случае служит средством выражения значения страдательного залога, а если невозможно сочетание глагола с творительным субъекта, то он принадлежит к действительному залогу. Ср.: Сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках (А. Чехов). Глаголы *опускаются* (кем-то) и *развозятся* (кем-то) — страдательного залога. Вот солнце коснулось тихой воды у берега, — кажется, что вся река подалась туда, где окинулось солнце (М. Горький) — все возвратные глаголы в этом предложении действительного залога.

Сочетаемость возвратных глаголов с творительным субъекта зависит

от многих факторов, в частности от лексического и словообразовательного значения данного глагола, от вида, наклонения и лица[10].

3.5. Таким образом, в системе залогов русского языка представлены две различные по своему характеру оппозиции: переходный глагол — пассивное причастие и переходный глагол — возвратный глагол со значением страдательного залога. В первой оппозиции залог выступает как категория морфологическая (собственно грамматическая категория словоизменительного типа), а во второй — как синтаксическая (или лексико-грамматическая). Синтаксический аспект проблемы залога в русском языке приобретает исключительно большое значение в том случае, когда возникает необходимость дифференциации залоговых отношений, выраженных возвратными глаголами.

[10] См. А. В. Бондарко—Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967, стр. 130—182.; Л. Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. М., «Просвещение», 1976, стр. 130—138.

KOSSUTH LAJOS TUDOMÁNYEGYETEM
BÖLCSÉSZETTUDOMÁNYI KAR

SALGA ATTILA

OROSZ NYELVÉSZETI KISLEXIKON

DEBRECEN, 1993

BEVEZETÉS

Az *Orosz Nyelvészeti Kislexikon* (ONYKL) közrebocsátásával régóta érzett hiányt szeretnék pótolni. Orosznyelv-oktatásunk és a magyarországi russzisztika fejlődésének négy évtizede alatt nem született olyan mű, amely a széles olvasóközönség (tanfolyami hallgatók, szakos egyetemisták, főiskolások, tanárok, tolmácsok, fordítók) számára összefoglalta, rendszerezte volna az orosz nyelvtan és a nyelvtudomány, valamint a vele határos szakterületek ismereteit.

Az ONYKL az orosz nyelvvel foglalkozók kérdéseire -- remélhetőleg -- megadja a megfelelő választ, kiegészíti felhasználóinak tudását, megkönnyíti az eligazodást a *russzisztika,* (részben *szlavisztika*), az orosz *hangtan, alaktan, mondattan, lexikológia, lexikográfia, stilisztika, országismeret, nyelvjárások* stb. szerteágazó és egymásra (vissza)utaló szócikkeiben.

Az ONYKL anyaga hosszú, aprólékos munka és a kollégákkal folytatott rendszeres konzultációk, viták során kristályosodott ki. Ugyanakkor jelentek meg tematikájának, szócikkeinek, szerkesztésének korlátai is, amelyek elsősorban az igen szerény terjedelemnek és az igen gazdag (forrás)anyagnak az ellentmondásából adódnak.

Az esetleges hiányérzet ezzel magyarázható; például, az ONYKL nem tartalmazza a russzisztika, a szlavisztika kutatásának történetét, nem ismerteti a kiemelkedő nyelvészek munkásságát, a szócikkek végén a felhasznált (vagy javasolt) szakirodalom jegyzékét, és az utólagos rövidítés, újraszerkesztés a címszavak válogatásában, egyes szócikkek "mélységében" is nyomot hagyott. Feltételezhetően ez nem zavarja majd a hallgatókat abban, hogy a felmerülő kérdéseikre pontos, sőt -- a megfelelő utalásokkal együtt -- többnyire részletes választ kapjanak, s így az ONYKL valódi kézikönyvvé váljék.

Végtelen és eldönthetetlen vitát lehetne folytatni arról, hogy egy adott általános nyelvészeti, nyelvtörténeti, pszicholingvisztikai vagy valamilyen nyelvészeti irányzatot képviselő szakszó mennyire tartozik (tartozhat!) az orosz nyelvészethez, s arról is, hogy például valamely terminus technicus öt jelentéséből és számtalan definíciójából melyik kerüljön egy ilyen kislexikonba. Ha még hozzávesszük, hogy nagyon gyakran ugyanazt a műszót a nyelvészek teljesen eltérő jelentéskörrel ruházzák fel még egyazon tanulmányon belül is, akkor igazán bonyolult kép alakul ki. E probléma megoldásához a bibliai Salamon király bölcsességére lenne szükség!

Az ONYKL előzményének a *Русский язык. Энциклопедия (Изд-во "Советская Энциклопедия", М. 1979)* csak részben tekinthető, mert az utóbbi nem tartalmazza az orosz (és általános, illetve alkalmazott) nyelvészetben újabban használt terminológiát, a szócikkek kevésbé épülnek egymásra, viszont részletesen taglalja a szlavisztika és a russzisztika nagyjainak munkásságát. Az ONYKL tehát szűkebb, s ugyanakkor bővebb is, mint a *"Русский язык."* Elsősorban más, mert a magyar anyanyelvű olvasóknak készült.

A kötet 510 szócikke első látásra kevésnek tűnhet, valójában azonban

legalább 2500 műszó jelentését adom meg, ha figyelembe vesszük a szinonimákat (pl. *ekvivalens nélküli szavak, lakúnák, reáliák, szemantikai vákuum*), illetve a tematikai felosztást (pl. a *szóalkotás* szócikkben 14 szakszó nagyarázata található).

Hálával tartozom az ONYKL hivatalos lektorának, **T. Molnár Istvánnak** értékes tanácsaiért. **Lendvai Endre** és **Kecskés István** elsősorban az elkészült kézirattal kapcsolatban adott hasznos útmutatásokat. Elismerésemet fejezem ki azoknak a kollégáknak, akik a lexikon írása folyamán értékes kritikai megjegyzéseikkel segítettek, miután egy-egy tematikus szócikkcsoportot alaposan átnéztek (**Hunyadi László, Kapitánffy István, Jiří Pilarský, Kelemen Imre, Lévai Béla, Lieli Pál, Oszipova Irina** és mások). Ez a jegyzet nem jött volna létre, ha lelkes orosz szakos hallgatók nem gépelték volna le CHIWRITER szövegszerkesztővel; **Balogh Katalin, Görögh Edit, Kardos Tibor, Király Andrea, Medveczki Gábor, Muhari Gábor, Sarkady Krisztina, Soltész Ágnes, Szabó Erika, Szabó Szilárd, Vincze Marianna** és **Vizsnyicai Zita** szíves együttműködését ezúton köszöni meg

A SZERZŐ

Debrecen, 1992. december

Az ONYKL használatával kapcsolatos tudnivalók

Minden *szócikk* élén *címszó* áll. Ha a szó idegen eredetű, szögletes zárójelben *etimológiai magyarázat,* majd az adott fogalomra használt *szinonimák,* illetve *orosz megfelelői* következnek. A *definíció* után általában részletes kifejtés, *példákkal* illusztrált szemléltetés található. Az etimológiai magyarázattal kapcsolatosan előfordulhat némi egyszerűsítés, ugyanis csak az első idegen szó származását adom meg; ha az azt követő orosz ekvivalens ugyanolyan vagy hasonló szó, nincs rá utalás (pl. **nyelvtudomány,** lingvisztika [lat. lingua 'nyelv'], nyelvészet, лингвистика, языковедение, языкознание -- hiányzik: лингвистика [fr. linguistique < lat. lingua 'nyelv']). Ha két szónak azonos a származása, a szögletes zárójelben ilyen utalás található: **artikulációs bázis** [⇒⇒ artikuláció], vagyis: ld. az artikuláció szócikkben.

Az utaló címszók felvételében a nyelvi összefüggéseknek, a nyelvtani viszonyok áttekinthetősége, a hallgatók feltételezett igénye volt az irányadó, vagyis több vonatkozásban közelítik meg a kidolgozott fő címszót, rámutatnak az adott kérdésnek egyéb részleteivel, más címszavakkal való kapcsolatára, és ezzel megkönnyítik a részletesebb információ megszerzését. Az utalás jele a nyíl (⇒⇒) és a címszó *dőlt-* vagy *apróbetűs* szedése, de az *értelmi kiemelés*nek is ez az eszköze -- természetesen nyíl nélkül. Több szócikknek a címszavára egy nyíllal is történhet (közös) utalás, ha a kiemelt szavak egymás után következnek (pl. ⇒⇒ *areális nyelvészet, generatív nyelvtan, kontrasztív nyelvészet, leíró nyelvészet*).

Az *orosz terminológiai szójegyzék* (szócikkmutató) biztosítja, hogy az hallgató az orosz nyelvű szakirodalmat tanulmányozva is használni tudja az ONYKL-t.

A, Á

abbrevatúra: ⇒⇒ szóalkotás

ábécé: ⇒⇒ írásmód

abszolút idő: ⇒⇒ idő

adjektiváció: ⇒⇒ szófaji átcsapás

adverbializáció: ⇒⇒ szófaji átcsapás

affixoid [lat. ad 'hozzá' + fixus 'rögzített' + -oid < gör. eidos 'fajta'], аффиксо́ид: az összetett szónak (⇒⇒ *szóalkotás*) egyik alkotórésze, amely ugyanazon jelentésben ismétlődik más szavakban, és funkcióját tekintve közel áll a prefixumhoz a szuffixumhoz (⇒⇒ *szóelem*): *a)* само- (самообслуживание, самодисциплина), полу- (полукруг, полупроводник), лже- (лженаука, лжеучёный), авиа- (авиалиния, авиастроитель), теле- (телепередача, телеэкран), орг- (оргработа, оргмеры, орготдел), полит- (политучёба, политотдел). *b)* -вод (животновод, лесовод), -воз (лесовоз, рудовоз), -видный (яйцевидный, стекловидный), -хоз (совхоз, лесхоз). Ilyen még néhány korlátozott szemantikai kapcsolattal rendelkező elem: -фил (библиофил, славянофил), -навт (астронавт, космонавт), -тека (библиотека, дискотека), -дром (аэродром, космодром), -фикация (электрификация, радиофикацуя), аэро- (аэровокзал, аэросев), псевдо- (псевдоискусство, псевдоготический), еже- (ежедневний, ежегодник).

affixum: ⇒⇒ szóelem

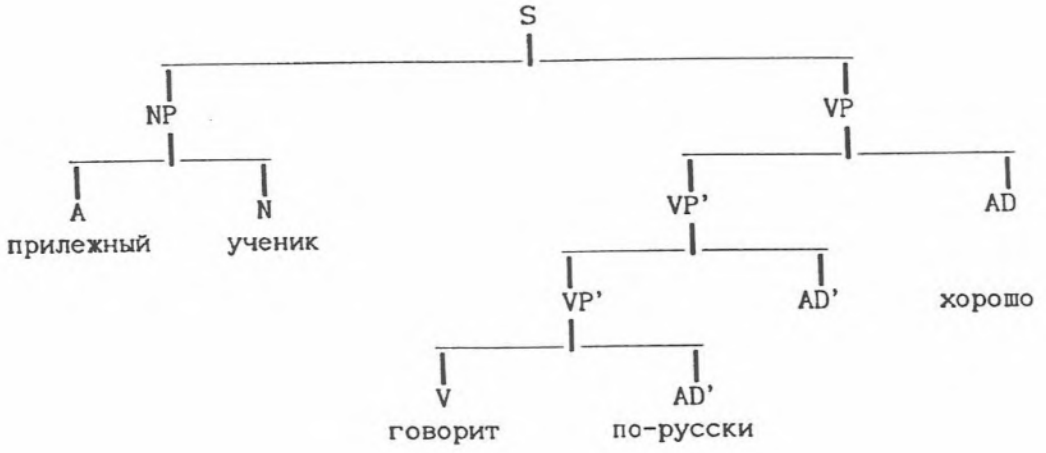
affrikáták [lat. affrico 'hozzádörzsöl'], zár-réshangok, аффрика́ты, сли́тные, смы́чно-фрикати́вные согла́сные: egy artikulációval képzett, három hangképzési fázisból álló ⇒⇒ *mássalhangzók*; a *zár*, annak *tartama* és a *rés* képződése közötti határok elmosódnak, a váltás gyorsan és energikusan következik be. A [ц] és zöngés variánsa, a [д͡з] -- a nyelv elülső részével képzett *foghang (переднеязы́чные, зубны́е ~)*, *egyfókuszú (однофо́кусные ~)*, vagyis a levegő egy résen keresztül áramlik ki. A [ч'] és zöngés variánsa, a [д͡ж'], a nyelv elülső részével képzett *foghang*, a nyelvhát a szájpadlás felé domborodik, vagyis *lágy, kétfókuszú (двухфо́кусные ~)*, a nyelv két oldalán áramlik ki a levegő: [ц]апля, [ч']ас, плацдарм -- пла[д͡з]дарм, меч был -- ме[д͡ж'б]ыл.

aforizma: ⇒⇒ frazeologizmus

ágens [lat. agens 'cselekvő'], а́генс, аге́нт: az igei cselekvés forrása, amelyet az indoeurópai nyelvekben *aktív szerkezet*ben *alanyesett*el, *passzív szerkezet*ben *függő esetek*kel jelölnek. Az orosz nyelvben szenvedő szerkezet esetén *eszközhatározó eset*ben áll a szubjektum (*logikai* ⇒⇒ *alany*). A ⇒⇒ *diatézis*ben a szituáció szubjektumát nevezik így; ez egybeeshet a grammatikai alannyal (Ag = Sb) (Ученик пишет письмо), ill. különbözhet attól (Ag = Ob^{ag}) (Письмо пишется учеником). (⇒⇒*igefaj*)

ágrajz, синтаксическое дерево: a ⇒⇒ *generatív nyelvtan*ban

használatos ⇒⇒ *közvetlen összetevők* (lebontás) módszerének kivetítésére grafikai formában. Olyan absztrakt mondatszerkezetet mutat be, amely a szavak mögötti kategóriák strukturális (alá-, fölé-, mellérendelés) viszonyait jelöli, és így általánosításokra ad lehetőséget vmely nyelv szerkezetét illetően. A Прилежный ученик хорошо говорит по-русски mondat ~a:

ajakhang: ⇒⇒ labializált

akcentológia [⇒⇒ akcentus + gör. logos 'tan'], акцентоло́гия: a nyelvtudománynak az a sajátos ága, amely a ⇒⇒ hangsúly funkciójával és tulajdonságaival foglalkozik.

akcentus [lat. accentus 'hangsúly'], акце́нт: **1.** ⇒⇒ hangsúly; **2.** az idegen nyelven beszélő ⇒⇒ *fonetikai* hibáinak összessége; az ~t leggyakrabban az anyanyelv és az idegen nyelv eltéréseinek következménye, az ⇒⇒ *interferencia* okozza. Idegenszerű kiejtéshez vezet, pl. a lágy mássalhangzók kemény ejtése, az [ы] felcserélése [i]-vel vagy [ü]-vel, egyes mássalhangzók magyaros képzése, a ⇒⇒ *redukció* hiánya, a hangsúly állandó első szótagra helyezése, a magyaros ⇒⇒ *intonáció* stb.

akcióminőség, Aktionsart [ném. 'akciójelleg'], спо́соб(ы) де́йствия: az ⇒⇒ *igeszemlélettel* elválaszthatatlan kapcsolatot alkotó szemantikai-szóképző csoport; a kettő együtt az ⇒⇒ *aspektualitás* kategóriáját alkotja. Az előképző nélküli igék jelentésének módosulását, megváltozását vmilyen igekötő v. szuffixum betoldása idézi elő, amely ugyanakkor általában ⇒⇒ *szemléletpárt* is képez. CSOPORTJAI: 1. IDŐT JELÖLŐ ~EK (временны́е ~), amely a cselekvés időbeli lefolyásának jellegét pontosítja. A) *Kezdő ~ (начина́тельный ~)*: a cselekvés kezdő fázisait (заходить, заговорить, заболеть) v. kezdetét és egészében megvalósuló folytatását jelöli (пойти, поехать, взреветь, возненавидеть, рассердиться). B) *Az időbeli korlátozást jelölő ~ (ограничи́тельный ~)* meghatározott, viszonylag rövid időegység alatt végbemenő cselekvést fejez ki (походить, пошуметь, погулять), ill. a hosszabb ideig tartó cselekvés befejezésére mutat rá (проработать [три дня], проплавать [5 минут], просидеть [два часа]). C) *A cselekvés végét jelölő ~ (финити́вный ~* [lat. finitivus 'végső'], оконча́тельный ~) a cselekvést lefolyása közben szakítja meg, fejezi be (отходить, отболеть, отработаться). 2. MENNYISÉGILEG MEGHATÁROZOTT IDŐT JELÖLŐ ~EK *(коли́чественно-временны́е ~)*. A) *A cselekvés*

mozzanatosságát v. rövidségét jelölő ~ek (~, означа́ющие однокра́тность или кра́ткость). a) *A mozzanatos ~ (однокра́тный ~)* egyszer, egy pillanat alatt végrehajtott cselekvést jelöl (прыгнуть, крикнуть). b) *Csökkentett intenzítású ~ (уменьши́тельно-смягчи́тельный ~)*: (i) viszonylag rövid ideig tartó ~ *(уменьши́тельный ~)*: припугнуть, всплакнуть, соснуть; (ii) mérsékelt intenzitású, nem teljesen végbemenő cselekvést jelölő ~ *(смягчи́тельный ~)*: попить, подрасти, припудрить, перекурить. 3. A CSELEKVÉS HUZAMOSSÁGÁT ÉS TÖBBSZÖRI ISMÉTLŐDÉSÉT JELÖLŐ ~EK *(~, означа́ющие дли́тельность или неоднокра́тную повторя́емость)*: a) *többszöri ismétlődést kifejező ~ (многокра́тный ~)*: хаживать, певать; b) *rendszertelenül, nem intenzíven ismétlődő ~ (преры́висто-смягчи́тельный ~)*: похаживать, посвистывать; c) *hosszan tartó, enyhe lefolyású cselekvést jelölő ~ (дли́тельно-дистрибути́вный ~)*: раздумывать, распевать; d) *a kísérő cselekvés ~e (сопроводи́тельный ~)*: приговаривать, присвистывать, поддакивать; e) *intenzíven* [lat. intensivus 'erőteljes'] *ismétlődő cselekvés ~e (интенси́вно-кра́тный ~)*: выплясывать, откалывать, названивать; f) *az ismétlődő disztributív* [lat. distributivus 'szétosztó'] *és kölcsönös ~ (многокра́тно-дистрибути́вно-взаи́мный ~)* több mozzanatból álló, több szubjektum által végzett cselekvést jelöl: переговариваться, пересмеиваться 4. EREDMÉNYT ÉS KIEGÉSZÍTŐ JELENTÉST TARTALMAZÓ ~EK *(специа́льно-результати́вные ~)*: a befejezett igék egy része nemcsak az eredmény elérését, hanem egyéb kiegészítő jelentést is jelöl. *A) A terminatív ~* ([lat. termin 'határ'] *терминати́вный ~)* bizonyos ideig tartó cselekvés befejezésére utal: проговорить, промолчать. *B) Az eredmény elérésének befejező fázisát jelölő ~ (заверши́тельный ~, комплети́вный ~)*: доесть, додумать [до конца]. *C) Az intenzíven elért eredményt jelölő ~ (интенси́вно-результати́вный ~)* a cselekvés teljességére, pontosságára utal; a -ся posztfixum annak intenzitását és expresszivitását is jelöli: выспаться, докричаться, заговориться, изломать, начистить [обувь], начитаться, отделить, отлежаться, прожарить [мясо], проспаться, присмотреться, растревожить, расписаться, усесться. *D) Felhalmozó-összegző ~ (накопи́тельно-сумма́рный ~* [lat. summa 'összeg']: a cselekvés elért eredménye több tárgyra vonatkozik, v. ezeket a tárgyakat a cselekvés megsemmisíti: нарвать [цветов], надоить [молоко], обстирать [всех], сносить [все платья], вырезать [кого], исписать [все чернила]. *E) Disztributív ~* [lat. distributivus 'szétosztó'] *распредели́тельный ~, дистрибути́вный ~)*: a cselekvés eredményének elérése sorban, egymás után több tárggyal, ill. szubjektummal hozható kapcsolatba: поделать, переломать.

akkomodáció: ⇒⇒ igazodás

aktáns [lat. actans 'szereplő'], акта́нт: az igei állítmány kötelező ⇒⇒ *valenciáját* tükröző nyelvi elemek (mondatrészek) megléte, vagyis azok a szintaktikai pozíciók, amelyek helyét egy nem elliptikus mondatban (⇒⇒ *hiányos szerkezetű mondat*) feltétlenül ki kell tölteni. (⇒⇒ *cirkonstáns*)

aktív szerkezet: ⇒⇒ igefaj

aktív szókincs: ⇒⇒ szókészlet

aktuális mondattagolás: ⇒⇒ szórend

alá- és mellérendelés, соподчине́ние: két v. több egyszerű mondat tagjai közötti viszony, ill. az összetett mondaton belüli mondategységek egymáshoz való viszonya, vmint azonos főmondat ugyanazon közös szavához kapcsolódó alárendelt tagmondatok egymáshoz való viszonya. Pl.: Тихо доверчивый мальчик к старому сердцу приник (Блок); Узнал я также из письма, что в Бабкине был превосходное лето, что у Ежова бедняги умерла жена..., и что Кудасова исчезла неизвестно куда (Чехов). FAJTÁI: a) párhuzamos v. egynemű ~ *(парралле́льное ~)*: Тихо и красиво умирает лес (Андреев). Посланный офицер встретил Денисова на дороге с известием, что Долохов сам сейчас приедет и что с его стороны всё благополучно (Л. Толстой); b) nem párhuzamos v. nem egynemű ~ (неоднородное ~): Андрей с

беспокойством думал о завтрашнем дне (Шолохов). Для того, чтобы идти тысячу вёрст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этой тысячью вёрст (Л. Толстой). Az összetett mondatban az ~ fajtáit aszerint is megkülönböztetik, hogy *A)* egy predikatív viszonyhoz (одночле́нное ~, ча́стное ~) v. *B)* különböző predikatív viszonyhoz (разночле́нное ~, о́бщее ~) tartozik-e a mellékmondat predikatív egysége: *A)* Вам кажется, что вы смотрите в бездонном море, что оно широко расстилается под вами, что деревья не поднимаются от земли (Тургенев). *B)* Зная, что-то случилось, но зная, что именно, Вронский испытывал мучительную тревогу и, надеясь, узнать что-нибудь, пошёл в ложу брата (Л. Толстой).

alakképző: ⇒⇒ szóelem

alaktan, morfológia [gör. morphé 'forma' + logos 'tan'], морфоло́гия: a ⇒⇒ *nyelvtan*nak az a része, amely a ⇒⇒ *szót*, *szóelem*eket, *szóalak*okat, *szóalakképzés*t, *szófaj*okat tanulmányozza. A szavak leggyakrabban ragozott alakjukban fordulnak elő (⇒⇒ *paradigma*). Az ~ e toldalékolt alakok felépítését írja le, azaz a szó *grammatikai formája* és az általa kifejezett *grammatikai jelentés*, ill. a *grammatikai kategória* áll vizsgálódásainak középpontjában.

alany, szubjektum [lat. subjectum 'alany'], подлежа́щее, субъе́кт: **1.** a grammatikai ~ a mondat egyik főrésze; olyan ~esettel v. nem ragozható szóval kifejezett személy, tárgy v. fogalom, amely vmilyen cselekvést végez, vmilyen állapotba jut, amellyel vmi történik, s mindezt az ⇒⇒ *állítmány* nevezi meg. Minden szófajjal (sőt szószerkezettel is) kifejezhető: Вот идёт девочка. Она уже успокоилась. Счастливые часов не наблюдают. Курить воспрещается. Ваши 'завтра' мне совсем надоели. Там было человек пять. Мы с друзьями пойдём на каток. Az ~hoz tartozó bővítmény, legtöbbször ⇒⇒ *jelző*, és együtt alkotják a mondat ⇒⇒ *alanyi részét*. **2.** ⇒⇒ *szubjektum*; **3.** Az **1.** pontban részletezett *grammatikai* és az ún. *logikai* ~ gyakran egybeesik (a cselekvő ~esetben áll), az utóbbi azonban mindig *a cselekvés igazi végrehajtóját*, a vmilyen állapotba jutó személyt, tárgyat jelöli ⇒⇒ *függő esetek*kel is: ⇒⇒ *műveltető szerkezet*ben (Он поручил сотруднику напечатать письмо), ⇒⇒ *egyfőrészes mondat*ban (Пора нам идти. Мне холодно. Меня знобит.) stb. Grammatikai -- és nem logikai -- szempontból a kiemelt szavak nem az ~ szerepét töltik be.

alanyeset, именительный паде́ж, прямо́й паде́ж: az orosz névszóragozás egyes és többes számú ⇒⇒ *paradigmá*inak első ⇒⇒ *esete* (végződéseit ld. az egyes ragozásoknál; pl.: ⇒⇒ *főnévragozás, melléknévragozás*). Ún. *egyenes* (független) *eset*, mert -- ellentétben a ⇒⇒ *függő eset*ekkel --, a mondat többi szavához képest, független szintaktikai funkciót tölt be. A mondatban az ~ az alábbi szerepben használatos: *a)* ⇒⇒ *alany*ként: Вова пишет. Он гуляет в лесу. Кто-то идёт; *b) összetett névszói* ⇒⇒ *állítmány*ban: Москва -- столица; *c)* az ~ben álló főnév a *nominális mondat*okban (⇒⇒ *egyfőrészes mondat*) egyszerre jelöli az alanyt és annak létezését: Зима. Снег; *d) értelmező*ként (⇒⇒ *jelző*): В гостинице "Мир" ещё есть свободные номера.

alanyi rész, соста́в подлежа́щего: az ⇒⇒ *alany*hoz tartozó ⇒⇒ *bővítmények* (jelző): Мальчик лет десяти стоял за мной в очереди. Незабываемая Красная площадь манит туристов (⇒⇒ *állítmányi rész*). A ⇒⇒ *generatív nyelvtan*ban *NP-vel jelölik.* (⇒⇒ *ágrajz, közvetlen összetevők*)

alany nélküli mondat: ⇒⇒ egyfőrészes mondat

alapfok: ⇒⇒ melléknév fokozása

alapjelentés: ⇒⇒ szó jelentése

alapszókincs: ⇒⇒ szókészlet

alárendelő szószerkezet: ⇒⇒ szószerkezet

alárendelt összetett mondat, сложноподчинённое предложéние: olyan összetett mondat, amelyben a mondategységek *(tagmondatok)* között szoros tartalmi (logikai) viszony, függő kapcsolat, *alárendelő* ⇒⇒ *kötőszó* v. ⇒⇒ *kötőszó szerepű szó* van. Az ~ok *zárt szerkezetűek (⇒⇒ összetett mondat),* alkotórészei nem egyenrangúak: *főrész*ből *(глáвная часть)* és ennek a "vonzásában" lévő *mellékrész*ből *(придáточная часть)* állnak. Az alárendelés lehet *kötelező* és *fakultatív. Kötelező alárendelés* esetén a mellékrész a főrész egy szavához, ill. az ⇒⇒ *utalószó*hoz kapcsolódik, vagyis olyan szóhoz, amelynek lexikai v. grammatikai sajátosságai mintegy előrevetítik a mellékrész megjelenését: Я знаю, что это правда. Человек тот, кто от своего обещания не уклоняется. Az ilyen mondatok *szóbővítő (присло́вное ~), egytagú (одночле́нное ~), nem tagolható (нерасчленённое ~)* ~ok. *Fakultatív alárendelés* esetén a mellékrész az egész főrészhez tartozik, s annak egyetlen eleme sem feltételezi a mellékrész megjelenését: Я поеду в Москву, так что летом меня не будет дома. Ez a *mondatbővítő (прифрáзовое ~), kéttagú (двучле́нное ~), tagolható ~ (расчленённое ~). 1.* A *nem tagolható* ~ok mellékrésze beépül a főrész szerkezetébe úgy, hogy tovább bővíti a főrész egy szavát v. mutató névmással kifejezett szószerkezetét. TÍPUSAI: *A)* A *magyarázó* ~ban *(изъясни́тельное ~)* a mellékrész a főrész olyan szavához kapcsolódik, amely bővítésre, pontosításra szorul: Казалось, что он прав. *B) Főnevet bővítő jelzői ~ (присубстанти́вно-определи́тельное ~):* a fő részben szereplő főnévhez kapcsolódik, minősíti, bővíti azt: Песня, которую я услышал, была мне знакомой ('услышанная мной песня'). *C) Névmási utalószót bővítő ~ (местоимённо-соотноси́тельное ~):* a fő- és mellékrészében egyaránt kötelező olyan szó használata, amely egymásra utal, így kétoldalú alárendelést biztosít: Погода такая (такая холодная), какой в октябре ожидать трудно. *2.* A *tagolható ~ok* mellékrésze a főrész egészéhez kapcsolódik; mindegyik mondategység viszonylagosan önálló jelentésű. *A) Okot kifejtő ~ (~ с причи́нной прида́точной ча́стью):* a mellékrész azt a főrészben megjelölt reális v. logikai okot közli, amely miatt a főrész cselekvése végbemegy (потому что, оттого что, так как, поскольку, ибо, по той причине что, по поводу того что, ввиду того что): Мне хочется отдыхать, потому что вчера я работал 14 часов. *B) Következményes ~ (~ с прида́точной ча́стью сле́дствия):* a mellékrész rámutat a főrészben megnevezett cselekvés v. állapot következményére (так что): Снег становился всё белее, так что ломило глаза. *C) Feltételes ~ (~ с прида́точным усло́вия):* a mellékrész arra a feltételre mutat rá, amelynek megléte esetén a főrész cselekvése végbemehet. Ez a feltétel lehet *reális* és *irreális* (если, когда, в случае если): Человека узнаешь, когда с ним пуд соли съешь. *D) Célt jelölő ~ (~ с прида́точным це́ли):* a mellékrész a főrész cselekvésének célját, rendeltetését fejti ki (чтобы, для того чтобы, с тем чтобы: Я подбирал ей книги, чтобы она читала, а не для того, чтобы она поставила их на полку. *E) Megengedő ~ (~ с уступи́тельной прида́точной ча́стью):* a főrész cselekvése a mellékrészben kifejtett gátló körülmény ellenére megy végbe (хотя, хоть, пускай, пусть, несмотря на то что, вопреки тому что): Хоть год буду искать, но я найду её. *F) Időt jelölő ~ (~ с временно́й прида́точной ча́стью):* a mellékrész megnevezi azt az időt, amellyel v. egybeesik v. nem esik egybe a főrész cselekvésének, állapotának az ideje (когда, после того как, прежде чем как, пока): Когда я учился в седьмом классе, я уже знал Катю *(⇒⇒ egyidejűség, különböző idejűség). G) Hasonlítói ~ (~ с прида́точным сравне́ния):* a fő- és mellékrész tartalmát reális v. képzelt hasonlattal összetevő mondat (как, подобно тому как, будто, словно, точно): Он жил просто, как все мы живём. Я так устал, будто проработал целые сутки. *H) Hozzácsatolt ~ (~ с присоедини́тельной прида́точной ча́стью):* kiegészítő közlést, következtetést tartalmaz; a főrész jelentését, szerkezetét tekintve viszonylag önálló, és részben v. teljes egészében magában

foglalja a főrész "tartalmát" (что, чего, чем, вследствие чего, отчего, почему, зачем): Пала роса, что предвещало завтра хорошую погоду.

algoritmus [al-kvariami középkori arab matematikus lat. nevéből: Algorithmus], алгори́тм: meghatározott sorrendű műveletek előírása mint azonos típusú feladatok megoldására szolgáló általános eljárás. Az ~t sok lépésben (gépiesen) lehet alkalmazni. Az idegen nyelvek oktatásában egy-egy feladat (pl. igeragozás) elemi lépésekre bontásának folyamatát jelenti; ebben a logikai sorban az egyik lépcsőfok feltételezi a másikat, s annak ellenőrzésére is szolgál. ~okra épülnek a programozott tankönyvek, a számítógéppel segített nyelvoktatás, a gépi ⇒⇒ *fordítás* stb.

alkamazott nyelvészet, прикладна́я лингви́стика: az ~ azoknak az elméleti kutatási tevékenységeknek és technikai eljárásoknak az összefoglaló neve, amelyeknek a célja a ⇒⇒ *nyelvtudomány* eredményeinek hasznosítása, a társadalmi szükségletek kielégítése. Nagyszámú résztelületből áll; pl.: anyanyelvi oktatás, ⇒⇒ *nyelvművelés,* a beszédhibák diagnosztizálása és javítása, távközlés, dokumentáció- és információtárolás, számítógépes nyelvészet, idegen nyelvek oktatása, ⇒⇒ *fordításelmélet, kontrasztív nyelvészet, kvantitatív nyelvészet.* Az orosznyelvű szakirodalomban az ~hez sorolják a terminológiai kutatást, a transzkripciót (⇒⇒ *átírás),* az írásbeliség megteremtését, a gépi ⇒⇒ *fordítás*t és oktatást, a programozást is.

állandósult szókapcsolat: ⇒⇒ frazeologizmus

állatnév: ⇒⇒ főnév

alliteráció [lat. ad '-hoz, -hez, -höz' + littera 'betű'], аллитера́ция: egyforma v. hasonló hangok, hangkapcsolatok ismétlődése egymást követő szavak elején v. belsejében, ill. ezek összecsengése: Фанфары, хохот; Подобна лилии крылатой, Колеблясь, входит Лалла-Рук (Пушкин).

állítmány, predikátum [lat. praedicatum 'a kimondott', 'állítmány'], сказу́емое, предика́т: **1.** olyan cselekvés,történés, állapot, létezés tulajdonság, mennyiség neve, amely vmely élőlényre, tárgyra v. elvont dologra, tehát a mondat ⇒⇒ *alany*ára vonatkozik. *I. Igei ~ (глаго́льное ~); A) egyszerű igei ~ (просто́е глаго́льное ~)*: az ige ragozott formáival, vagyis kijelentő, felszólító és feltételes módú alakjaival fejeződik ki: Я буду учиться в университете! Прочитайте эту книгу! Я прочитал бы эту книгу, но у меня не было времени. Az alábbi típusú szókapcsolatok együtt töltik be ezt a funkciót, mert jelentésüket tekintve egységesek: оказывать помощь ('помогать'), дать согласие ('согласиться'), делать ошибку ('ошибиться'). A *bővített egyszerű igei ~ (осложнённое глаго́льное ~)* igei szóismétléssel, módosítószóval v. egyéb szerkezettel bővített ~: Пойдём поговорим спокойно! Он взял да и ушёл совсем. Тогда гуляй себе. Ждём не дождёмся весны. *B) Összetett igei ~ (составно́е глаго́льное ~):* ⇒⇒ *segédigé*ből és ⇒⇒ *főnévi igenév*ből áll; az előbbit ragozzuk, így fejezzük ki az ~ grammatikai jelentéseit (idejét, módját, személyét és számát), az utóbbi pedig az ~ tulajdonképpeni lexikai jelentését hordozza; *a)* ⇒⇒ *fázisigé*vel: Он начал читать лекцию. Мы перестали курить; *b) modális igé*vel (⇒⇒ *segédigék)*: Я не умею рисовать. Мы постараемся это сделать. Segédige helyett állhat modális jelentésű, rövid alakú melléknévi igenév: Рад вас видеть. Мы должны зайти к маме. Я был готов помочь ему; *c)* ⇒⇒ *műveltető szerkezet*tel: Попроси его принести мне хлеба. Он заставил её остаться дома; *d) frazeológiai szókapcsolat*tal: Она не была в состоянии разобраться в тонкостях этикета. *II. Összetett névszói ~ (составно́е именно́е ~):* ⇒⇒ *kopulá*ból és *névszói rész*ből áll.Ez utóbbi lehet: *a) főnév* (Моя сестра Ø учительница. Левитан был художником печального пейзажа); *b) melléknév* (Карандаш Ø красный.Погода Ø хорошая.); *c) melléknévi igenév* (Проект будет утверждён. Она возвращался домой излеченная); *d) számnév* (Три и два будет пять); *e) névmás* (Эта книга Ø моя); *f) határozószó* (В твои годы я была замужем); *g) állítmányi*

határozószó (На улице было шумно); *h) frazeológiai szókapcsolat* (Младший сын пошёл лицом в отца). A fenti példákból kitűnik, hogy jelen időben a есть kopulát általában nem használjuk (Ø); a tudományos stílusban, meghatározásokban azonban találkozunk vele, sőt a többes szám 3. személyű alakjával is. Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Воинская учёба и дисциплина суть основа боеспособности армии. *III.* A *többtagú ~ (сло́жное ~)* három v. több részből áll: *a)* az *igei jellegűek (сло́жное глаго́льное ~)* segédige + két főnévi igenév: Он хотел бросить курить. Она стеснялась попросить поселиться на другой даче; *b)* a *névszói jellegűeket (сло́жное именно́е ~)* a melléknév rövid alakja, kopula és a hozzá kapcsolódó névszói rész alkotja: Я счастлив быть вашим спутником. Он вынужден казаться строгим; *c)* a *kevert típusúak (сло́жное именно́е ~)* egyesítik az összetett igei és az összetett névszói ~ok jegyeit: Он хотел стать учителем. Я уже не боялся быть и казаться быть чувсвительным... (Тургенев). Az ~hoz tartozó ⇒⇒ *bővítmények* a mondat ⇒⇒ *állítmányi részét* alkotják. Az alany és az ~ egyeztetését ⇒⇒ *koordinációnak* nevezzük. **2.** ⇒⇒ *predikátum.*

állítmányi határozószó, predikatív szavak [⇒⇒ *állítmány*], катего́рия состоя́ния, предикати́вные наре́чия, предикати́вы: olyan szavak (főleg határozószók), amelyek nem dinamikus állapotot jelölnek és a személytelen mondatban (⇒⇒ *egyfőrészes mondat*) az *összetett névszói* ⇒⇒ *állítmány* kifejezésére szolgálnak: В зале душно. В зале было (будет) душно. В зале (стало) тихо. Az ~hoz gyakran kapcsolódik főnévi igenév v. a főnév és a névmás részes esete: Это тебе нужно закончить. Отцу трудно говорить об этом. Az *-o*-ra végződő ~kon kívül ehhez a szófajhoz tartozik: *a)* néhány sajátos jelentésben használt *főnév* és *b)* a *-но, -то* végű múlt idejű szenvedő melléknévi igenév is; *a)* Пора (время) ехать. Грех смеяться над слабыми. Недосуг мне этим заниматься; *b)* В комнате накурено и не прибрано. Велено отправляться в дорогу. Az ~ kifejezheti: *a)* az ember érzéseit, fizikai és lelki állapotát: тепло, холодно, больно, радостно, скучно, грустно, лень, жаль; *b)* a természet és a környezet állapotát: светло, темно, прохладно, солнечно, морозно, просторно, пусто; *c)* a cselekvés szükségszerűségét, szükségtelenségét, lehetőségét: надо, нужно, необходимо, можно, нельзя, невозможно; *d)* a cselekvés idejét: пора, время, рано, поздно stb.

állítmányi rész, соста́в сказу́емого: az ⇒⇒ *állítmány*hoz tartozó ⇒⇒ *bővítmények* (határozó, tárgy, jelző): Мы шли по улице весело. Иван встретился с Верой в 8 часов вечера. Она симпатичная девушка (vö. ⇒⇒ *alanyi rész*). A ⇒⇒ *generatív nyelvtan*ban *VP* a jelzése. (⇒⇒ *ágrajz, közvetlen összetevők*)

állítmány nélküli mondat: ⇒⇒ egyfőrészes mondat

állító mondat: ⇒⇒ mondat

allomorf: ⇒⇒ szóelem

álnév: ⇒⇒ személynevek

általános alanyú mondat: ⇒⇒ egyfőrészes mondat

általános nyelvészet, о́бщее языкозна́ние: a ⇒⇒ *nyelvtudomány* egyik ága; általános következtetéseket von le a ⇒⇒ *nyelv*ről, *eredet*éről, a *nyelvi jel* és a *jelentés,* vmint a *szó(szerkezet)* és a *mondat* kapcsolatáról, összehasonlítja a *nyelv*et és a *beszéd*et, megállapítja a *nyelv* és a *gondolkodás* közötti összefüggéseket, eltéréseket, a nyelvi fejlődés tendenciáit, választ keres a különböző *nyelvi szintek* általános kérdéseire (⇒⇒ univerzálék). Az ~ az egyes nyelvek vizsgálatának alapjául szolgál és támaszkodik azok kutatási eredményeire.

anafora: ⇒⇒ utalószó

anagramma [gör. ana 'vissza' + gramma 'betű'], анагра́мма: vmely név, szó v. rövid mondat betűinek, hangjainak átcsoportosításával alkotott új

szó v. mondat: мука -- кума; А роза упала на лапу Азора.

anakronizmus [gör. ana 'vissza' + chronos 'idő'], анахрони́зм: az ábrázolt korba, annak stílusába nem illő szó, kifejezés (pl. Puskin idejében a зал szó alanyesete зала volt; tehát napjainkban ezt hallani ~: Давай зайдём в залу.

analitikus forma [gör. analytikos 'szétbontott'], аналити́ческая фо́рма: a grammatikai formának és a grammatikai jelentésnek összetett módon, segédszóval történő kifejezése: *a) összetett jövő idő*: буду читать; *b) feltételes mód*: читал бы; *c) felszólítás*: пусть пойдёт; *d) melléknév fokozása*: более красивый stb. (vö. ⇒⇒ *szintetikus forma)*

analógia [gör. analogia 'hasonlóság'], анало́гия: azonos szintű (hangtani, alaktani stb.) nyelvi elemek alkalmazkodása, igazodása egy jóval elterjedtebb és produktívabb szabályhoz; hasonlóságon alapuló azonosulás. Pl. az e/o változás kezdetben csak sajátos fonetikai helyzetben ment végbe: a hangsúlyos magánhangzó kemény mássalhangzó előtt /o/-t , lágy előtt /e/-t eredményezett (сёла -- сельский, весёлый -- веселье, плётка -- -- плеть, пёк -- печь), de ma már egyformán ejtjük ki a пёс -- пёсик, весёлый -- весёленький, тётка -- тётя, горшок -- горшочек szavakat is, ahol az [o] lágy mássalhangzó előtt ~ útján jött létre, mert kemény mássalhangzó előtt, "történeti szempontból" így ejtették. A ⇒⇒ *futóhangok* használatában is tapasztalható ~ . Az anyanyelvi szabályok, mondatszerkezetek ~s úton való alkalmazása az idegen nyelvben hibás mondatokat eredményezhet: Mi volt a házi feladat? ˣЧто было домашнее задание? -- Что было задано (на дом)? A nyelvi egységesülés tendenciájának érvényesülése miatt egyre kevesebben használják a (стакан) чаю, кипятку típusú ⇒⇒ *részbirtokos eset*et, amely -- feltételezhetően -- ~ hatására szűnik majd meg: (стакан) чая, кипятка. Ez a folyamat azonban lassú.

antonima [gör. anti 'ellen' + onyma 'név'], ellentétes jelentésű szavak, анто́нимы: az ~k ugyanazon szófajhoz tartozó, ellentétes jelentésű szavak: горячий -- холодный; чёрный -- белый; начало -- конец; входить -- -- выходить (⇒⇒ *konverzivák).* A lexikai ~kon kívül (левый -- правый, друг -- враг) megkülönböztetnek frazeológiai ~kat is (денег куры не клюют 'a bőre alatt is pénz van' -- кот наплакал 'szegény mint a templom egere'; семи пядей во лбу 'úgy vág az, agya mint a beretva' -- пороха не выдумает 'nem találja fel a spanyolviaszt'). A ⇒⇒ *többjelentésű szava*knak több ~juk is lehet: лёгкий$_1$ -- тяжёлый (чемодан), лёгкий$_2$ -- трудный (текст для перевода), лёгкий$_3$ -- сильный (мороз).

antonímia [⇒⇒ antonima], антоними́я: ellentétes értelműség; az a jelenség, amikor két nyelvi jel(csoport) jelentéstartalma egymással szemben ellentétes jegyeket foglal magában. (⇒⇒ *antonima*)

antonomázia [gör. anti 'ellen' + onomasia 'elnevezés'], антономазия: **1.** vmely személy olyan szóval való megnevezése, amely elvont, jellemzőnek tartott tulajdonságát minősíti; pl. чёрт, дьявол, домовой helyett: нечистый (⇒⇒ *eufémizmus)*; **2.** irodalomban, történelemben stb. ismertté vált tulajdonnév használata olyan személy megnevezésére, aki e híres ember tulajdonságait magán viseli; pl.: Отелло ('ревнивец'), Дон-Жуан ('сластолюбец'); **3.** stilisztikai szókép, amely vmely személy nevét körülírással határozza meg; pl.: победитель при Аустерлице, побеждённый при Ватерло ('Наполеон').

antropológiai nyelvészet: ⇒⇒ etnolingvisztika

antroponímia: ⇒⇒ névtan

anyagnév: ⇒⇒ főnév, részbirtokos eset

aorisztosz [gör. aoristos 'meghatározatlan'], ао́рист: az ősszláv, az ószláv és az óorosz nyelv múlt idejének ⇒⇒ *szintetikus formá*ja. A múltban bevégződött és egészében befejeződött mozzanatos cselekvést jelölt.

Többnyire a befejezett főnévi igenév tövéből képezték. A magánhangzóra végződő tövekből egy, a mássalhangzósakból háromféle ~t lehetett képezni egyes, kettős és többes számban -х-, ill. -ох- képző segítségével: (e. sz.) знахъ, зна, зна; идохъ, иде, иде; (k. sz.) знаховѣ, знаста, знаста; идоховѣ идоста, идоста; (tb. sz.) знахомъ, знасте, знаша; идохомъ, идосте, идоша. Az óoroszban ez a rendszer egyszerűsödött, és a 15. sz.-tól fokozatosan felváltotta a ⇒ *perfektum.*

apai név, о́тчество, патро́ним [gör. pater (patros) 'apa'+ onyma 'név']: a ⇒ *személynevek* egyik fajtája, az apa ⇒ *utónevé*ből képzett szó; férfinevekből az -ович/-евич, -овн(а)/-евн(а) képzővel alkotjuk abban az estben, ha a kiinduló név mássalhangzóra végződik; -ич, -иничн(а) a képző akkor, ha az alapszó -а-ra végződik: Александр -- Александрович, Александровна, Кузьма -- Кузьмич, Кузьминична. Az utónév és az ~ fonetikai egységet alkot. Ez elsősorban a gyors tempójú, szünet nélküli kiejtésben nyílvánul meg. Mivel a főhangsúly az ~ hangsúlyos szótagjára esik, az említett képzők és végződések többnyire redukálódnak, megrövidülnek: Иваныч, Алексеич, Николавна, Владиславна. Az orosz nyelvi etikettnek megfelelően ⇒ *megszólítás*kor leggyakrabban az utónevet és az ~t együtt használják. Falusi környezetben a Кузьмич v. a Кузьминична típusú megszólítás társadalmi elismerés, rang kifejezője, míg a bizalmasabb stílusban a tisztelet jele lehet. A fiatalok (elsősorban a lányok, asszonyok) általában szívesen veszik, ha csak az utónevüket említik, sőt gyakran a harminc-, negyvenévesek is, hiszen így "fiatalabbnak" tűnnek. Viszont a fordítottja is igaz lehet, mert önbizalmat adhatunk egy 20 éves fiúnak v. lánynak, ha utónéven és apai néven szólítjuk, ti. azt fejezzük ki, felnőttnek tartjuk.

apai név ragozása: ⇒ személynevek ragozása

aposztróf [gör. apostrophos 'elfordított'], апостро́ф: egy szó v. sor felső sarkában elhelyezett vesszőszerű jelzés. *a)* A fonetikai átírásban a mássalhangzók lágyságát jelöli: [т''о'т'ъ] тётя; *b)* egy sor nyelvben a ki nem ejtett hangzó jelölésére: fr. l'homme (le homme), ang. don't (do not); eszperantó: La amo kaj liber' (libero).

archaizmus: ⇒ régies szavak

archifonéma: ⇒ fonéma

areális nyelvészet [lat. area 'tér(ség)'], ареа́льное языкозна́ние: az ⇒ *általános nyelvészet* egyik ága, amely a nyelveket és a nyelvjárásokat egybeveti az egyes nyelvközösségek területi elhelyezkedésével, történelmével; rámutat arra, hogyan jelentkeznek a közös kiejtési, nyelvtani és szókincsbeli sajátosságok az adott területen.

argó: ⇒ csoportnyelvek

artikuláció [lat. articulatio 'tagolt kiejtés'], артикуля́ция: az ajkak, a nyelv, ill. a többi beszédszerv mozgása és vmely beszédhang képzésekor elfoglalt helye. *(⇒ hangképző szervek)*

artikulációs bázis [⇒ artikuláció + gör. basis 'alap'], артикулято́рная ба́за, артикуляцио́нная ба́за: az összes jellegzetes hangképzőszervi állások, amelyek vmely nyelv ⇒ *beszédhang*jainak létrehozásához szükségesek. A helyes orosz ⇒ *kiejtési norma* elsajátításának folyamán elengedhetetlen a magyar és az orosz nyelv ~a közötti eltérések figyelembe vétele (1. tábl.).

aspektológia [lat. aspectus 'szemlélet' + gör. logos 'tan'], аспекто-ло́гия: az ⇒ *igeszemlélet*et és a cselekvés ⇒ *akcióminőség*ét tanulmányozó tudományág.

aspektológus [⇒ aspektológia], аспекто́лог: ⇒ *igeszemlélet*tel és a cselekvés ⇒ *akcióminőség*ével, vagyis ⇒ *aspektológiá*val foglalkozó nyelvész.

1. tábl.

A magyar és az orosz artikulációs bázis alapvető eltérései

MAGYAR	OROSZ
A magánhangzók hosszúsága és képzése viszonylag állandó; nem függ attól, hogy a magánhangzó a szó elején, közepén v. végén, hangsúlytalan v. hangsúlyos szótagban, milyen hangkörnyezetben van.	A hangsúlyos magánhangzók képzése sokkal feszültebb hangképzőszervi állással történik, mint a hangsúlytalanoké. A magánhagzó fonémák a szóban elfoglalt helyüktől, a hangsúlytól függően különböző kettős-, hármashangzókban realizálódhatnak.
A magánhangzókat egyenletesen feszült beszélőszervi állással ejtjük.	A hangsúlyos magánhangzót nagyobb izomfeszültséggel ejtjük, mint a hangsúlytalant.
Az ajkak mozgása a magánhangzók képzésében igen fontos szerepet játszik (9 ajakkerekítéses magánhangzó van).	Csak két ajakkerekítéses magánhangzó van: [o], [y].
A nyelvhát középső részét a palatális (lágy) mássalhangzók képzésében nem kiegészítő mozgásként használjuk.	A palatalizált mássalhangzók képzésében a nyelvhát középső része kiegészítő mozgást végez.

aspektualitás [⇒⇒ aspektológia], аспектуáльность: a cselekvés lefolyásának módját különböző morfológiai, szóképző, lexikai és szintaktikai eszközökkel jelölő, az ⇒⇒ *igeszemléletet* és az ⇒⇒ *akcióminőséget* egyesítő funkcionális-szemantikai kategória. A cselekvés lefolyásának módja a szövegkörnyezetben a folyamatos és a befejezett igék ⇒⇒ *oppozíciós* formáival fejeződik ki; az *akcióminőség* is erre utal különböző lexikai-grammatikai eszközökkel. A nem igei kifejezőeszközök közé sorolhatók a cselekvés hosszúságára (долго, всё время), mozzanatosságára (вдруг, мгновенно, бух, трах, бац), befejezettségére (уже, совсем), ismétlődésére (часто, обычно, каждый день, три раза) utaló szavak. Vö. Он вдруг заговорил. Он долго говорил о своих проблемах. Мы каждый день говорим о ней. Он всё время говорил, но ничего не сказал.

aspektus: ⇒⇒ igeszemlélet

asztronímia ⇒⇒ névtan

atematikus igék [gör. a (fosztóképző) + thema 'tétel'], атемати́ческие глаго́лы: olyan igék, amelyek személyvégződése tőképző magánhangzó nélkül, közvetlenül az ige tövéhez kapcsolódik; pl: óor. дас-т, да-мъ; de: нес-ё-т (vö. ⇒⇒ *tematikus igék*).

átírás, transzkripció [lat. trans 'át' + scriptio 'írás'], транскри́пция: valamely szó v. szöveg más rendszerű írásban, írásmódban való rögzítése. *A)* A ⇒⇒ *fonetikai átírás* az orosz és/v. a latin ábécé betűit, ill. a ⇒⇒ *diakritikus jeleket* használja fel a ⇒⇒ *beszédhangok*

rögzítésére. *B)* A ⇒⇒ *fonematikus átírás* lehet latin- v. cirillbetűs; a hangzó beszédnek csak azokat a sajátosságait ábrázolja, amelyeknek a fonémarendszerben megkülönböztető szerepük van. *C)* A ⇒⇒ *magyar átírás* az orosz tulajdonneveket és ⇒⇒ *ekvivalens nélküli szavak*at alkalmassá teszi arra, hogy azok -- a magyar ábécével való ~ után -- a befogadó nyelven írott szövegekbe beilleszkedjenek. *D)* Az ⇒⇒ *orosz átírás* a magyar szavakat cirill átírással közvetíti. *E)* A ⇒⇒ *nemzetközi átírás* az orosz betűknek latin betűkkel és diakritikus jelekkel történő, többé-kevésbé egységes transzkripcióját jelenti.

átkódolás: ⇒⇒ fordítás

áttételes egyenes beszéd: ⇒⇒ szó jelentése

a-zás, áканье: **1.** az orosz és a belorusz ⇒⇒ *irodalmi nyelv*nek az a fonetikai-fonológiai jelensége, amikor a hangsúlytalan szótagokban álló, nem felső nyelvállású magánhangzó fonémákat nem különböztetik meg, egy közös hangnak ejtik (vö. ⇒⇒ *o-zás*); **2.** az orosz és a belorusz irodalmi nyelvben, ill. az orosz déli ⇒⇒ *nyelvjárási* csoportban a nem felső nyelvállású fonémákat a hangsúlytalan szótagokban, kemény mássalhangzó után nem különböztetik meg (kivéve ⇒⇒ *susogó mássalhangzók* után). A *disszimilatív* ~ (*диссимилятúвное ~*) azt jelenti, hogy a hangsúly előtti első szótagban, kemény mássalhangzó után [a] jelenik meg, ha a hangsúlyos szótagban bármely más magánhangzó van; kivéve az [a]-t és a [ъ]-el jelölt hangot, ha hangsúlyos helyzetben [a]: [въдá], [вады́], [вад'é]. *Nem disszimilatív* ~ (недиссимилятúвное ~) lép fel a hangsúly előtti első szótagban kemény mássalhangzó után (kivéve a susogókat), amikor annnak mássalhangzó fonémája [a]-szerű hangnak felel meg: [вадá], [вады́], [вад'é]. (⇒⇒ *elhasonulás*)

a-zik, ákать: a hangsúlytalan [o]-t [a]-nak ejti. (⇒⇒ a-zás)

azonosalakú szavak: ⇒⇒ homonima

B

barbarizmus [gör. barbarismos 'idegenszerűség'], варвари́зм: **1.** olyan szó(alak) v. kifejezés, amelyet nem az adott nyelv szóalkotási, ragozási szabályai alapján képeztek v. történetileg (etimológiailag) megalapozatlanul jött létre; **2.** ⇒⇒ *idegen szavak, ekvivalens nélküli szavak.*

becenév, ласкáтельное и́мя: az ⇒⇒ *utónév* kicsinyített, kedveskedő alakja. Sok névnek van állandó, rövidített változata. Ebből v. ritkábban a teljes utónévből -еньк, -очк, -юшеньк stb. utóképzővel alkothatunk ~eket: Володенька, Димочка, Лидочка, Николашенька, Ванюшенька, Любушка, Николайчик stb. A ~ ugyanúgy ragozódik, mint az azonos végződésű köznév (⇒⇒*főnévragozás*); neme -- a végződéstől függetlenül -- mindig a természetes

Salga Attila

A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében

A Szovjetunió különböző felsőoktatási intézményeiben évente mintegy kétezer magyar egyetemi és főiskolai hallgató, általános és középiskolai tanár vesz részt teljes vagy részképzésen, nyelvtanfolyamon, szakmai továbbképzésen.

Ezt a munkát elsősorban azoknak az orosz anyanyelvű tanároknak (filológusoknak) ajánljuk, akik a magyarokat orosz nyelvre tanítják, továbbá az idegen nyelvek iránt érdeklődők és a magyarul vagy oroszul tanulók régi jogos önművelődési igényét is szeretnénk kielégíteni.

A szerző a két nyelv grammatikáját újszerűen tárgyalja: a flektáló orosz nyelv törvényszerűségeinek tükrében vizsgálja a finnugor magyar nyelv sajátos vonásait. Az összevető megközelítés során nyomon követhetjük az interferencia kialakulását, okait és a magyar anyanyelvűek orosz beszédére (a szavak ragozására, a mondatok szerkesztésére stb.) gyakorolt negatív hatását.

A szerző – érdeklődésétől, kutatásaitól és a rendelkezésére álló szakirodalomtól függően – egyes témákat alaposabban elemez, másokat csak vázlatosan érint.

A kötet nagy hiányt pótol, mert ilyen, elméleti és gyakorlati szempontból egyaránt jól hasznosítható kiadvány hazánkban eddig még nem jelent meg.

Tankönyvkiadó

Аттила Шальга

Венгерский язык в зеркале русского языка

В советских вузах на курсах русского языка и повышения квалификации, также на стажировке обучается ежегодно около двух тысяч венгерских студентов, преподавателей, учителей и других специалистов.

Настоящая работа предназначена в первую очередь для советских преподавателей-филологов, обучающих венгерских студентов, однако актуальные вопросы, связанные с изучением венгерского и русского языков, дают возможность расширить круг читателей.

При изучении русского языка венгры встречаются с большими трудностями, потому что их родной язык сильно отличается от флективного русского языка. Чтобы преодолеть эти трудности, необходимо считаться с особенностями двух языков.

Преподаватели, носители русского языка, обучающие венгров в советских и венгерских вузах, сравнительно мало знакомы с родным языком своих учащихся. Одной из причин этого является отсутствие необходимых источников.

Цель настоящей работы – дать возможность советским преподавателям познакомиться с основами системы венгерского языка в зеркале русского языка.

Автор стремился охватить как можно более широкий круг вопросов. В зависимости от разработанности тех или иных тем, от личных интересов и собственных исследований, на некоторых аспектах ему пришлось остановиться более подробно, другие же остались менее освещенными. Подбор и анализ богатого фактического материала по грамматике двух языков и сопоставительный метод, проводимый автором через работу, позволит предсказать случаи возможного действия межъязыковой интерференции.

СИНТАКСИС

Синтаксис – это составная часть грамматического учения, рассматривающего слово в его функционировании, в отношениях с другими словами, в словосочетании и в предложении. Этот раздел грамматики, изучающий строй связной речи – многогранен. Современная синтаксическая наука русского языка представляет собой сложное явление и потому, что в последние десятилетия в ней появилось много новых направлений и концепций.

Динамическое развитие изучения синтаксиса русского языка и его новые результаты несомненно обогащают эту науку, однако в то же время они не дают автору возможность вооружиться какой-либо надежной концепцией, на основе которой следует проводить сопоставление.

В настоящем разделе автор, руководствуясь критерием практики, дает не систематическое сопоставление русского и венгерского синтаксиса, а приводит лишь наиболее важные контрасты в области связи слов в словосочетании, порядка слов, координации главных членов предложения и некоторых конструкций.

Структурные типы грамматической связи между компонентами словосочетания в предложении

Способы выражения грамматической связи между компонентами словосочетаний в предложении можно свести к четырем основным структурным типам (ср.: В. Г. Гак, Русский язык в сопоставлении с французским. «Русский язык», М. 1975, с. 117–120):

§ 214. Невыраженная связь проявляется в том случае, когда оба члена словосочетания остаются неизменными; зависимость подчиненного слова выражается лексически, порядком слов и интонацией. Такая связь присуща русским словосочетаниям типа *говорить тихо, разговаривать*

гуляя, книга поинтереснее, слабо слышно, желание читать, квартира внизу и т. п.

Невыраженная связь характерна для венгерских словосочетаний следующего типа:

А) прилагательное + существительное

В определительном словосочетании определение, выраженное именем прилагательным, не изменяется по падежам и числам: ***kék inget*** ('синюю рубашку'), ***kék inghez*** ('к синей рубашке'), ***kék inggel*** ('с синей рубашкой'); ***kék ingekkel*** ('с синими рубашками'), ***kék ingekről*** ('о синих рубашках') и т. д.

Б) порядковое числительное + существительное

Первый компонент остается неизменным во всех падежах и числах: *a* ***tizedik*** *könyvet* ('десятую книгу'), *a* ***tizedik*** *könyvhöz* ('к десятой книге'), *a* ***tizedik*** *könyvvel* ('с десятой книгой'); *az* ***első*** *helyek* ('первые места'), *az* ***első*** *helyekről* ('о первых местах') и т. д.

В) количественное числительное + существительное

Первый компонент не изменяется: ***öt*** *épülethez* ('к пяти зданиям'), ***öt*** *épületről* ('о пяти зданиях'), ***öt*** *épületért* ('за пять зданий'), ***öt*** *épületből* ('из пяти зданий') и т. д.

§ 215. Морфологически выраженная связь. При такой связи отношение между двумя компонентами словосочетания выражается изменением одного из них: *читать книгу, письмо брату, разговаривать с друзьями, книга студента* и т. д.

Основные типы морфологически выраженной связи между словами в венгерском словосочетании сводятся к следующему:

А) существительное + существительное

Основным способом выражения этой связи являются притяжательные окончания (см. § 148): *a* ***feleségem*** *kabátja* ('пальто моей жены'), *a* ***feleséged*** *kabátja* ('пальто твоей жены'), *a* ***felesége*** *kabátja* ('пальто его жены'); ***Mária*** *haja* ('волосы Марии'), ***Máriának*** *a haja* ('волосы Марии') и т. д. В русском словосочетании родительный падеж зависимого слова («обладателя») обязателен, а в венгерском – необязателен: *a* ***feleségem(nek a)*** *kabátja* ('пальто моей жены'), *a* ***feleséged(nek a)*** *kabátja* ('пальто твоей жены'), *a* ***felesége*** *(****feleségének a)*** *kabátja* ('пальто его жены') и т. д.

Б) прилагательное + существительное

Некоторые русские и венгерские имена прилагательные сочетаются с косвенными падежами существительных: *(Magyarország)* ***erdőben*** *szegény – (Венгрия)* ***бедна лесами,*** *(a pohár) tele (van)* ***vízzel*** *– (стакан)* ***полон воды.***

Сравни также связь прилагательного с существительным в следующих

сочетаниях, различающихся в двух языках косвенными падежами: *gazdag (в чем) – богатый чем, büszke (на кого, на что) – гордый чем, elégedett (с кем, с чем) – довольный кем, чем, híres (о чем) – известный чем, párhuzamos (с чем) – параллельный чему, arányos (с кем) – пропорциональный чему, egyenrangú (с кем, с чем) – равноценный кому, чему, egyenlő (с кем, с чем) – равный кому, чему* и др.

В) глагол + существительное

В обоих языках глагол сочетается с существительным в косвенных падежах: *любить сестру – szereti a nővér(ét)t, разговаривать с мальчиком – beszélget a fiúval, говорить о невесте – beszél a menyasszonyról, играть на скрипке – hegedűn játszik* и т. п. (См. Приложение I.)

Особенностью венгерских глагольных словосочетаний следует считать двухстороннюю, взаимонаправленную зависимость главного и зависимого слов. Глагол с помощью окончаний объектного или безобъектного спряжения указывает и на свой субъект и на свой объект. Например: *írom a cikket – (я) пишу статью* (конкретную; ту статью, которую надо сдать), *írom – (я) пишу* (ее, т. е. конкретную статью); *cikket írok, írok egy cikket – (я) пишу статью* (она еще не написана, не конкретна), *írok – (я) пишу* (статью или вообще пишу).

Г) указательное местоимение + существительное

Зависимое слово согласуется с главным в числе и падеже: *ezt (azt) az iskolát – эту (ту) школу, ebben (abban) az iskolában – в этой (той) школе, ezekhez (azokhoz) az iskolákhoz – к этим (тем) школам, ezekről (azokról) az iskolákról – об этих (о тех) школах* и т. д.

§ 216. Связь выражена служебным словом, соединяющим два компонента сочетания. В русском словосочетании морфологически изменяется подчиненный компонент, в связи с чем отношение выражается совокупно – предлогом и окончанием знаменательного слова: *ехать в столицу, работать в саду, пройти мимо (высокого) дома, купить (марки) по 4 копейки* и др.

Венгерский послелог (см. §§ 203–206) употребляется в том же значении и функции, что и русский предлог, однако имя существительное, стоящее перед послелогом, как правило, не изменяется: *a ház mellett* ('около дома'), *a ház előtt* ('перед домом'), *a ház fölött* ('над домом'), *a ház mögött* ('за домом') и т. д. Исключения: *az utcán át* ('через улицу'), *Máriával együtt* ('вместе с Марией'), *Iványon kívül* ('кроме Ивана') и др.

§ 217. Связь между двумя словами выражена знаменательным словом в полуслужебной функции. При этом знаменательные слова (прилагательные, глаголы, причастия) выполняют полуслужебную, связывающую функцию; их лексическое значение отходит на второй план: *ведро, полное воды; поездка, длящаяся шесть дней; заседание, состояв-*

шееся пятого сентября и др. Ср.: *a versenyre **való** felkészülés* ('подготовка к соревнованию'), *a Szovjetunióba **történt (tett)** utazás után* ('после поездки в СССР'), *három napra **szóló** engedély* ('разрешение на три дня'), *az **ifjúságról festett kép*** ('картина о молодежи') и т. д.

Координация форм подлежащего и сказуемого

§ 218. Координация – это особый вид согласования сказуемого с подлежащим, возникающий только в предложении. В отличие от венгерского сказуемого, русское сказуемое может уподобляться своему подлежащему не только в числе, лице, но и в роде. Как известно, в венгерском языке категории рода нет.

Табл. 19 **Расхождения в координации главных членов в русском и венгерском предложениях**

	Русские примеры	Координация		Венгерские примеры
		Р. пр.	В. пр.	
Предложение с двумя или более подлежащими в ед. числе	Вера и Галя накрывают на стол.	мн. ч.	ед. ч. реже мн. ч.	Vera és Gálja megteríti(k) az asztalt.
Подлежащее по форме мн. числа, обозначающее единое понятие	Соединенные Штаты не принимают участия в совещании.	мн. ч.	ед. ч.	Az Egyesült Államok nem vesz részt a tanácskozáson.
В количественной конструкции	Четверо друзей отправлялись к реке. – Обе девушки учатся на втором курсе.	мн. ч.	ед. ч.	A négy barát elindult a folyó felé. – Mind a két lány másodéves.
	Найдется (найдутся) у тебя два форинта?	ед. ч. и мн. ч.	ед. ч.	Van két forintod?
Одно из подлежащих стоит во мн. числе	Над нами сияют луна и звезды.	мн. ч.	ед. ч.	Fölöttünk ragyog a hold és a csillagok.
	Луна и звезды сияют над нами.	мн. ч.	мн. ч.	A hold és a csillagok ragyognak fölöttünk.
Подлежащее выражено местоимением вопросительным	Что это? Кто это?	ед. ч.	ед. и мн. ч.	Mi ez? Mik ezek? Ki ez? Kik ezek?

Salga Attila: A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében

(Tankönyvkiadó, Budapest, 1984.)

Монография «Венгерский язык в зеркале русского языка (автор Аттила Шальга, Танкёньвкиадо, Б-шт, 1984 г.) посвящена описанию системы венгерского языка в сопоставлении с русским и адресована в основном советским преподавателям русского языка, работающим с венгерскими учащимися. Заслуживает внимания сам факт появления этой книги, поскольку в ней осуществляется попытка принципиально нового подхода к явлениям венгерского языка, столь отличного от русского по своему строю, попытка выявить некоторые сходные моменты, указать на случаи абсолютного различия в системах обоих языков, что очень важно знать преподавателю. Ведь основные трудности при обучении иностранному языку, наиболее типичные грамматические и речевые ошибки учащихся связаны именно с интерферирующим влиянием системы родного языка. Поэтому рассматриваемый курс венгерского языка, хотя и не служит практическим целям его усвоения, имеет тем не менее практическую направленность, обращая внимание именно на тот круг вопросов, который может быть актуален для преподавателя.

В книге рассматриваются разделы: фонетика-фонология, морфология, синтаксис. В приложении даны списки русских глаголов, имеющих разницу в управлении с аналогичными глаголами в венгерском языке, русских предлогов и их обычных эквивалентов в венгерском, а также лексических заимствований из славянских языков в венгерском, иностранных слов, функционирующих в обоих языках.

Удачно и выразительно дан в книге раздел «фонетика — фонология», в котором подробно освещается вопрос о звуковых реализациях гласных и согласных фонем в венгерском языке в сопоставлении с русским, уделяется внимание артикуляционным различиям при образовании гласных и согласных звуков в рассматриваемых языках. Известно, что фонетические особенности русского языка особенно трудно усваиваются венгерскими учащимися, и тем более ценно, что автор сопоставляет конкретные разделы венгерской и русской фонетики, в связи с которыми эти трудности могут иметь место, а именно: отсутствие редукции гласных в венгерском, по сравнению с русским языком; не характерное для венгерского языка смягчение согласных в русском; венгерское постоянное словесное ударение, не выполняющее смыслоразличительной функции, тогда как русское словесное ударение подвижно и служит для различения слов.

В этом же разделе проводится сопоставление русского логического фразового ударения с логическим выделением слова в венгерском языке, которое осуществляется изменением порядка слов. Значительное место автор отводит описанию интонации венгерских предложений «в зеркале» интонационных конструкций русского предложения, поскольку русская интонация существенно отличается от венгерской, трудна для восприятия носителей венгерского языка и вопрос этот заслуживает повышенного внимания при обучении.

Убедительно сделан выбор основных явлений в морфологии и синтаксисе, которым уделяется большее внимание при сопоставительном рассмотрении. В морфологии значительное место отводится глаголу и глагольным категориям, а также категориям имени существительного, в синтаксисе обращается внимание на связь слов в слово-

сочетании и предложении, координацию форм подлежащего и сказуемого, порядок слов в венгерском и русском языках. То, что данные языковые явления в соответствующих разделах рассматриваются в первую очередь, не случайно: глагол и существительное являются организующим центром предложения и наиболее богаты грамматическими категориями и формами; порядок слов и связь слов в словосочетании и предложении важны для овладения механизмом построения предложения.

Обзор частей речи автор начинает с характеристики глагольных категорий в венгерском языке, подчёркивая различия системы категорий венгерского и русского глагола, в частности: отсутствие категорий вида и залога у венгерских глаголов; способность их различать определённость/неопределённость объекта; наличие грамматического выражения времени у венгерских глаголов в условном наклонении, что отсутствует в русском языке и может передаваться только другими языковыми средствами; различия в употреблении форм повелительного и сослагательного наклонений глагола в венгерском и русском языках и т.д.

Ново и актуально в книге то, что автор в ряде случаев стремится показать не только отсутствие определённых грамматических категорий в том или другом языке или несоответствие их, но пытается выявить, какими средствами венгерского языка передаются смысловые категории, не выраженные в этом языке такой же системой грамматических форм, как в русском. Это касается, например, категории аспектуальности, представленной в русском языке системой видовых форм глагола. Хотя в лексикограмматической системе венгерского языка отсутствует чёткое противопоставление «двух видов», автор видит свою задачу в том, чтобы выявить или отметить в венгерском языке некоторые сходные с русским глагольным видом явления. Так, в частности, им выделяется ряд глаголов, обозначающих определённый способ протекания действия по таким признакам, как «протекание действия во времени», «кратность», «интенсивность», «продолжительность» и т.д., что составляет важнейший элемент семантики аспектуальности, представленный глагольными формами в венгерском языке. Указывается также ряд приставок и суффиксов, участвующих в образовании глаголов, обозначающих определённый способ совершения действия.

Не ставя своей целью рассмотреть данную грамматическую проблему и другие подобные по сложности детально, автор указывает на заслуживающие внимания преподавателей и исследователей языка моменты сопоставительного анализа. Сюда, кроме категории вида, он относит: некоторые случаи выражения временных отношений; категорию определённости/неопределённости в русском и венгерском языках, выражаемую различными средствами; категорию состояния в русском языке, в чём-то близкую венгерскому деепричастию настоящего времени, венгерские послелоги в их сопоставлении с русскими предлогами; систему притяжательных отношений в венгерском языке в сравнении с русским; особенности актуального членения предложения и порядка слов в обоих языках. В ряде случаев достаточно простого указания на случаи сходства или различия в структуре языковых элементов и функционировании их, поскольку это уже даёт возможность преподавателям, работающим с венгерскими учащимися, лучше ориентироваться в том, какие трудности могут возникать у венгров при изучении русского языка, и обращать более целенаправленное внимание на предупреждение возможных ошибок учащихся, связанных с переносом на изучаемый язык фактов родного языка.

Каждый раздел книги, возможно,

мог бы быть расширен и углублён. В этом плане заслуживает большего внимания раздел, посвященный выражению модальности в венгерском языке, поскольку в этом разделе лишь указывается на существование в венгерском языке средств для выражения отношения содержания высказывания к действительности, но не делается попытки эти средства описать.

Представляет большой интерес раздел, посвящённый употреблению временных форм венгерского глагола в сравнении с русским, в котором обращается внимание на отсутствие в венгерском языке отчётливого различения простого будущего и настоящего времени, «потому что (цитируем) для выражения обоих времён служат одни и те же формы. Решающим фактором для «выявления» того или иного времени является контекст и ситуация». Думается, однако, что в этом случае уместнее было бы говорить об отсутствии в венгерском языке грамматической категории вида глагола и, таким образом, об отсутствии двух временных форм будущего и более широком, по сравнению с русским языком, использовании формы настоящего времени глагола при обозначении простого будущего.

В разделе «Синтаксис» автор обращает более пристальное внимание на ряд явлений венгерского языка, отсутствующих в русском, а именно: выражение каузации специальными формами глагола; конструкции с союзом hogy, существенно отличающиеся от русских с союзом **чтобы**; отличие сравнительных конструкций со словом mintha от русских сложноподчинённых предложений с союзами **как будто, словно, будто бы**; употребление в венгерском сложноподчинённом предложении указательных (соотносительных) слов, не всегда обязательных в русском, и т.д.

Не в порядке критики, а лишь как пожелание стоит заметить, что хотелось бы в дальнейшем в книге такого типа увидеть более подробное описание некоторых синтаксических конструкций в венгерском языке, в частности тех, при помощи которых передаётся содержание русских страдательных оборотов, а также безличных предложений. Так, например, можно было бы говорить не только о предложениях типа «Задание выполняется студентами», где есть указание на производителя действия, но и о конструкциях типа «Здесь говорится о...», «В газете говорится...», «Как говорится,...», то есть тех, где указание на производителя действия отсутствует. Хотя страдательного залога в венгерском языке нет, однако существует, видимо, ряд характерных случаев, где сходное с русским пассивом содержание может выражаться однотипными средствами, поддающимися систематизации. Если не существует, это стоило бы лишний раз подчеркнуть.

Очень важным разделом книги является приложение, данное в таблицах. Оно, безусловно, может оказать большую помощь как преподавателям, так и самостоятельно изучающим венгерский язык, поскольку даёт возможность наглядно и в достаточно полной мере представить различия в управлении венгерских и русских глаголов, систему падежных окончаний и послелогов в венгерском языке. Благодаря этим таблицам отчётливо видно многообразие средств выражения предложно-падежных отношений в венгерском языке в сравнении с русским и, соответственно, ещё раз подчёркиваются те случаи, на которые преподавателям русского языка необходимо обратить внимание.

В заключение хотелось бы сказать, что книга действительно может «служить ориентиром» во многих вопросах, связанных с преподаванием русского языка венграм. Но, думается, не только в этом. Она может стать ориентиром и для тех, кто приступает к изучению учебник венгерского языка. Сопоставительный подход во многом облегчил бы задачу преподавателей, а также задачу изучения венгерского языка для более широкого круга интересующихся.

Л. Вольская

Родовая соотносительность в категории названий лиц

В системе существительных разряд наименований, обозначающих лиц, стоит на первом плане по обширности и всевозрастающей продуктивности. Категория названий лиц отличается большим разнообразием, включая обозначения человека по множеству признаков (по отношению отдельной личности к природе и обществу, по политическим убеждениям и идейно-нравственным показателям, а также по трудовому, профессиональному признаку, по внешним качествам, душевным, моральным свойствам и т. д.)

Казалось бы, удобнее и проще подобрать для каждого из подобных наименований подходящий суффикс, который бы и придал слову форму женского рода, тем более что русский язык располагает богатой системой суффиксальных средств. Но оказывается, что при попытке образовать форму женского рода от целого ряда слов возникают свои трудности. Одна из трудностей состоит в том, что среди "женских" суффиксов обнаруживаются малопродуктивные или вовсе непродуктивные, например суффиксы *-иня (-ыня)*, *-иса (-есса)*. Действительно, подавляющее большинство наименований этих словообразовательных типов либо вовсе выпало по социальным мотивам, либо значительно сократилось в употреблении (*ср. боярыня, сударыня, рабыня, княгиня, дьяконица, принцесса, баронесса* и др.). Не менее важно и то, что эти и некоторые другие словообразовательные типы (можно, например, вспомнить ещё слова на *-ша, -иха*) оказываются стилистически окрашенными. Поэтому необходимо сделать огоровку относительно образований с суффиксами *-ша* и *-иха*. Дело в том, что наблюдаются признаки преодоления экспрессивно-сниженной окраски образований с этими суффиксамия они семантически и стилистически уже приспособлены вряде случаев для выполнения функции показателей рода занятий женщины, женской профессии (*кондукторша, кассирша, билетёрша, лифтёрша,* и т.п.я *сторожиха, пловчиха* и др.). Иногда возникают дублетные формы (*музыкантша -- музыканта, партнерша -- партнёрка, юбиляршa -- юбилярка, чабаниха-чабанка* и др.), причем в одхих случаях большую жизненность обнаруживают формы с *-ка* (*комбайнерка, ветеранка* , в других более употребительными оказываются наименования на *-ша, -иха* (например, *чабаниха, почтальонша, юбиляршa, смутьянша*). Это само по себе является показателем словообразовательной активности в данной категории обозначений.

Нередко возникают слова со сниженной окраской (*врачиха, директриса;* ср. окказиональное *геология* и др.). В непринужденной речи иногда встречаются претенциозные окказионализмы вроде *кадресса, редактриса, критикесса.*

Мы различаем здесь два типа родовой несоотносительности: частничную несоотносительность (*мастер -- мастерица, секретарь -- секретарша* и т. п.), при которой значение формы женского рода совпадает не во всех, а лишь в части значений, присущих наименованию в форме мужского рода; полную несоотносительность

(*техник -- техничка, машинист -- машинистка и т. п.*), при которой имеет место полное расхождение в значениях однокорневых слов. Ср. также полную несоотносительность при омонимии, где наименования четко различаются по признаку "лицо -- нелицо" (что явствует из контекста; таковы, с одной стороны, наименования лиц, соотносительные друг с другом, типа *птичник -- птичница*, с другой -- *птичник -- 'помещение для домашней птицы'*. Ср. еще *гусятник, утятник, телятник, торфяник* и др.).

И тем не менее, несмотря на известные трудности и ограничения, основным средством родоразличения в этой категории слов служит суффиксация. Вместе с тем имеет место и тенденция к аналитизму, к описательному способу выражения грамматических отношений тогда, когда суффиксация по тем или иным причинам затруднительна или невозможно; отсюда рост конструкций типа *врач пришла*. Тем самым одно средство дополняется другим. В определенных случаях и при наличии женского коррелята используется форма мужского рода, т.е. слово мужского рода употребляется в его общем значении; ср. в объявлениях типа "Организации (учреждению, предприятию) требуется на штатную работу *лаборант, учетчик, табельщик...врач, педагог*" и т.д. Ясно, что приглашается не обязательно мужчина, а человек определенной квалификации, способный выполнять данную работу.

Имена существительные в форме мужского и женского рода, обозначающие лиц, образуют довольно строгую систему соотносительных обозначений; различные случаи суффиксальных образований этих названий могут быть сведены по способу словопроизводства к трем основным типам или моделям, а именно:

1. Присоединение к бессуффиксному существительному мужского рода суффикса, образующего название лица в форме женского рода: *патриот -- патриотка, космонавт -- космонавтка, фельдшер -- фельдшерица, поэт -- поэтесса, кондуктор -- кондукторша, герой -- героиня* и.т.п.

2. Присоединение к суффиксальному существительному мужского рода суффикса женского рода: *коммунист -- коммунистка, марксист -- марксистка, связист -- связистка, писатель -- писательница, ткач -- ткачиха* и т.п.

3. Замена суффикса мужского рода суффиксом женского рода: *комсомолец -- комсомолка, ударник -- ударница, дрессировщик -- дрессировщица, текстильщик -- текстильщица* и.т.п.

Первый тип образования слов не обнаруживает заметной продуктивности; при помощи второго и третьего образуется большое количество наименований, причем роль отдельных суффиксов неодинакова. Наиболее продуктивными оказываются суффиксы *-ка, -ица* и их производные.

Особенности трудовой деятельности имели и имеют важное значение в процессе родовой дифференциации наименований лиц. Первой предпосылкой возникновения соотносительного имени существительного является самый факт участия женщин в той или иной сфере деятельности. Ясно, что такие названия чаще всего и с более четкой последовательностью возникают в обозначениях тех разновидностей труда, где участие женщин оказывается преобладающим (названия многих специальностей в текстильной, обувной, пищевой

промышленности; фармацевтическом, фарфоровом производстве и т. п.; в почтово-телеграфном, типографском деле; названия ряда медицинских специальностей; термины сельскохозяйственного производства и т. д.). Точно так же понятно появление названия в форме женского рода, когда специальность относится к числу почти или исключительно женских (*машинистка, маникюрша, стенографистка, телефонистка, сиделка* и пр.). Очевидна практическая надобность в разграничении названий лиц по признаку спортивно-физкультурных занятий, где существуют различные нормативы для мужчин и женщин. В этой области терминологии происходит наиболее четкое и последовательное пополнение словаря параллельными обозначениями.

Аналогичное положение в смысле ясной мотивированности раздельных наименований наблюдается в небольшом разряде терминов, относящихся к сфере театрально-исполнительской деятельности (наличие мужских и женских ролей, голосов): *артист -- артистка, актер -- актриса, певец -- певица, вокалист -- вокалистка, солист -- солистка, танцовщик -- танцовщица* и др.

Слово *учительница* звучит для всех привычно, а возможное (и употребляемое в просторечии) слово *врачиха* (ввиду стилической сниженности) не прививается в литературном языке. Несмотря на то, что имеется большое число женщин, выступающих в роли лектора, организатора, рационализатора или исполняющих должности техника, администратора, технолога, адвоката и др., от этих слов параллельные названия в форме женского рода, как правило, не образуются, а возникшие от некоторых названий формы на *-ша* в строго литературной речи не употребляются. От многих слов этого типа не появляются соотносительные названия не только потому, что здесь не существенно, мужчина или женщина находится на указанном посту, не просто из-за малой надобности подобных образований, но главным образом ввиду отсутсвия продуктивных словообразовательных аффиксов, которые могли бы присоединяться к бессуфиксным словам и образовывать стилистически нейтральные наименования. Поскольку же в перечисленных выше обозначениях важно прежде всего указать должность, официальное звание лица, слова мужского рода, обладая свойством обозначать "человека вообще" (и мужчину, и женщину), удовлетворяют эту потребность. Характерно, что большинство недифференцирующихся названий объединяются рядом общих черт в смыслом и структурном отношении. Это ряд сугубо официальных воинских званий, специальностей (*сержант, минер, штурман, капитан* и т. п.), некоторые официально установленные высокие звания (типа *министр, лауреат, академик* и др.), должностные обозначения (*профессор, декан, доцент* и т. д.). В подавляющем большинстве они имеют интернациональные основы.

Говоря об особенностях употребления личных именных обозначений, мы умеем в виду и те из них, которые связаны со сниженной экспрессивно-стилистической окрашенностьюя ее привносят некоторые суффуксы, соединяясь нередко с вполне нейтральными и терминологически четкими основами.

Вот один из примеров подобного рода. Здесь явственно выступает противопоставление наименований *женщина-хирург, врач* нарочито сниженному *хирургиня*.

Наблюдается расширение использования словообразовательного

элемента *-ша* для образования наименований женщин по выполняемой ими функции (по труду, занятию, должности). Суффикс *-ша*, утратив в наше время активность в производстве слов, обозначающих жен по мужу, обнаруживает продуктивность в образовании названий, соотносительных мужским по роду деятельности. Весьма распространено было использование данного суффикса в наименованиях жен по мужу. Однако экспрессивная окрашенность этого словообразобательного элемента успешно преодолевается, свидетельством чего является наличие новообразований типа *бригадирша, кондукторша, лифтёрша, курьерша, билетёрша, контролёрша, парикмахерша* и др. Большинство таких слов, образованных преимущесвенно в 20-30-х гг. и являвшихся первоначально характерными для разговорно-бытовой речи, впоследствии стали все шире входить в языковой обиход литературных произведений.

Обнаруживается продуктивность суффикса *-ша* в группе наименований женщин по роду занятий при сочетаниях с заимствованными словами. Сочетания русских слов с *-ша* единичны (ср. *гусляршa*). Да и в непрофессионалных обозначениях есть лишь единичные, давно известные названия лиц (например, *великанша, смутьянша*); новообразований с русскими основами и здесь не наблюдается.

Имена существительные на *-ша* образуют также определённый смысловой разряд слов, куда входят названия лиц по объекту деятельности (*кассир, лифтёр -- кассирша, лифтёрша*), по функции (*контроль -- контролёр, контролёрша*), *по какому-нибудь признаку (ср.: великанша, смутьянша, ветеранша).*

Отмечается разница в восприятии (и, следовательно, употреблении) таких категорий слов, как, например, *кассирша, библиотекарша* и т. п. (первая группа), используемых и легко воспринимаемых в их "прямом" значении *(женщина--кассир, библиотекарь...), и профессорша, директорша* и т. п. (вторая группа). Слова первой группы, будучи новыми образованиями, без труда осознаются как названия женщин по профессии; слова же второй группы, употреблявшиеся в прошлом в значении "жена профессора, директора", в сознании говорящих невольно ассоциируютя с этим прежним оттенком значения. Бесспорно, данное обстоятельсво затрудняет употребление последних в первычном для этих слов смысле.

Оказываются "нежизненными" словообразовательные модели, которые имеют давнюю традицию производства слов на *-ша*, дающих семейную характеристику женщины ("жена"). В то же время известно продуктивность моделей в образовании названий женщин, занятых определённым видом деятельности. Это наблюдается в таких соотносительных парах суффиксов, которые давали подобные образования в прошлом.

Tartalomjegyzék

Előszó helyett... 5
Könyvek, jegyzetek 6
Tanulmányok, cikkek 7
Könyvismertetések 12
Hivatkozások 14
Nyelvművelés 18

Ötven évvel ezelőtt jelent meg Bonkáló Sándor A ruténekről című könyve. (Múzeumi Kurír, Debrecen 1991. pp. 61-69) 19
Notes on Sándor Bonkáló's Work of Rusyn (Ruthenian) Philology. (Slavica XXV. Debrecen 1991. pp. 51-61) 28
Олександр Бонкало и Русини. (Нова Думка, Вуковар 1989. XVIII. 73. pp. 44-45) 39
Чи Русини пластарожителє на Подкарпат'ю. (Нова Думка, Вуковар 1989. XVIII. 71. pp. 58-59) 41
Sándor Bonkáló kaj la orientaj slavoj. (Debrecena Bulteno. Ekstra numero. Debrecen 1991. pp. 1-14) 43
Alexander Bonkalo: The Rusyns. (Translated by Ervin Bonkalo. -- East European Monographs. Distributed by Columbia University Press, New York 1990. pp. IX, XVI, XVII, XVIII 57
A Contribution to the Passive in Russian. (Slavica XXVI. Debrecen 1989. pp. 33-42) 62
Категория залога в русском языке. (Slavica XX. Debrecen 1984. pp. 5-10) 72
Orosz nyelvészeti kislexikon. (Debrecen, KLTE 1993. pp. 3-15) 78
Венгерский язык в зеркале русского языка. (Tankönyvkiadó, Bp. 1984. pp. 95-98) 92
L. Volskaja: Salga Attila: A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében. (Idegen Nyelvek Tanítása, 1985. 5. pp. 156-159) .. 97
Родовая соотносительность в категории названий лиц. (Rendhagyó bibliográfiám. Debrecena Bulteno, Debrecen 1995. pp. 100
Tartalomjegyzék 104